

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел АМНУЭЛЬ

ТРИВСЕЛЕННАЯ

Иерусалим
2011

Эвереттика

Павел Амнуэль
Тривселенная

«Млечный путь»

2011

Амнуэль П. Р.

Тривселенная / П. Р. Амнуэль — «Млечный путь»,
2011 — (Эвереттика)

После Большого взрыва расширяющаяся Вселенная разделилась на три мира, взаимно дополняющих друг друга, зависящих друг от друга. Мы живем в материальной Вселенной, Первом мире, но что мы знаем о двух других? «Тривселенная» Павла Амнуэля трехчастна: она начинается как острый детектив, продолжается как полная загадок «повесть о воспитании» и связывает все сюжетные и интеллектуальные нити в своем мощном философском финале. Разгадка тайны, составляющей сюжетный узел детектива, все время отодвигается, и это ведет к нарастанию внутреннего напряжения, которое достигает кульминации, как ни парадоксально, в третьем, самом «отвлеченном» мире Тривселенной. Сюжетная загадка почти незаметно для читателя поднимается до уровня философской и духовной проблемы, и сама читательская мысль поднимается, расширяется и углубляется вместе с ней. Эта непринужденная, ненавязчивая композиционная метаморфоза – одно из художественных достоинств романа. Пожалуй, впервые со времен лемовского «Соляриса», роман Павла Амнуэля возвращает фантастике подлинную духовную серьезность и глубину. В сущности, автор предпринял попытку «овеществить», воплотить в виде напряженной «драмы идей» грандиозную мифологию Платона...

© Амнуэль П. Р., 2011

© Млечный путь, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Глава восьмая	48
Глава девятая	60
Глава десятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Павел Амнуэль

Тривселенная

Часть первая

ЛАДОНЬ ДЬЯВОЛА

Глава первая

Ночью Аркадий два раза просыпался, потому что у него начинало сильно биться сердце. Что-то, должно быть, снилось, но снов он не запоминал никогда.

Открыв глаза, Аркадий понял, что опоздал. Виктор все равно будет недоволен, торопиться смысла не имело, но и лежать попусту он не привык. Пришлось вставать, тащиться в ванную и ждать, пока нагреется вода. Цены на электричество вчера опять поднялись, ненамного, меньше, чем в прошлом году, денег и тогда не хватало, а теперь... Впрочем, начинать утро с привычных мыслей не хотелось – все равно никакого толка. Алена вчера сказала: «Мужик нашел бы подработку, а ты только жалуешься».

– Я, значит, не мужик? – возмутился он. Нашел повод, давно хотел и, можно сказать, сам напросился. – Как детей от меня рожать, так мужик, а как деньги зарабатывать – так тряпка.

Повернулся и ушел. Думал, что уходит навсегда, но уже через минуту, срезая угол на перекрестке улиц Вошагина и Тверской, заскучал и едва не повернул в сторону Белорусского. Вовремя передумал – если вернется сейчас, Алена будет пилить его не меньше недели...

Аркадий постоял под душем, вяло обтерся, ощущая кожей, что день будет плохим, вставать не стоило вовсе, и, если уж все равно опоздал, то имело смысл остаться дома и поработать над версиями.

Перекатывая в уме эту мысль и зная, конечно, что она останется без последствий, он выпил кофе с тостами (сыр оказался слишком соленым, странно, австрийские сыры всегда ему нравились) и включил компьютер, чтобы посмотреть почту.

Мог бы и не смотреть – он обнаружил лишь штраф за неправильную парковку, деньги уже наверняка ушли с его счета, в отделе Моссовета сидят крутые мужики, дело свое знают, у них наверняка нет проблем ни с женами, ни с любовницами, ни, тем более, с парковкой.

Машину он вчера оставил перед домом, в очередной раз нарушив правила, не было у него настроения искать свободное место в разрешенном боксе второго яруса. На ветровом стекле белел корешок квитанции. Аркадий сунул пластиковую карточку в отделение для бумаг, сел за руль и только тогда проснулся окончательно.

Cogito ergo sum.

Он выехал на борозду и включил автопилот. Не то чтобы ему было все равно куда ехать, но в направлении на Кольцо-2 сейчас пробки, к Речной не прорваться из-за вчерашнего взрыва в Парке подводных развлечений, значит, хочешь-не хочешь, а ехать придется в объезд. И это даже хорошо, будет время прийти в себя и принять хоть какое-то решение.

Алена права, нужно найти подработку. Заниматься частным сыском могут себе позволить только неисправимые романтики, рыцари, с позволения сказать, плаща и кинжала, или, если на то пошло, – ушедшие на покой бизнесмены, которым не нужно зарабатывать. Если тебе нравится разгадывать загадки – милости просим, только не проси прибавки к жалованию.

Он и не просил.

Перед Крымским мостом поставили новый знак – «Дорога через тоннель». Что-то, вероятно, произошло на мосту, от поворота не видать, да и не интересно. На мосту постоянно что-нибудь происходило. Неделю назад здесь сшиблись две танкетки, обе без турбо, дешевый товар, и потому убирать их пришлось почти полдня, Аркадий видел телемессер, смотрел по долгу службы, а так ни за что не стал бы интересоваться этой бодягой. Но пришлось – в фирму обратились родственники одного из погибших. Случай был ясен кристально, в компетенцию «Феникса» не входил и войти не мог, Виктор сразу это объяснил, даже не хотел открывать дело, но родственники покойного настояли, особенно сестра, как же ее звали... Странное имя... Лукреция. О Господи, в наши дни – и так обзывать вполне миловидную женщину! Как ее домашние называют? Лука? Крика? Неважно... Лукреция была почему-то уверена, что брат погиб случайно и потому кто-то должен понести наказание. Аркадий потратил на объяснения больше часа, но женщину так и не убедил. Пришлось сказать коротко: «Не наша компетенция, обращайтесь в МУР или ФСБ», после чего Лукреция, естественно, сникла и ушла, даже не попрощавшись. Хорошо, по счету заплатила наличными, Аркадий смог сразу выторговать у Виктора свою долю. Стандартную – пятнадцать процентов.

За тоннелем Аркадий выключил автопилот и свернул влево. Можно было попробовать оставшуюся дорогу пролететь во втором эшелоне, но турбины требовали лишнего расхода горючего, Аркадий не мог себе этого позволить. На колесах дешевле, хотя и займет больше времени.

Подъезжая к бульвару Ельцина на малой скорости, Аркадий уступил дорогу рвавшемуся вперед лихачу и, выпустив из рук руль, набрал на приборной панели номер конторы.

– Детективное агентство «Феникс», – сказал бодрый голос Дины-хромоножки, записанный на пленку. – Для заказа расследования нажмите ноль. Для получения информации нажмите единицу. Для оперативного подключения наберите личный номер.

Аркадий набрал комбинацию из семи цифр, и над приборной панелью возникло изображение Виктора, сидевшего за столом в позе памятника Лужкову на Цветном. Кепочка тоже была на месте.

– Виктор, – сказал Аркадий, – я на углу Ельцина и Савицкого.

– Опять поругался с Аленой, – констатировал начальник, бросив на Аркадия пронизывающий взгляд. Мог бы и не изображать из себя Эркюля Пуаро – Аркадий и так знал, что после очередного скандала всегда выезжает на работу с часовым опозданием. – Вид у тебя, будто ты не спал две ночи. Послушай, Аркадий, заведи любовницу, все легче будет...

– Непременно, – быстро сказал Аркадий, не желая сегодня выслушивать наставления, не относившиеся к служебным обязанностям. – Для меня есть что-нибудь?

– Пока нет, – Виктор отрицательно покачал головой. – Загони машину в подвал и поднимайся.

Если предстояло выезжать на задание, Аркадий останавливался на парковочной – здесь можно было оставить транспорт на полчаса, дорогое удовольствие, но в этом случае платила фирма. Если с утра заказы не поступали, нужно было запихнуть машину в подземную консервную банку и платить за это из своего кармана.

На минус первом этаже все было занято, автопогрузчик спустил машину на второй уровень и закрепил между элегантной «вольво-99» и странного вида «хондой» с наполовину оторванным крыльевым механизмом. Аркадий сунул погрузчику в морду свою кредитку, механизм чавкнул и выплюнул квитанцию, прилипшую к поверхности кредитки, как муха к тарелке. Аркадий подождал несколько секунд, пока квитанция растворится, и сунул чуть потеплевшую карточку в нагрудный карман.

Наверх он поднялся по лестнице.

* * *

Виктор Николаевич Хрусталеv, хозяин детективного агентства «Феникс», читал «Интерполицию». Текст возникал в воздухе в полуметре над уровнем стола и плыл вверх, к потолку, будто облако дыма, растворяясь и насыщая объем комнаты не столько информацией, сколько туманом. Аркадий не любил эти полиграфические изыски, журнал он предпочитал держать в руках. В крайнем случае видеть на объемном экране. Что за удовольствие в чтении, если буквы полощутся в воздухе и смазываются от малейшего чиха?

– Садись, – предложил Виктор, – и не изображай из себя невинного страдальца. Жену нужно бить. Иначе будешь бит сам – простая истина.

– Я не изображаю...

– Тем хуже, если это твоя естественная реакция. Впрочем – твое дело.

Виктор помахал в воздухе рукой, разгоняя текст.

– Интересная статья, – сказал он. – Фэбээровцы на прошлой неделе раздолбали-таки базу Хозингера в Каролине. Сообщили об этом только сейчас, поскольку боялись ответных акций в Нью-Йорке, там один ушел недобитый, его взяли сегодня ночью.

– Живым? – профессионально полюбопытствовал Аркадий. На самом деле это его вовсе не интересовало, нам бы их проблемы.

– Скажешь тоже, – протянул Виктор. – Зачем им живой свидетель? Вот что, Аркадий, – оборвал он сам себя, – тут с утра пораньше поступил запрос-гарант. Я отослал в МУР, ответ должен быть с минуты на минуту. Если дадут плюс, поедешь.

– С кем? – настороженно спросил Аркадий. Насколько он мог судить, все уже разъехались, ему вовсе не улыбалось начинать новое дело одному.

– С никем, – буркнул Виктор. – Или ты хочешь, чтобы я сам с тобой поехал?

Аркадий не возражал бы. Толка в работе от Виктора мало, но ответственность, если что, он взял бы на себя.

– Ты не знаешь, – спросил Аркадий, – что произошло на Крымском? Там опять гонят через тоннель.

– Покушение, – сообщил Хрусталеv. – Стандарт номер восемь. Полагаю, Самсон не разберется, а Банкир потащит дело на кругляк.

Самсон – а точнее, Игорь Самсонов, начальник следственного отдела МУРа, – был в свое время приятелем Виктора, оба учились в МГУ на юридическом, оба получили коричневые корочки, после чего, как водится, сказало свое слово социальное неравенство: Виктор не получил никаких предложений и вынужден был заняться частным сыском, а Самсон, сын покойного директора «Инстатбанка» (взорванного в своей машине, когда Игорь учился в десятом классе), пошел напрямик в МУР – как утверждал, с единственной целью: найти и отомстить. Найти-то он, конечно, давно нашел, не так это было и сложно, Аркадий знал, что подобные дела, если вообще раскрываются, то достаточно просто при наличии нормальной агентуры, но вот с мщением все обстояло куда сложнее. Насколько Аркадию удалось узнать, Самсону даже не дали подобраться к заказчикам, а исполнителей пустили в расход еще до вступления Самсонова в должность.

Что до упомянутого Хрусталевым Банкира, то это было известное всем в Москве прозвище заместителя министра общественной безопасности Сергея Столыпина. Он действительно сидел, говорят, на крутых деньгах, хотя никогда не работал в банковском бизнесе. Капитал же сколотил, вращаясь в межклановых кругах, это удавалось немногим, а вот выжить после подобных дел до Столыпина не удалось пока никому. Возможно, – с некоторой долей злорадства думал Аркадий, – не удастся и Банкиру, в конце концов и до него доберутся, вряд ли этот человек доживет до пятидесяти трех лет, возраста, когда россиянин мужского пола может

отправляться на тот свет с сознанием того, что достиг отмеренной статистиками средней продолжительности жизни.

– Стандарт восемь? – поднял брови Аркадий. – Посреди Москвы?

– А что тебя смущает? – удивился Виктор. – Крымский мост вполне годится для такой акции.

Аркадий позволил себе не согласиться с начальством, хотя и не стал вслух высказывать собственное мнение. Для устранения конкурента, бывает, используют и межконтинентальные ракеты (случай с Беридзе в 2065 году, так и не ставший стандартом), но подобные идеи требуют для своего воплощения свободного пространства. Стрельба израильскими ракетами «Иерихо-6» посреди российской столицы может создать нежелательный прецедент. Стандарт стандартом, но к чему заказчикам международные осложнения?

В кармане у Аркадия тренькнул вызов телефона и одновременно на столе перед Виктором высветился квадрат государственной связи, предохраненной от просматривания.

– Отключи, – бросил Хрусталева Аркадию, и тот послушно надавил на кнопку, не вынимая телефон из кармана. Кто бы ни звонил – подождет или запишет сообщение на автоответчик. В световом квадрате между тем всплыло и повисло над столом изображение головы Антона Бадаева, эксперта-криминалиста второго отдела МУРа. Бадаев был с утра небрит, всклокочен и похож на человека, который провел ночь в не слишком приличной компании. Скорее всего, это впечатление соответствовало истине, но бывали случаи, когда Бадаев изображал гуляку и выпивоху, намеренно вызывая у собеседников вполне просчитываемую реакцию, которой он по каким-то известным лишь ему причинам и домогался.

– Господин Хрусталева, – сказал Бадаев, полускрыв глаза и с трудом сдерживая зевоту, – случай, о котором вы запрашивали, отнесен к категории частных. Ду ю андерстенд?

– Андерстенд, – отозвался Виктор. – Я все андерстенд, кроме одного: зачем ты, дорогой господин Бадаев, скопил с меня в прошлую пятницу триста зеленых?

Эксперт-криминалист мгновенно проснулся, молниеносным движением поднялся из светового квадрата по пояс, выпростав руки, пригладил волосы, и даже небритый подбородок стал производить впечатление не неопрятности, а едва приметной бородки, которую хозяин решил отпустить именно с сегодняшнего утра.

– Господин Хрусталева, какое у вас звание? – резко спросил Бадаев.

– Двухколерный лейтенант, господин бригад-майор, – отрапортовал Виктор по всем правилам субординации, не сделав, впрочем, даже попытки привстать.

– Помнишь, значит, – сразу заснул Бадаев. – Так зачем же задаешь ненужные вопросы?

– Денег жалко, – объяснил Виктор.

– Проведешь расследование, получишь больше, чем потерял, – сказал Бадаев, ловким движением вернул волосы в прежнее состояние хаоса и свернулся в цветной шарик, который помигал, показывая отключение линии, и скрылся в световом пятне. Пятно растеклось лужицей по столу и высохло.

– Вот скотина, – с чувством произнес Виктор и обернулся к Аркадию. – Я тебе не говорил... В пятницу он в порядке проверки закопался в дело Минина, нашел там три отступления от процедуры и накрыл нас на триста зеленых.

– Это я уже понял, – вздохнул Аркадий. – Как будем делить? Если поровну, то мне – хоть в петлю.

– Обойдешься, – хмыкнул Виктор. – Я уже заплатил. Моя вина была, мне и отвечать.

Аркадий хотел было сказать, что не ожидал от начальства такого благородства, но придержал язык. Наверняка у Виктора были свои отношения с Бадаевым, о которых Аркадий не знал.

– Ответ на запрос-гарант положительный, – с удовлетворением сказал Виктор, отвлекая Аркадия от размышлений о том, какие общие проблемы могут быть у хозяина частного детек-

тивного агентства и эксперта МУРа. – Собирайся, ехать тебе не меньше часа, возьми мою машину, она мощнее.

Однако... Неужели Виктор помирился со Светланой? Обычно только после сильных страстей, связанных со взаимными изменами, претензиями, ссорами и примирениями, Виктор становился способен на благородные поступки. Одолжить свою машину, например, или заплатить штраф, не содрав часть с собственного сотрудника.

– Так я беру твою машину? – спросил Аркадий, поднимаясь. Придя в себя, Виктор вполне мог и отменить предложение, а потом обвинить сотрудника в том, что тот неправильно его понял.

– Да-да, – рассеянно сказал Хрусталеv, думая уже о чем-то своем и, вполне возможно, предельно далеко от криминалистики.

Аркадий вышел из кабинета шефа, механически бросив взгляд на часы и отметив время – восемь тридцать две. В комнате следователей никого не было: второй сотрудник агентства Эльдар Крутиков то ли еще не приходил, то ли уже ушел собирать информацию по делу, которым без всякого успеха занимался третью неделю. Дело было верняк в том смысле, что никаких достижений в нем быть не могло по определению. Убийство в пьяной драке – квалификация дана была еще экспертом МУРа, изменить ее частный сыщик не мог, разве что обнаружились бы принципиально новые обстоятельства. Даже если Эльдару повезет и он обнаружит в пятнадцатимиллионном городе убийцу бедняги-алкоголика, то родственники жертвы наверняка не дадут ни гроша сверх минимума, обеспеченного юридической страховкой, и, тем более, не станут оплачивать содержание подозреваемого под стражей до суда, а тогда к чему вся эта розыскная бодяга? Впрочем, Эльдар был человеком принципиальным и готов был ездить по Москве хоть до морковкина заговения – точнее, пока выведенный из себя Виктор не отдаст недвусмысленного приказа бросить это дело к такой-то матери.

Сев за свой стол, Аркадий активировал информ и закрыл глаза. В висках привычно защекотало, и Аркадий увидел себя стоящим в конце длинного коридора, освещенного мягким ненавязчивым светом потолочных перекрытий. Он отметил механически, что освещение только что включили – на стыках потолка со стенами цвет еще не вышел на стабильно-белый, оставаясь в одних местах голубым, а в других серо-зеленым.

– Время семнадцатое октября две тысячи семьдесят четвертого года, – сказал механический голос. – Шесть часов две минуты.

Перед Аркадием была дверь, такая же стандартная, как и коридор. Рядом стоял невысокий крепкий мужчина с заспанным лицом и злым взглядом, скорее всего, это был комендант хостеля «Рябина», поднятый с постели в неурочный час: вскрывать дверь можно было только в присутствии официального должностного лица. Аркадий обернулся – двое понятых, мужчина и женщина, переминались с ноги на ногу и о чем-то тихо разговаривали. Женщина, скорее всего, была уборщицей, которая и обратилась в МУР, когда не смогла войти в комнату, а мужчина... Может, ее муж. А может, еще один жилец этого странноприимного дома, в котором Аркадий не смог бы прожить и одного дня.

– Приступайте, – разрешил комендант, прикрывая рукой зевок.

Аркадий подошел к двери, наклонился к замку и произнес:

– Ключ вставлен в скважину с той стороны.

– Ну, вы же знаете процедуру, сержант, – недовольно сказал комендант.

– Я констатирую для будущего расследования, – бросил Аркадий и добавил: – Отойдите в сторону.

Комендант сделал шаг назад. В правой руке Аркадия появилась отмычка типа «Бристоль», обычное средство для вскрытия дверей, используемое всеми оперативниками МУРа. Он ввел в замочную скважину острый конец и несильно надавил, чуть проворачивая рукоятку влево. Послышался легкий щелчок, ключ, вставленный со стороны комнаты, повернулся,

прихваченный магнитным щупом, и собачка замка пришла в положение «открыто». Аркадий отключил магнит, вытащил из скважины отмычку и опустил в поясную сумку.

– Понятые, – сказал он, не оборачиваясь, – встаньте за мной, вы должны видеть...

Аркадий надел на правую руку резиновую перчатку, потянул на себя створку двери и вошел в комнату. Нащупал выключатель, и потолок высветился бледно-серым квадратом. Аркадий сразу увидел тело мужчины рядом с диваном. Мужчина лежал ничком, прижав к животу ноги.

– Вызовите «скорую», – бросил Аркадий, и комендант за его спиной что-то быстро забубнил в микрофон.

На мужчине был легкий домашний халат с длинными рукавами, достаточно короткий для того, чтобы не скрывать худых ног. Руки мужчины были раскинuty, правой он вцепился в ножку дивана, а пальцы левой были судорожно сжаты в кулак.

Аркадий наклонился. Никаких следов крови. Похоже, что тело было сведено судорогой, следствие сердечного спазма или еще чего-то... Следов борьбы нет, в комнате полный порядок, насколько вообще можно говорить о порядке, когда речь идет о жилище одинокого мужчины сорока трех лет.

Аркадий положил левую руку на висок лежавшего. Труп. Хладный труп – никаких сомнений. Умер не меньше четырех часов назад, значит, примерно в два ночи. Эксперт определит точнее, но в целом ясно.

Аркадий стянул с правой руки перчатку, аккуратно сложил и спрятал в сумку. Осторожно перевернул тело и не сумел сдержать возгласа изумления. Женщина из понятых, следившая за его действиями, коротко взвизгнула, а ее спутник воскликнул: «Ни хрена себе!».

Лицо мертвеца представляло собой обугленную маску. Глаз не было – скорее всего, глазная жидкость вытекла от неожиданного жара, какой бывает только в топке котла. Кожа почернела и съежилась. Нос, как показалось Аркадию, растекся по лицу бурой лужей. Но даже не это поразило его в первое мгновение: странной была граница между сожженным лицом и совершенно неповрежденной кожей шеи, ушей и затылка. По подбородку проходила четкая граница, отделявшая полностью сгоревшую ткань от полностью сохранившейся. Граница эта проходила по скулам и лбу – на миллиметр от волосяного покрова: волосы тоже сохранились и даже не были обожжены. Будто на человека надели маску. Маску смерти.

Похоже, женщину мутило, за спиной Аркадий слышал странные звуки, похожие на позывы к рвоте. Он вернул труп в прежнее положение – теперь, когда тело лежало лицом вниз, не было никаких оснований думать о том, что этот человек умер не от сердечного приступа, а от страшного огня, спалившего лицо.

– «Скорая» приехала, – сказал комендант.

– Пусть подождут, я сейчас закончу, – ответил Аркадий.

Он внимательно осмотрел комнату. На столе чашка с недопитым кофе. Одна. На плоской тарелке остатки бутерброда. Телевизор на кронштейне над диваном в режиме ожидания. Компьютер встроен в тумбочку возле письменного стола. Не очень новая модель, биологическая система, кажется, даже на светодиодах.

Аркадий подошел к окну – крайнему слева. На улице было еще темно, освещенные прожекторами машины на стоянке выглядели сверху маленькими жучками. Рама оказалась закрыта не только на шпингалет, но еще и на шифровую защелку, обе стекла целы, ни проникнуть в комнату, ни тем более покинуть ее через это окно не мог никто. Аркадий перешел к другим окнам, где обнаружил такую же картину.

Труп в запертой комнате. Классика.

– Врач может войти, – сказал Аркадий и щелкнул тумблером нагрудного микрофона.

В глазах потемнело, в висках закололо, а затем туман рассеялся, и Аркадий на секунду прикрыл глаза ладонью – у него всегда сбивалась фокусировка зрения, когда он возвращался из виртуального пространства.

Труп в запертой комнате. Может, и классика. Муровский оперативник сделал свой вывод и отправился пить утренний кофе с рогаликами. Муровский эксперт, изучив доклад и справившись по картотеке, сделал вывод о том, что убийство не относится к числу заказных и, следовательно, не входит в компетенцию государственной системы правоохранения. А теперь Аркадию Винокуру, частному детективу, придется возиться с задачей, которая на первый взгляд выглядит нерешаемой в принципе. Ясно, что использована какая-то техническая новинка. Ясно также, что действие было направленным, и убийца пользовался окнами.

Бытовики и уголовники так обычно не действуют. Попросту не имеют возможности. Значит...

Впрочем, к чему сейчас рассуждать – информации пока недостаточно.

Глава вторая

Государственный хостель «Рябина» сверху выглядел крестиком, небрежно намалеванным между четкими линейными обводами стандартных домов-сборников. По какой-то причуде архитекторов каждая сторона креста отличалась длиной от остальных. К тому же, здесь не было ни одного прямого угла, так что скорее это был не крест в традиционном понимании слова, а паук, у которого мучители-вивисекторы оторвали половину лап. Судя по расположению здания, комната Подольского находилась в самой длинной стороне креста, торчавшей на юг подобно ятагану, который пытались выпрямить непонятливые оружейники.

Дорога заняла на удивление мало времени – не прошло и получаса, как Аркадий позволил радару стоянки взять на себя управление и посадить машину на самом краю площадки, между БМВ допотопного выпуска, кажется еще первой трети века, без крыльев и с дизельным двигателем, и какой-то японской новинкой, способной, судя по расположению элеронов, не только брать вертикальный старт, но и производить воздушную стыковку, позволяя пассажиру, сидевшему справа от водителя, переходить из одной машины в другую на высоте до трех тысяч метров. Аркадий читал об этой новинке и даже видел по стерео – естественно, у какого-то «крутого», которого «заказали» на прошлой неделе. Новинка называлась славным японским именем «Кабуки» и стоила всего-навсего тридцать две зарплаты. А если добавить еще зарплату Алены со всеми добавками – то двадцать одну. Если брать в рассрочку на два года, от зарплат останется кое-какая мелочь, которой не хватит даже на страховку, а на питание придется просить у прохожих в подземном городе под Красной площадью.

Интересно, что делает хозяин этой «Кабуки» в столь непрезентабельном районе города? – подумал Аркадий, выбираясь из машины Виктора и передавая сторожу стоянки ключи и технический талон. У входа в хостель стояла группа людей – мужчины лет по сорока-пятидесяти, Аркадий прошел мимо, опустив голову, ему не нравилось быть объектом изучения. Женщины – куда ни шло, для них это естественно. А мужчинам лучше бы заниматься делом, тем более что шел уже десятый час, рабочее время. Бездельники. Государственное жилье, пособие, позволяющее не помереть с голоду, – жизнь-трава. Неужели погибший Подольский тоже был из таких? Не похоже. Обстановка в комнате, зафиксированная муровским оперативником, свидетельствовала скорее о том, что покойный принадлежал к распространенному среди одиноких мужчин типу трудоголиков, которым все равно где работать – любое дело они делают истово и посвящают ему всю свою неудавшуюся жизнь.

Поднявшись в лифте на четырнадцатый этаж, Аркадий вышел в коридор, который он уже видел глазами оперативного уполномоченного, вскрывавшего дверь в комнату Подольского три с половиной часа назад. У двери стоял невысокий, неопределенного возраста, мужчина, наряженный почему-то в строгий вечерний костюм – из тех, впрочем, дешевых, что продают в театральных магазинах на вечер премьеры. На премьеру не принято являться в чем попало, бизнес одноразовых «премьерных костюмов» расцвел лет пять назад после того, как в «Современнике» по случаю бенефиса актера Стронгина устроили первую распродажу – в зал не впускали никого, кто не был одет соответственно случаю. Тогда это был скандал – впрочем, бенефициант того и добивался, – а потом идея прижилась, и, кажется, сам Стронгин организовал в Москве первую мастерскую по пошиву «премьерных костюмов» – не только мужских, но и женских. Говорят, нажил миллионы. Ничего подобного Аркадию не пришлось бы в голову. Впрочем, он и в театре-то не был те самые пять лет – телевизионные премьерные просмотры не в счет.

– Чингарев, дежурный по хостелю «Рябина», – представился «театральный» мужчина, отвечая на приветствие Аркадия. – Вашу карточку, пожалуйста.

Вернув пластик Аркадию, Чингарев вытянул из кармана ключ и протянул детективу со словами:

– Ну и работка у вас. Врагу не пожелаю... Могу идти?

– Пока да, – кивнул Аркадий. – Я спущусь к вам.

Он вставил ключ в замочную скважину и внимательно вслушался в звук отпираемой двери. Экспертиза, конечно, скажет точнее, но Аркадий был почти уверен в том, что отмычкой здесь до прихода муровского оперативника не работали. Если кто и открывал дверь снаружи, то именно этим ключом или его дубликатом. Звук был чистым без малейших обертонов, неразличимых для нетренированного уха. Замок здесь был не фирменный, но все-таки вполне профессионально выполненный московской фабрикой дверных замков «Селена», модель А-34, с лицензионной пакистанской микросхемой.

Аркадий вошел в комнату и запер за собой дверь, оставив ключ в замке – так было, когда в шесть ноль две к двери снаружи подошли комендант с оперативником и двое понятых.

Труп лежал на том же месте и в той же позе, что и четыре часа назад. Точно представляя, что именно ему предстоит увидеть, Аркадий перевернул тело.

Взгляд темно-синих глаз был пронзительным и в первую секунду показался живым. Широко раскрытые глаза смотрели на Аркадия с ужасом – или это только выглядело ужасом из-за того, что черты лица покойника были искажены, а раскрытый рот будто зашелся в немом крике?

Аркадий отпрянул. Если можно говорить о покойниках «нормальный», то перед ним лежал именно нормальный покойник, и Аркадий мог в первом приближении определить, что умер Подольский, скорее всего, от острой сердечной недостаточности – вот характерные синюшные пятна на висках, а вот и на пальцах. Возможно, перед смертью его что-то сильно напугало, и это послужило причиной приступа, а возможно, все было наоборот – прихватило сердце, Подольский смертельно перепугался, нормальная реакция для человека, никогда на сердце не жаловавшегося...

Лицо покойника было чистым. Никаких следов смертельного жара, никакой спекшейся хотя бы в дальнем углу шеи кожи.

Аркадий опустил тело на пол. Да, именно так оно и лежало, он прекрасно помнил съемку. Правая рука схватилась за ножку дивана, левая выброшена вперед, пальцы сжаты в кулак. Та же одежда – с чего бы ей стать другой? Ничего здесь не изменилось, да иначе и быть не могло, оперативник был профессионалом, он лично запер комнату и отдал ключ коменданту.

Но даже если бы не отдал? Даже если бы в комнате побывал за это время посторонний? Не мог же он смыть, снять, содрать с сожженного лица всю кожу и заменить ее новой! Не мог он вставить на место глаза вместо тех, что вытекли...

Аркадий включил висевшую на шее камеру и опустил на колени. Обычно он не вел запись после осмотра места происшествия оперативным сотрудником МУРа, это могло быть расценено госконтролерами как недоверие официальному следствию со стороны частного сыска. Впрочем, обычно такой необходимости и возникнуть не могло.

Аркадий внимательно осмотрел руки, ноги, спину – объектив камеры повторял движения его глазных яблок. Потом наклонился ниже, чтобы осмотреть шею у самых ушей, утренняя съемка показывала здесь границу между сожженной частью лица и оставшейся в неприкосновенности кожей. Сейчас никакой границы не было видно.

Аркадий еще раз перевернул тело, встретил укоризненный, как ему показалось, взгляд мертвеца и, поколебавшись секунду, закрыл ему глаза. Лицо сразу стало более спокойным – умер человек, чего не случается...

Внимательный осмотр занял минут двадцать. Пришлось снять с трупа рубашку, стянуть брюки. Врачи «скорой», конечно, все зафиксировали в своем протоколе, но экспертизу назначать придется Аркадию, и наверняка нужно будет сравнивать данные.

Никаких ран, колотых, резаных или, тем более, огнестрельных. Никаких синяков, потертостей, припухлостей. Никаких следов борьбы – оторванного воротничка, скажем, или смятого рукава на рубашке... Ничего. Просто упал человек и умер.

Аркадий чуть отодвинул тело и встал на то место, где стоял Подольский, когда, по всей видимости, ощутил острый укол в сердце. Скорее всего – в сердце. Если бы речь шла об инсульте, лицо выглядело бы иначе.

В два правых окна, выходящих на север, видно было только небо, на котором, как на стене, подкрашенной вялой синей краской, висело несколько серых пятен-облаков. Два окна слева выходили на южную сторону, солнце стояло уже высоко, и прямые его лучи высвечивали два квадрата на полу. В полукилометре от «Рябины» торчали острые зубья жилого массива Пригожина. Видны были верхние этажи, и, по идее, кто-нибудь, поднявшись на крышу или даже из собственной квартиры... Что? Навел на окна Подольского какой-то аппарат, подал энергию...

Аркадий покачал головой. Дело было около двух часов ночи, и свет в комнате Подольского не горел. Откуда убийца, стоявший у окна в одном из домов Пригожина, мог знать, находится ли Подольский в зоне прямого лучевого удара? Генрих Натанович мог лежать на диване, и луч уперся бы в стену или вообще ушел бы в противоположное окно. Может, тот, кто убил, пользовался прибором ночного видения? Нет, это исключено, нагретое за день стекло наверняка отразило бы луч. Впрочем, этот вопрос Аркадий, конечно, поставит перед экспертом, но интуитивно ясно...

Интуитивно ему было ясно, что дома Пригожина попали в «кадр» по чистой случайности. Слишком далеко и слишком сложно. Если хочешь убить человека, существуют десятки куда более простых и надежных способов.

А с северной стороны вообще все чисто – разве что убийца пролетал мимо дома на машине. Аркадий подошел к окнам, выходящим на север – пришлось перешагнуть через тело и отодвинуть столик на колесах, на котором были навалены десятка два книг в ярких упаковках. Краем глаза Аркадий отметил, что книги никто не раскрывал, пластиковые оболочки были не только не разорваны, но на них еще сохранились наклейки магазинов.

Аркадий внимательно осмотрел небо – он помнил, что сам подлетал к «Рябине» с севера, где-то здесь должна была проходить пригородная трасса: второй и третий эшелоны. Указательные буи он увидел далеко справа, в восточной стороне. Прижав лоб к стеклу и скосив глаза, он разглядел и саму трассу, по которой скользили несколько машин, а чуть повыше, в зоне грузового транспорта, летел на север трейлер, борта которого ярко сверкали в солнечных лучах.

С трассы комната не видна, да и далеко, дальше, чем до домов Пригожина. Убийца мог, конечно, выйти из эшелона, но это обязательно было бы отмечено диспетчером, сразу последовал бы стандартный вызов, штраф – в общем, полное обнаружение себя в месте, которое будет оперативно разрабатываться, и нужно быть полным идиотом, чтобы пойти на такой шаг: ясно, что машину обнаружит первая же экспертиза.

Ну и что? Машину можно угнать и бросить.

Все это чепуха, – подумал Аркадий, – слишком сложно для бытового или уголовного убийства. Экспертиза дорогая, и не известно, достаточно ли личной страховки Генриха Натановича Подольского, чтобы оплатить все издержки. А родственники, возможно, не захотят нести дополнительные расходы.

Аркадий вернулся к телу и подумал, что экспертизы – чушь. Просто он старательно отгонял единственную мысль, которая сейчас имела значение. Лицо. Подольский – и это очевидно – был убит сильнейшим лучевым ударом, сжегшим всю кожу и в некоторых местах даже мясо до костей. Но сейчас лицо покойника было совершенно неповрежденным!

Существуют ли способы, с помощью которых можно в течение двух-трех часов полностью восстановить кожную ткань – тем более, кожную ткань трупа?

И даже если есть такие способы, то, черт возьми, для чего было их использовать в этом конкретном случае? Что это дало убийце? Или он надеялся на то, что труп не обнаружат рано утром, следы лучевого воздействия успеют исчезнуть, и эксперт квалифицирует смерть Подольского как результат острой сердечной недостаточности?

Не мог убийца быть таким непредусмотрительным! Не мог не знать, что в пять тридцать в любом хостеле проводится оперативная проверка. Кстати, не только в пять тридцать, но и в полдень, и еще в десять тридцать вечера. В каждую комнату подается кодированный высокочастотный сигнал на предмет выявления «гостей» – в Москве немало всякого приبلудного люда, часто использующего госхостели, чтобы скрыться от МУРа или иных сыскных организаций государственно-клановых структур. Аркадий не просматривал эту часть документации по Подольскому – просто не успел, – но был уверен, что комендант с оперативником и понятыми оказались перед дверью этой комнаты в шесть часов две минуты именно потому, что оперативная проверка в пять тридцать показала: хозяин лежит на полу у дивана и не подает признаков жизни.

Аркадий отключил камеру, опустил шторы на всех окнах, зажег потолочное освещение, уселся в кресло – единственный предмет в комнате, кроме дивана, на котором можно было сидеть, – и, вызвав приемную морга, отдал распоряжение о транспортировке трупа, сообщил номер дела и прочие квалификационные данные.

Следующий шаг – поиск родственников, хотя какие родственники у человека, живущего в госхостеле? Изгой он и есть изгой. А порядок – он и есть порядок. Аркадий потянулся к пульту компьютера, принадлежавшего Подольскому и скорее всего запечатанного его личным кодом. Наверняка после подтверждения запроса Виктора оперативный отдел МУРа снял со всех вещей, принадлежавших Подольскому, его секретные коды, открыв информацию для частного расследования.

Аркадий включил компьютер и вошел в информационную сеть.

Глава третья

– Тебя опять жена спрашивала, – сообщил Виктор, когда Аркадий вернулся в офис. – Жалуеться, что ты не отвечаешь на вызовы даже по категории «жизнь».

– Сегодня, – мрачно сказал Аркадий, – я отвечаю лишь на вызовы по категории «смерть».

– И между прочим, она права, – продолжал Виктор. – Аппарат у тебя не для того, чтобы выключать его, когда тебе заблагорассудится. Другие абоненты – да, это их проблемы, но частный детектив не имеет права оставаться вне зоны прямой связи с начальством.

– Это Алена – начальство? – огрызнулся Аркадий. – Спасибо, от тебя не ожидал.

– Начальство – я, – заявил Виктор, – и если ты этого еще не усек, придется оштрафовать тебя на десяток рублей, сразу просечешь.

– Хочешь сказать, что ты меня тоже искал?

– Я звонил тебе трижды, а Алена, по ее словам, восемь раз.

Аркадий вытянул из кармашка диск телефона и произнес контрольное слово. Зашуршало, и Алена сказала раздраженно:

– Аркадий, не забудь по дороге домой заехать к Безугловым, взять у них першинги. Иначе придется мотать через весь город в пятницу, а тебе это не нравится.

– Какая забота, – пробормотал Аркадий, переключая канал.

– Аркаша, – голос жены был напряжен, будто Алена едва сдерживалась, чтобы не заплакать. – Извини, что надоедаю, но я должна тебе сказать, пока не передумала. Все-таки, – она помедлила, – все-таки я, наверное, тебя люблю. Ты понимаешь... все в этой жизни так по-дурацки... и если с тобой что-нибудь случится... Береги себя, хорошо?

Чего это она вдруг? – подумал Аркадий. – Последний раз он слышал нечто подобное от собственной жены лет пять назад, после того, как, выпив против обыкновения, он вылетел из верхнего эшелона и столкнулся с грузовиком. Упал, естественно, сломал пять ребер, кость вошла в печень, и он почти месяц провел в реанимации, пока синтезаторы отращивали ему дубликат. Алена тогда не отходила от него ни на минуту, потеряла работу и с трудом нашла другую, когда он вернулся домой. Их идиллия продолжалась добрых полгода. Конечно, все имеет конец, а идиллии заканчиваются обычно драматическим финалом, ему ли этого не знать?

Но сегодня с ним ничего не случилось, разве что... Аркадий поднял взгляд на Виктора.

– Что слу... – начал он.

– У тебя нет терпения, – буркнул начальник. – Ты еще не прослушал мои вызовы, я звонил тебе трижды.

Виктор действительно звонил три раза, и, кроме того, был еще анонимный звонок, кто-то послушал приглашение оставить информацию и отключил связь, стерев номер своего телефона из списка вызывавших абонентов.

А голос Виктора сказал:

– Аркадий, когда будешь возвращаться, заезжай в приемную МУРа, возьми кодопсис на мое имя. Видишь ли... Гм... Сегодня в шесть погибла группа Метальникова. Вся, целиком.

– Что? – ошеломленно выдохнул Аркадий.

– Что-что, – пробормотал Виктор. – То что слышал.

– Как такое могло случиться?

– Чтобы это узнать, я тебя и просил забрать мой кодопсис в МУРе. Это же секретная информация, запрещено передавать даже по кодированным каналам.

– А Алена откуда узнала? – продолжал недоумевать Аркадий. Ему было теперь очевидно, что неожиданный приступ любви у жены наступил сразу после того, как она услышала о гибели элитного подразделения МУРа.

– Алена? – с интересом спросил Виктор. – Почему ты думаешь, что она знает? Мне сообщил Березинский – без деталей, естественно.

– Знает, – твердо сказал Аркадий. – Она потому меня и искала все утро, что ей вдруг стало страшно.

– Спроси, – неожиданно жестко потребовал Виктор. – Сейчас же позвони и спроси, если ты, конечно, уверен в том, что правильно ее понял.

Разговаривать в фоновом режиме Аркадий не хотел, угадывать нюансы эмоций Алены лишь по модуляциям ее голоса он, конечно, умел, но ему нужно было видеть ее лицо, когда она начнет лгать, а она будет лгать, это очевидно, потому что узнать о гибели Метальникова от любого из общих знакомых она не могла, а общественные каналы об этом не сообщали.

Виктор деликатно развернул кресло и начал копаться в сейфе, проговаривая вполголоса дополнительные распоряжения по перегруппировке информации. Аркадий вызвал номер домашнего видео, Алена откликнулась мгновенно, будто стояла у камеры. Ее изображение вспухло над поверхностью стола, цветопередача была почему-то чуть искажена, и лицо жены отдавало какой-то неестественной синевой.

– Господи, – сказала Алена, – неужели ты совсем обо мне не думаешь? Неужели не мог перезвонить сразу? Ты ждал два часа, чтобы я тут мучилась?

– Я был занят, – отрезал Аркадий, – и только что прослушал запись. А какая срочность, скажи на милость? После нашего разговора...

– Аркадий! – голос жены зазвенел подобно дамаской стали. – Ты знал, что Метальников погиб, и не сказал мне ни слова!

– Во-первых, – произнес Аркадий, – я не имел этой информации. Во-вторых, откуда ты узнала о гибели Метальникова? И в-третьих, тебе-то какое до этого дело?

Алена внимательно всмотрелась в лицо мужа. Станный это был взгляд, Аркадий давно научился читать по глазам жены все ее эмоции и даже кое-какие мысли, но этот взгляд он классифицировать не мог, впрочем, может быть, это тоже следствие не очень точной цветопередачи?

– Да, – сказала Алена, – ты действительно не знаешь. Ты... Хорошо, поговорим, когда вернешься.

Виктор что-то пробурчал, не оборачиваясь, и Аркадий понял намек.

– Погоди, – сказал он. – Дома мы, конечно, поговорим, а сейчас ты скажешь, кто тебе сообщил о Метальникове.

– Какая разница? – с неожиданной тоской, рвущей сердце, произнесла Алена, и тут уж нечего было даже и думать, все стало ясно, но это не было ответом на вопрос, и Аркадий сказал:

– Я спрашиваю: кто сообщил тебе о Метальникове.

Алена посмотрела непонимающе. Она действительно не понимала вопроса.

– Никто, – сказала она. – Разве кто-то должен был мне об этом сообщить? Я просто... Просто знаю, вот и все.

Изображение вздрогнуло и скукожилось до размеров куриного яйца, сразу исказились все цвета, только звук не изменился – судорожное дыхание, всхлипы, а потом... Алена отключила связь прежде, чем Аркадий сумел точно определить – рыдания это или всего лишь помехи на линии.

– Ну, – сказал Хрусталеv. – Что она сказала?

– Я дурак, – мрачно сообщил Аркадий. – Господи, какой же дурак...

– Это не обсуждается, – отмахнулся Виктор. – Она сказала, откуда знает о Метальникове?

– От него самого, – сказал Аркадий. – Она получила его некробиот.

– Что? – изумился Виктор. – Ты хочешь сказать...

– Вот именно. А я идиот.

Виктор вернулся за свой стол, переставил с места на место несколько коробочек с экспертными заключениями о каких-то прошедших делах, на Аркадия он не смотрел. Минута прошла в молчании.

– Может, ты тоже знал? – спросил Аркадий. Ему было все равно – если шеф и был в курсе отношений Алены с Метальниковым, майором спецназа «Игла», что могло измениться от этого в их будущем? А прошлое и вовсе не изменить.

– Нет, – покачал головой Виктор. – Не знал и даже не догадывался.

– Как они погибли? – спросил Аркадий.

– Я уже послал в МУР Эльдара, – сказал Виктор. – Он привезет кодописис, посмотрим... Оставим это пока, – перебил он сам себя. – Сообщаи выводы по делу Подольского.

Аркадию было трудно сосредоточиться. Слишком много всего. Гибель Влада Метальникова, одного из немногих людей на планете, которого он не просто уважал, но которому верил безгранично... И Алена, с которой он, конечно, жил в последние годы не лучшим образом, но разве мог предположить, что она... Впрочем, все женщины... Или не все? «Разве ты мужчина?» Ну да, если она сравнивала с Владом – какой он в действиях, в разговорах... в постели... Черт, черт, черт.

– По делу Подольского, – сказал Аркадий, – у меня пока нет выводов. Нужно еще раз проанализировать материалы.

– Это не обычная бытовуха? – удивился Виктор.

– По-моему, это вообще не бытовуха. Я не понимаю, почему МУР разрешил нам заняться этим делом. Оно скорее по их части.

– Исключено, – отрезал Виктор. – В классификации преступлений там не ошибаются. В конце концов, это их хлеб.

– Подольского убили, – сказал Аркадий, тщетно стараясь сосредоточиться, – если вообще убили, если он умер не сам... способом, который я не смог определить. Это не грабеж. Это не сведение счетов...

Аркадий вспомнил сожженное лицо Подольского, страшную маску, надетую на мертвую кожу.

– Я уже заказал полную процедуру вскрытия, – продолжал он.

– Ты проверил его страховку? – озабоченно спросил Виктор.

– Не успел.

– Так чего же ты...

– Другого выхода просто нет, Виктор. Если мы намерены заниматься этим исследованием, без экспертизы патологоанатома не обойтись.

– Ты сказал: полная процедура. Стандартная страховка гарантирует общий анализ.

– Общий анализ ничего не даст, – сказал Аркадий. – В шесть ноль три оперативник обнаружил, что кожа на лице Подольского полностью сожжена. Я предположил, что именно этот тепловой удар и стал причиной смерти. А в десять сорок, когда я производил осмотр, лицо у трупа было совершенно чистым. Никаких следов ожога. Ни малейших. И смерть я классифицировал как результат острой сердечной недостаточности.

– Чушь, – сказал Виктор. – И ты это понимаешь.

– Да, – согласился Аркадий. – Потому и назначил полную экспертизу.

– А ну-ка, – сказал Виктор, – давай посмотрим вместе. Одна голова хорошо... Впрочем, не всегда. Сейчас твоя голова...

Он не стал продолжать, а Аркадий не подумал возразить. Ему было все равно, что случилось ночью в комнате Подольского. Как он вернется домой? Он должен будет что-то сказать Алене. Что?

Глава четвертая

– Так, – сказал Виктор, просмотрев записи утреннего и дневного расследований, – извини, но я ничего не понял. Подольский умер от лучевого поражения в лицо. В комнату никто, кроме тебя, не входил. В десять тринадцать лицо трупа было совершенно неповрежденным...

– О чем я тебе толковал с самого начала... – буркнул Аркадий.

– Из чего следует, – продолжал Виктор, не обращая внимания на реплику подчиненного, – что лучевой удар был на самом деле имитацией, маской, которая должна была ввести следствие в заблуждение.

– Да? – вяло проговорил Аркадий. – Кого она могла ввести в заблуждение? Коменданта?

– Может, убийца рассчитывал, что маска продержится до окончания экспертизы?

– И опытный эксперт не обнаружит, что это имитация? Извини, Виктор, но это чепуха.

– Конечно, чепуха, – согласился Виктор. – Я отрабатываю варианты. Давай набросаем.

Он наклонился к компьютеру и, тщательно артикулируя, чтобы быть понятым однозначно, ввел поисковую задачу. Ответ не замедлил явиться в форме трехмерной таблицы, повисшей над поверхностью стола. Одновременно компьютер выдал и распечатку, упакованную в пластик. Аркадию пришлось встать и перейти к столу Виктора. Наклонившись над таблицей, он прочитал вслух:

– Первое: наведенная голограмма, оценка вероятности ноль ноль три. Второе: психотронное воздействие, оценка вероятности ноль. Третье: маска, оценка вероятности ноль ноль два...

– Давай обсудим пути проникновения убийцы, – сказал Виктор.

– Обсуждать нечего, – заявил Аркадий. – Через дверь в комнату никто не входил и никто не выходил. Разумеется, я не имею в виду коменданта, оперативника МУРа и понятых.

– Временные пределы?

– В двадцать часов восемнадцать минут Подольский вернулся в «Рябину», поднялся на этаж, открыл дверь своим ключом, вошел и заперся изнутри. Ключ остался в скважине.

– Он мог ночью открыть какому-нибудь посетителю...

– Не мог. С двадцати трех в здании «Рябины» не было посторонних. С того же времени и до пяти тридцати утра телекамеры отслеживали коридоры – никто к двери Подольского не подходил. В пять тридцать в комнату был подан звуковой сигнал, в это время Подольский обычно вставал, чтобы идти на работу, компьютер ждал подтверждения и, если его не было, спустя пять минут подавал второй сигнал. Если жилец не реагирует, программа предполагает еще два напоминания, после чего компьютер включает сенсоры в полу и кровати. Понимаешь, были случаи, когда человеку становилось плохо во сне, мало ли что...

– Понятно. Дальше.

– Все это было проделано. В пять сорок пять система обнаружила, что Подольский лежит на полу без признаков жизни. Дальше действовала стандартная процедура.

– Хорошо, – сказал Виктор. – Дверь и коридор исключаются. Окна?

– Поскольку я думал, что имел место лучевой удар, то в первую очередь проверил окна. Рост Подольского – метр семьдесят пять. Если он стоял в тот момент, когда... В общем, удар мог быть нанесен только с крыши жилого дома в полукилометре от «Рябины».

– Почему не из воздушного коридора?

– Два обстоятельства. Первое: воздушные гражданские коридоры проходят таким образом, что не видны из той точки, где должен был стоять Подольский. Если машина покидала коридор, мы бы уже имели информацию, верно? И второе: положение тела. Получив ожог, Подольский умер практически мгновенно. Он вцепился правой рукой в ножку дивана и сделал это, уже упав на пол. Это было его последнее движение, наверняка инстинктивное. Короче

говоря, Подольский стоял лицом к северу, когда получил удар, а воздушные трассы находятся восточнее. Впрочем, все это не имеет значения.

– Да? – поднял брови Виктор. – Почему?

– Я исследовал стекла. Конечно, эксперт даст точный ответ, но в первом приближении я могу и сам... Ни одно из стекол не подвергалось тепловому удару.

– Луч мог быть расфокусированным, – напомнил Виктор.

– И на расстоянии двух метров сфокусировался таким образом, что по подбородку Подольского прошла четкая линия, отделившая сожженный участок от неповрежденного?

– Согласен, – сказал Виктор, подумав, – это невозможно.

– Не говоря уж о том, что три часа спустя на лице не оказалось следов лучевого поражения. А маска, голограмма и прочие психотронные штучки твой комп практически исключил.

– Что-нибудь из новинок...

– У бытовиков?

– Да, согласен, так не бывает. Но иного решения я не вижу. Могли Подольского убить в другом месте, а потом перенести тело?

– Нет, – буркнул Аркадий.

– Могли быть окна распахнуты в момент удара?

– Нет, – отрезал Аркадий. – Комендант передал мне телеметрию, можешь посмотреть сам.

– Верю на слово. Значит, что-то из новинок. Что-то, не оставляющее теплового следа в стекле и поражающее кожные покровы таким образом, что некоторое время спустя кожа восстанавливается...

– На трупе? Эксперт скажет точно, но, по моим оценкам, Подольский умер в середине ночи – часа в два, скорее всего. Он полночи там пролежал – с изуродованным лицом!

Аркадий сорвался на крик, его раздражало упрямство Виктора. Это дело им не по силам. Нужно все бросить и мчаться домой, потому что Подольский мертв, а Алена жива, и, если он сейчас не будет с ней, то все между ними кончено, пусть этот подонок Влад был ее любовником, но теперь его уже нет, и это нужно пережить – им обоим.

– Аркадий, – строго сказал Виктор. – Ты на работе, уймись.

– Прости, – пробормотал Аркадий. – Я просто подумал...

– А ей сейчас полезнее побыть одной... Хорошо, – оборвал он себя, – мы не смогли ответить на вопрос о том, как это сделано. Подойдем с другого конца: кто и зачем? Что у тебя в этом направлении?

– Мало, – сказал Аркадий. – Только информация из регистрационного компьютера «Рябины».

– Хочешь, чтобы я смотрел сам?

– Нет... Подольский Генрих Натанович, год рождения 2034. Родился в Киеве. В 2045 году родители переехали в Россию и поселились в гостевой зоне Москвы, поселок Тула-3.

– Это, как я понял, после тех киевских разборок? – вставил Виктор, демонстрируя осведомленность.

– Видимо, – пожал плечами Аркадий. Информации в деле не было, а давать волю фантазии на этапе ознакомления с биографией жертвы он не хотел. – Дальше. Генрих учился в государственной школе. Аттестат получил в пятьдесят втором. Армейский срок мотал на Курилах, участвовал в боевых действиях пятьдесят третьего в Северной Японии, на Хонсю и Хоккайдо. Наград не имеет. Ранений тоже. (Видимо, отсиживался в штабе, – подумал Аркадий, но не стал произносить вслух.) В пятьдесят шестом демобилизовался, вернулся в Москву, поступил в Университет технических экспериментов, закончил в шестьдесят втором. Родители тем временем умерли...

Виктор ничего не сказал, но вопросительно поднял брови, и Аркадий поспешил добавить:

– Да, ты правильно догадался, эпидемия СПИД-б в пятьдесят девятом... Генрих был выселен из поселка Тула-3, поскольку помещение было ведомственным, а собственную жилплощадь Подольские не купили. Несколько месяцев он жил у знакомых, а потом ему дали комнату в «Рябине», поскольку жалование, которое он получал в фирме «КИМЕКС Иона лимитед», было недостаточным для приобретения чего-либо на свободном рынке. Да, я вижу, что ты хочешь сказать: никто не живет на одну зарплату в научно-техническом секторе. Однако данных о дополнительных заработках Подольского нет. Возможно, скрывал от налоговой инспекции. В таком случае, Генрих Натанович действовал очень ловко, потому что ни разу не попался. А поскольку не попался, то и не декларировал ни копейки. И потому квартиру мог купить только на те деньги, что зарабатывал в КИМЕКСе, а их... Ну понятно.

Аркадий перешел на следующую страницу в дневнике, куда списал с компьютера «Рябины» биографический файл, и продолжил перечисление:

– Не женат и не был женат. Женщин в «Рябину» не приводил ни разу. Публичные дома не посещал – во всяком случае, дома с официальной регистрацией клиентов.

– Импотент, что ли? – не выдержал Виктор.

– Откуда мне знать?... Фирма КИМЕКС занимается разработкой новой технологии в области информационных пространств. Небольшая компания, сорок три сотрудника, заказы поступают преимущественно от полувоенных организаций типа «Братьев-лицеистов».

– КИМЕКС... – начал Виктор.

– Да, – сказал Аркадий, – я тоже обратил внимание. КИМЕКС – это не химия, а всего лишь аббревиатура типа «контрольно-измерительные мини-электронные» и что-то там еще... А Иона – фамилия хозяина. Я прошелся по связям, насколько они фиксированы в данных «Рябины» и бюро МВД по регистрации граждан. Ничего предосудительного. То есть, ничего такого, что могло бы перевести убийство в категорию заказных, подпадающих под компетенцию МУРа. Нет, Виктор, этот всяк – наш и денег нам больших не видать. Обычная страховая сумма, хватит, чтобы ты заплатил мне зарплату за следующий месяц.

– Значит, до конца месяца ты должен этот всяк опустить, – резонно заметил Виктор.

– Сегодня семнадцатое число, – сухо констатировал Аркадий.

– Впереди почти две недели, – сказал Хрусталеv. – Оставь остальные дела, я тебе выплачу по ним проценты.

Этот вариант Аркадия устраивал. Ему не улыбалось работать по Подольскому, зная, что еще три дела ждут расчистки.

– Хорошо, – сказал Аркадий. – Но учти – может так получиться, что мы превысим сумму страховки. Полное патологоанатомическое исследование, к примеру...

– Которое ты все равно уже заказал, – пробурчал Виктор. – Выясни, какой суммой мы располагаем, и действуй, не превышая ни на копейку.

– Лови зверя в лесу, сидя в клетке на поляне...

– Ни на копейку, – повторил Виктор. – Или найди богатого клиента, у которого убили любимую маму.

– Будешь слушать дальше? – с досадой сказал Аркадий.

– Я слушаю. Давай по кругу знакомств.

– В разработке семь человек, с которыми Подольский общался на работе и вне ее. Это сведения из компьютера КИМЕКСа, выданы службой информации фирмы. Номер первый – Сергей Сергеевич Пастухов, руководитель отдела технологий метаинформационных структур. Подольский общался с ним на предмет... ну, в общем, они по пятницам играли в шрайк. Не вдвоем, конечно, а в компании с Чингизом Панах-оглы Азизовым, представителем азербайджанской фирмы, имевшей с КИМЕКСом долгосрочный контракт... Номер третий в круге

общения Генриха Натановича – Подольский Лев Николаевич, далеко не граф, это дальний родственник убитого, точнее – троюродный брат по отцовской линии. Врач-эпидемиолог. Именно этот Лев Николаевич первым заподозрил в свое время, что родители Генриха подхватили заразу, и потому ему удалось отсрочить конец – месяца на три, кажется. Если бы не Лев... Ну, ты знаешь, СПИД-б был быстротечным, как отравление стрихнином.

– Они ладили? – спросил Хрусталеv.

– Вполне. Если ты имеешь в виду мотив со стороны Льва Подольского, то – никакого. Дальше номер четвертый: Хельмут Хойзингер, инженер из Германии. В Москве живет третий год. Время от времени Хельмут приглашал Генриха в ресторан или на стрип-шоу, ужин при свечах, танцы...

– А, – понимающе кивнул Виктор. – Потому наш клиент и не женился.

– В том-то и дело, что нет, – хмыкнул Аркадий. – Относительно Хельмута никаких сомнений, он голубой. Но Генриха совращать не пытался, а если пытался, то получил полный афронт... Короче, голубые тусовки Генрих посещал то ли из любопытства, то ли просто за компанию с другом. Смотрел со стороны.

– Ты пробовал смотреть на голубые тусовки со стороны? – ехидно спросил Виктор.

– Пробовал, – отрезал Аркадий. – Три года назад, дело Андреева. И ничего, как видишь, живой и физически целый... Как бы то ни было, в разработку Хойзингера включать не имеет смысла, мотивов – нуль, как, между прочим, и у этого азербайджанца. Номер пятый: Пинхас Рувимович Чухновский, раввин хоральной синагоги Замоскворецкого района.

– Он что, верующим был, этот Генрих? – удивился Виктор.

– Нет. Чухновский дважды бывал в «Рябине», и в компьютере хостеля сохранились записи бесед – так всегда делают в отделе безопасности. Рассуждения о смысле бытия, об иудаизме... В общем, чепуха. Мотивов для убийства и здесь – нуль.

– Шестой номер, – продолжал Аркадий, – это исполнительный директор КИМЕКСа Ушаков Геннадий Павлович. Общался с Подольским по долгу службы, в список попал только потому, что время общения на три сигма превышало среднестатистическое значение по фирме. Правда, беседы велись на сугубо производственные темы. Никогда ничего... Но зато – много. Что-то их обоих интересовало – я имею в виду что-то, связанное с информационными структурами. Я ничего не понял из распечатки, придется обращаться к экспертам, а это деньги, я пока задержал заказ, так что, если ты не согласен...

– Согласен, не согласен, – вздохнул Виктор. – Пока я вижу полный вакуум. Возможно, именно в этих... э-э... информационных структурах что-то есть... Они там открытие вдвоем сделали, а потом Подольский слинял. А? Может такое быть? Хорошо, – решил Хрусталеv. – Посылай на экспертизу, я оплачу из страховки Малининой, все равно там излишек, остающийся в фирме. Правда, я хотел пустить его на премиальные, но раз ты настаиваешь...

– Я не настаиваю, – разозлился Аркадий. Премия ему не помешала бы, черт побери. Знал бы, не полез с предложением. Но, с другой стороны, экспертиза тоже нужна, без нее дела не сдвинуть и, следовательно, не только премии не получить, но даже и заработной платы. Ситуация буриданова осла. Ну и ладно, как идет, так пусть и идет.

– Я не настаиваю, – повторил Аркадий. – Но если экспертиза ничего не даст, мы зависнем, потому что номер седьмой вообще пуст. Это Наталья Леонидовна Раскина, технолог из КИМЕКСа. Работала вместе с Генрихом. Не замужем. Тридцать лет.

– Шерше ля фам! – патетически воскликнул Виктор. – Я уж решил, что Подольский был патологическим типом.

– Не было в нем никаких патологий, – устало сказал Аркадий. – В нем вообще ничего не было, из-за чего его стоило убивать таким сложным способом.

– Покажи-ка еще раз оба кадра, – попросил Виктор. – Я имею в виду – оба лица: утреннее, сожженное, и то, которое увидел ты. Мне показалось...

Смотреть еще раз на обезображенное лицо Подольского у Аркадия не было желания. Он подключил свой блокнот к компу Хрусталева и отошел к окну. Тело Подольского возникло в кабинете подобно материализовавшемуся призраку. Труп лежал ничком, ухватившись правой рукой за ножку невидимого, не попавшего в кадр, дивана. В воздухе возникла рука муровского оперативника и перевернула тело. Аркадий отвернулся.

– Нет, ты смотри, – сказал Виктор, и в его голосе Аркадию почудилось неожиданное напряжение. – Почему ты не отметил это в своем протоколе?

Аркадий подошел ближе. О Господи... Провалившиеся глаза, отваливающаяся лоскутами сожженная кожа...

– Не туда смотришь, – сказал Виктор. – Вот, на лбу и к ушам. Не понимаешь? Дай руку. Он взял ладонь Аркадия и, преодолевая инстинктивное сопротивление сотрудника, приложил ее к голограмме.

– Черт! – вскричал Аркадий.

Черная маска на лице Подольского в точности повторяла контуры ладони.

Глава пятая

Машина зависла во втором эшелоне. Вверху, в третьем, с грозным рыком шли один за другим грузовики, и соваться туда было бы самоубийством (да и кто его в грузовой эшелон пустит?). Внизу, в первом эшелоне, создали пробку малолитражки, которые, возможно, и рады были бы спуститься на землю, но в районе Большого Внутреннего кольца опять кого-то взорвали, и движение было прервано. Рядом ждали своей очереди двигаться такие же бедолаги, как Аркадий, попавшие в неожиданную пробку, как кур в ошип. Справа висел синий «феррари», водитель которого, передав управление на автопилот, читал какой-то детектив – перед его лицом мелькали в воздухе кабины маленькие фигурки героев и, кажется, проливались реки крови. А слева меланхолично шевелил воздушными плавниками новенький «антро», сингапурская игрушка для девочек, и хозяйка напряженно вцепилась в рулевой полумесяц, глядя вдаль, как матрос Колумба, так и не разглядевший земли.

Девочке было лет шестнадцать, и Аркадий, глядя на нее, вспомнил Алену – ей было столько же, когда они познакомились. Он – молодой выпускник юридического колледжа – умел тогда очаровывать женщин рассказами о подвигах во имя справедливости, которые ему предстояло совершить в скором будущем. Он и сам плохо отличал будущее от настоящего, воображаемое от действительного, романы от жизни, а собеседницы подпадали под очарование его энтузиазма и принимали рассказы за чистую монету – до первого свидания, естественно. Потом все становилось на свои места, и восторженная почитательница молодого таланта превращалась в скептическую мегеру, не готовую связать жизнь с человеком, не понимающим, что деньги добывают, а не зарабатывают. Алена то ли была слишком молода, чтобы знать эту прописную для всех женщин истину, то ли действительно влюбилась по уши, но, как бы то ни было, ни первое, ни даже десятое свидание ее не разочаровало.

Разочарование наступило потом, когда они уже были женаты, когда родилась Марина, а Аркадий не выбился даже в простые следователи МУРа или прокуратуры. Алена поняла, что муж просто не умеет жить. Не умеет брать деньги, когда их предлагают, и не умеет требовать свое, когда от него пытаются утаить положенное. Алену не интересовало, что деньги предлагают обычно для того, чтобы скрепить сделку с правосудием, а положенное утаивают, когда сделка сорвалась. Алена не понимала, что ее муж физически не способен на подобные соглашения, Аркадий воспринимал их как сделки с совестью. С чьей-то совестью он еще мог договориться, но никогда – с собственной.

Когда Алена на шестом или седьмом году замужества поняла, что Аркадий в этом отношении неисправим, как разобранный на детали и выпотрошенная игрушка, она начала искать героев на стороне. Аркадий догадывался об этом; да что там догадывался, он точно это знал, поскольку, будучи сыщиком, а со временем – сыщиком экстра-класса, легко ловил жену на противоречиях и мог бы без проблем отслеживать все перемещения Алены по городу и знать обо всех ее амурных приключениях.

Если уж повезло попасть в пробку, – подумал Аркадий, – почему не использовать это время и не поразмышлять о деле Подольского? Просто посидеть и подумать – когда еще выпадет такая возможность?

Что произошло между шестью и девятью часами утра? В комнату никто не входил, о подмене трупа и речи быть не может. Такие случаи бывали неоднократно, но только не в этот раз. Да и кому он сдался, этот Подольский, чтобы создавать такие сложности? Если у него были враги, то куда проще имитировать аварию в воздухе (73 процента случаев сведения личных счетов) или пристрелить в подворотне (остальные 27 процентов).

Самым загадочным в деле Подольского является исчезновение «маски смерти», все остальное решается. Следовательно, сейчас важнее всего заключение патологоанатома. Техни-

ческие экспертизы вторичны, вопросы, поставленные перед экспертами, могут измениться в результате медицинского обследования трупа.

Допустим, что эксперт скажет: теплового поражения не было и быть не могло. Что тогда? Закрывать дело и списывать расходы агентства в убыток, поскольку страховая компания не станет в случае естественной смерти Подольского оплачивать юридическую страховку? Или продолжать расследование, привлекая в качестве отправной точки несогласованность двух обследований? В конце концов, в шесть утра лицо Подольского было сожжено – какие сомнения! Для судмедэксперта данные телевизионной съемки – не доказательство, как и личные свидетельства оперативника МУРа, коменданта общежития и понятых. Но ведь это – было!

И еще то, о чем Аркадий вообще старался не думать: отпечаток раскаленной ладони на лице Подольского. Будто кто-то подошел к Генриху Натановичу, протянул правую руку и коснулся его лица ладонью, раскаленной градусов этак до пятисот, при меньшей температуре контакт источника жара с лицом Подольского должен был бы продолжаться минуту или больше. В принципе, можно, наверное, организовать луч таким образом, что получился как бы след ладони человека, это все техника, пусть даже на грани фантастики.

Вопрос – зачем?

Можно сделать все что угодно, но – сколько все это будет стоить? Есть способы, куда более дешевые.

Впереди возник просвет – транспорт начал постепенно передвигаться, одновременно переходя на нижний уровень, видимо, там удалось разгрузить пробку чуть быстрее. Машина стояла на автопилоте, и Аркадий не стал вмешиваться в управление. Движение по трассе ускорилося, машина неслась теперь в первом эшелоне метрах в десяти над крышами Юго-Запада и вот-вот, судя по датчикам автопилота, собиралась приземлиться на Воробьевском проспекте, чтобы продолжить затем движение к центру. Нужно было решить, куда он, в конце-то концов, хочет попасть: в больницу, МУР или домой? Когда колеса коснулись бетона, Аркадий отключил автопилот и повел машину в правый ряд, уменьшая скорость. Где-то здесь... Он помнил номер дома, это неподалеку от площади Героев Космоса. Сейчас вправо – в переулок.

Надо было бы сначала позвонить, а не являться, как снег на голову. Ну да ладно, не по личным делам как-никак.

Аркадий вывел машину из довольно плотного даже здесь уличного потока и остановил у первого же столбика платной стоянки. Послал в модем аппарата номер своей кредитной карточки и вылез на тротуар, разминая затекшие ноги. Дом под номером 73 он успел проехать, перед ним возвышалась двадцатипятиэтажная жилая башня с черным числом 79 на фасаде. Число занимало два этажа и написано было, по-видимому, не столько для прохожих и проезжих, сколько для самоутверждения жильцов, поскольку разглядеть его в пролетном режиме даже из первого эшелона никто бы не смог.

Аркадий пошел назад и обнаружил в сотне метров странное двухэтажное сооружение эллипсоидальной формы, архитектурный реликт середины века. Перед входной дверью почти неподвижно висела в воздухе голографическая надпись «KIMECS Iona, Ltd.» Надпись слегка подрагивала – видимо, в адресном компьютере или в линии передачи были какие-то сбои.

Аркадий протянул руку к стеклянной на вид двери, но стекло неожиданно оказалось пленкой, разорвавшейся под давлением его пальца. Пленка скукожилась, упала под ноги и пропустила Аркадия в большой светлый холл. Он остановился, раздумывая, что же теперь делать, он вовсе не собирался что бы то ни было ломать. Не очень-то удачное начало... Однако в следующую секунду дверной проем оказался затянут прозрачной стекловидной пленкой, будто ничего не произошло. Аркадий даже не успел уловить, когда произошел процесс восстановления.

Он осмотрелся. На второй этаж вела широкая лестница, а справа открывался коридор с рядом дверей. В холле стояло несколько кресел, довольно старых на вид, с потертыми кожа-

ными подлокотниками. Картина на стене изображала то ли Дантов Ад, то ли иное подобное заведение, где под низким небом полуобнаженные люди тащили на себе и сбрасывали в пропасть какие-то сооружения, машины и прочие достижения технического прогресса.

– Добро пожаловать, – сказал мягкий голос, и Аркадий, обернувшись, оказался лицом к лицу с миловидной женщиной лет тридцати. Женщина была почти на две головы ниже Аркадия и точеными чертами лица напоминала греческую статуэтку. Она и одета была соответственно – в широкое платье, подобное греческой хламиде.

– Здравствуйте, – сказал Аркадий. – Мое имя Аркадий Винокур, я частный детектив и хотел бы поговорить с некоторыми сотрудниками фирмы. С кем имею честь?

Женщина с сомнением осмотрела Аркадия с ног до головы. Должно быть, детективов она представляла совсем иначе.

– У вас есть документ? – спросила она.

Аркадий вытащил карточку из кармана и провел ею в воздухе на уровне глаз. Отпечаток оказался чуть смазанным, но главное – фото, фамилия и название фирмы получились отчетливо. Секунд через пять изображение рассеялось дымом, но этого времени было вполне достаточно для идентификации.

– Что-нибудь случилось? – с тревогой спросила женщина.

– Если можно, я хотел бы поговорить с Пастуховым.

– С Сергеем Сергеевичем? Прямо по коридору, вторая дверь. Вас проводить?

Конечно, ей хотелось проводить и послушать, что скажет сыщик начальнику отдела.

– Ваша фамилия случайно не Раскина? – спросил Аркадий. По возрасту женщина подходила, но фотографии Раскиной в файле «Рябины» не оказалось, и Аркадий вовсе не надеялся на удачу.

– Нет, – почему-то оскорбленным тоном заявила женщина. – Я не Раскина, с чего вы взяли?

– Тогда я найду сам, – сказал Аркадий и, оставив женщину в недоумении, направился к указанной ему двери.

Вошел, постучав и не услышав ответа. Пастухов Сергей Сергеевич, руководитель отдела технологий метаинформационных структур сидел за компьютером и раздраженно рассматривал неожиданного посетителя. Не дожидаясь вопроса, Аркадий показал свою карточку и сел в кресло.

– И что вам здесь нужно? – без малейшего оттенка любезности в голосе спросил Пастухов.

– Сотрудник вашего отдела Генрих Натанович Подольский был найден сегодня утром мертвым в своей комнате в хостеле «Рябина», – объяснил Аркадий. – Я веду дело о смерти этого человека и хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Не понял, – сказал Пастухов. – О чем вы? Вчера я с Подольским говорил, он был в полном порядке. Правда... – Пастухов помедлил, – он не вышел на работу, но это не основание...

Похоже, Пастухов был настолько внутри своих научных рассуждений, что не вполне адекватно воспринимал сказанное собеседником.

– Подольский умер сегодня ночью, – повторил Аркадий. – И меня интересуют некоторые обстоятельства.

Наконец до Пастухова дошло. Он вынырнул из глубины метаинформационного пространства и испугался вполне натурально:

– Умер? Чепуха! Не может быть! Отчего? Когда?

– Причина смерти выясняется, – ответил Аркадий. – Произошло это сегодня ночью.

– Сегодня ночью, – почему-то задумался Пастухов, и неожиданно лицо его прояснилось. – Нет, – сказал он с облегчением, – сегодня ночью я Подольского не видел и ничего об этом не знаю.

– Ясно, – вздохнул Аркадий. С этим человеком, пожалуй, не стоило и разговаривать. Он из испуганных. Насмотрелся телевизионных сериалов о милицейском спецназе и заказниках, работу частного сыска не представляет вообще, благо на телеэкране это не показывают. Но не уходить же с пустыми руками.

– Прежде, – сказал Аркадий, – вы достаточно часто общались с Подольским...

– По долгу службы, – быстро сказал Пастухов. – Исключительно.

– Понятно. Каким он был сотрудником?

– Хорошим, – с готовностью сообщил Пастухов, но в его ответе Аркадий ощутил оттенок неуверенности, руководитель отдела готов был в любой момент изменить свое мнение, если это будет нужно следствию.

– Подробнее, пожалуйста, – попросил Аркадий.

– Подробнее... – Пастухов внимательно всмотрелся в лицо посетителя, стараясь угадать, какой именно ответ его больше устроит. Аркадий сидел, равнодушно глядя перед собой, ему было все равно, что скажет свидетель, а свидетель мучился, ему не доставало вешек, чтобы определить свое поведение. Так и не получив дополнительной информации, Пастухов продолжил:

– Генрих Натанович Подольский поступил в фирму в октябре пятьдесят шестого. Трудового соглашения не нарушал, несколько раз поощрялся в размере оклада. В прошлом году был награжден туристической путевкой в Азербайджан, на курорты Каспия... Ну...

– Дорогой Сергей Сергеевич, – проникновенно сказал Аркадий, – видите ли, у Генриха Натановича не выдержало сердце. Неприятно, я понимаю, но в этом нет ничего криминального. С каждым может случиться. Но родных у него нет, даже похоронить некому, если, конечно, фирма не возьмет на себя...

– Я поговорю с начальством, – немедленно заявил Пастухов. – Думаю, что мы сможем организовать похороны. Бедняга! Действительно сердце? Он никогда не жаловался. – Пастухов покачал головой. Услышав о том, что смерть сотрудника произошла по естественной причине, он немного успокоился, но все же остались кое-какие сомнения, и начальник отдела поспешил их рассеять.

– А почему... – сказал он. – Ну, я имею в виду, если Генрих умер от сердца... Почему вы...

– Ах, это, – пожал плечами Аркадий. – Стандартная процедура, предусматриваемая юридической страховкой. Вы собираете информацию, мы тоже – просто информации у нас разные, вы согласны?

Пастухов был согласен.

– Подольский выглядел взволнованным в последние дни? Что-нибудь его беспокоило? Я имею в виду – что-нибудь такое, из-за чего он мог... Ну, вы понимаете...

– Да, конечно. То есть, нет, ничего такого не было. На работе – обычная рутина, а вне службы я с ним не общался, так что ничем вам не помогу.

– Давайте тогда по работе. Он вел самостоятельную тему? У него были достижения?

– Достижения – да, конечно. Он занимался метаинформационными структурами...

– Извините мое невежество, – улыбнулся Аркадий. – Это что за структуры такие?

– М-м... Как бы вам популярнее... Вы знаете, конечно, что в ноосфере есть области повышенного энергоинформационного давления...

– В ноосфере? – поднял брови Аркадий. – Но ведь это вроде бы просто обозначение сферы разума.

Пастухов посмотрел на Аркадия снисходительным взглядом специалиста, вынужденного растолковывать профану прописные истины. Ну и хорошо, – подумал Аркадий, – расслабился наконец. Теперь он забудет о Подольском и начнет вещать, а через несколько минут разговор можно будет осторожно вернуть к умершему сотруднику.

– Ваши сведения, – сказал Пастухов, – базируются на учебнике для одиннадцатого класса, причем издания примерно десятилетней давности. Я прав?

– Безусловно, – кивнул Аркадий. Его сведения о ноосфере базировались на штудиях Урнова, он сдавал этот предмет в колледже, но сейчас лучше было изображать неуча, каким Пастухов наверняка представлял себе любого сотрудника частного сыска.

– Тот учебник писали догматики, для них Вселенная – это атомы, молекулы и четыре вида полей, ничего более. На самом деле существует еще так называемое биоинформационное пространство, в пределах которого происходит взаимообмен эмоциями, отдельными мыслями, просто незакодированной энергией живого организма...

Некробиотический сигнал, – вспомнил Аркадий и невольно нахмурился. Метальников, умирая, послал в это самое биоинформационное пространство импульс, и Алена восприняла его. Когда-то в детстве Аркадий тоже испытал это жуткое чувство: он проснулся среди ночи, будто от удара по грудной клетке, в комнате было темно, и он ясно расслышал голос отца, лежавшего в это время в Первой градской больнице. «Прощай, – сказал голос, – мне уже не больно». Прошло трое суток после того, как отцу пересадили сердце, послеоперационный период проходил нормально, утром Аркадий собирался съездить на Пироговку... Заснуть он больше не смог, было в груди какое-то стеснение. Рано утром позвонил лечащий врач и сообщил, что больной Винокур скончался в три часа ночи.

– А разве это... биоинформационное пространство нематериально? – спросил Аркадий, отгоняя воспоминание.

– Материально, конечно! – воскликнул Пастухов. – Но есть разница между традиционным материализмом и его, как бы помягче выразиться, воинствующим направлением. Видите ли, биоинформационное поле структурно отличается от своего электромагнитного аналога...

Аркадию стало скучно, но для того, чтобы задать следующий вопрос, необходимо было позволить Пастухову высказаться.

– К вопросу о биоинформационном поле, – сказал Аркадий, вклинившись в первую же паузу. – Был ли, по-вашему, кто-нибудь в институте, настолько близкий к Подольскому, что мог воспринять его некробиотический сигнал?

– М-м... – поморщился Пастухов. – Видите ли, наука пока не доказала наличие подобных излучений, во всяком случае при...

– Меня всего лишь интересует, – перебил Пастухова Аркадий, – есть ли в институте человек, близко знавший Подольского. Поэтому я и упомянул некробиотический сигнал – говорят, что можно ощутить на расстоянии смерть только очень близкого человека.

– Понимаю... – протянул Пастухов. – Видите ли, Генрих Натанович – человек не очень контактный... Э... То есть, я хочу сказать – был не очень... Я могу на пальцах одной руки пересчитать сотрудников, с кем он общался. Во-первых, ваш покорный слуга. Я был его непосредственным начальником, и еще мы пятницам играли в шрайк. В наше время шрайк почему-то потерял популярность, а мне нравится, снимает напряжение.

– Кто еще общался с Подольским в институте? – спросил Аркадий.

– Геннадий Павлович, – сказал Пастухов. – Геннадий Павлович Ушаков, наш исполнительный директор.

– Вы имеете в виду общение вне службы?

– Нет, мне известно только то, что происходит в институте. Генрих Натанович обслуживал биологический компьютер в кабинете Ушакова, машина там из самых сложных, еще не настроенная, даже еще не выращенная до зрелого состояния. Подольскому часто приходилось бывать в кабинете Ушакова, они беседовали, какие-то были у них общие темы. Странные, надо сказать... Я иногда слышал, когда заходил.

– Странные?

– Более чем, – хмыкнул Пастухов. – Они обсуждали проблемы потустороннего мира.

– М-м? – Аркадий поднял брови.

– Да-да. Жизнь после смерти и все такое. Я как-то спросил Генриха: он что, на самом деле думает, что потом что-то будет? Он сказал тогда, что это теоретический спор, их, понимаете, интересовала проблема биологической памяти компьютеров – сохраняется она в структурах после уничтожения базового блока или погибает полностью. Это, мол, аналогично проблеме – сохраняется ли память человека после его смерти. Например, в структуре его клеток. Это важно знать для теорий метабиологических переходов, трактуемых так называемые инкарнации живых существ как последовательные пересечения информационных структур – от мозга к полю ноосферы и обратно к мозгу индивидуума, но со смещением в положительном направлении стрелы времени.

– Не понимаю, – признался Аркадий.

– Да это и не имеет к вам никакого отношения, – покачал головой Пастухов. – Проблема действительно интересная, но при чем здесь вы?

– Ни при чем, – согласился Аркадий. – И вы, конечно, не можете сказать, что делал ваш исполнительный директор вчера вечером.

– Почему не могу? Могу, конечно. Он был здесь, в институте.

– Кто, кроме вас, может подтвердить, что Ушаков находился в своем кабинете? – спросил Аркадий.

– Я разве сказал, что Геннадий Павлович находился у себя? – удивился Пастухов. – В пятой лаборатории справляли окончание большой работы, гудели крепко, и Ушаков, конечно, не мог пропустить... – в голосе Пастухова Аркадию послышалась ирония. – Они сидели до двух ночи. Все, кто там был, подтвердят, что у директора есть алиби.

– Алиби? – поднял брови Аркадий. – Разве его в чем-то обвиняют?

– Но ваш вопрос, – смутился Пастухов. – Вы интересуетесь, кто где был в то время, когда...

– Естественно, – кивнул Аркадий, но не стал объяснять, почему считает свои вопросы естественными, если следствие не подозревает кого бы то ни было в причастности к смерти Подольского.

– Благодарю, – сказал Аркадий. – Вы очень помогли.

– Пожалуйста, – пробормотал Пастухов, думая о чем-то своем. Скорее всего, будучи человеком науки, он сопоставлял в уме вопросы, заданные Аркадием, со своими ответами и пытался понять, что же все-таки произошло на самом деле в хостеле «Рябина» – не мог частный детектив задавать вопросы, если причина смерти бедняги Подольского не вызывала подозрений.

– Да, – сказал Аркадий, остановившись на пороге. – Не подскажите, в какой комнате работал Подольский?

– Сто тридцать, напротив холла по коридору.

– Там есть сейчас кто-нибудь?

– Конечно, – нахмурился Пастухов. – Только я бы не хотел... Вы будете отвлекать людей от работы. Подождите до пяти, если возможно.

– Спасибо за совет, – поблагодарил Аркадий и прикрыл за собой дверь. По идее, Пастухов должен сейчас позвонить директору и в лабораторию. Ушакову рассказать о странном визите, а людей в лаборатории предупредить, чтобы изобразили рабочий энтузиазм.

В коридоре было пусто. Аркадий вытащил из кармашка на внутренней стороне куртки колесико интерфона, прилепил к мочке уха и наклонился к двери кабинета Пастухова. Между ухом и дверью должно было оставаться несколько сантиметров воздушной прослойки, где звуки, прошедшие сквозь твердый материал, преобразовывались в колебания газовой среды.

– ...Я ему так и сказал, – прозвучал голос Пастухова. – Конечно, Геннадий Павлович, да он и сам понимает... Извините, я вам еще перезвоню, хочу предупредить Раскину, чтобы она была сдержанней, следователь идет к ней... Да-да, конечно.

Стало тихо, а потом Пастухов проговорил:

– Наталья Леонидовна, это Пастухов. Понимаете, случилось несчастье... Нет, с ним все в порядке. Генрих Натанович... Что? Когда... Ага, понятно. Но вы же с ним... Нет, я понимаю... Я сейчас вовсе не то хотел сказать. К вам идет следователь сысского бюро. Этаким весь из себя Холмс. Посдержаннее, пожалуйста. Дома будете плакать, хорошо? Ну давайте...

Тишина.

Аркадий быстро пошел в сторону холла, на ходу стягивая с уха колесико интерфона. В холле несколько сотрудников КИМЕКСа азартно обсуждали вчерашний матч «Реала» с минским «Динамо». Судя по возгласам, все смотрели матч по стерео и, следовательно, не могли быть с двадцати двух до полуночи в хостеле «Рябина». Впрочем, заключение это, сделанное Аркадием с привычным автоматизмом, не могло иметь ровно никакого значения, поскольку никто из стоявших в холле людей по делу Подольского не проходил. Директора КИМЕКСа Ушакова среди них не было, это очевидно.

Аркадий свернул в правый коридор, здесь двери были большими, под потолок, и на каждой стоял электронный замок с экранчиком сенсорного набора. Никаких названий, только номера комнат были обозначены большими красными числами слева от каждой двери.

Аркадий остановился у сто тридцатой комнаты и собрался постучать, но в это мгновение дверь неожиданно распахнулась, и он оказался лицом к лицу с женщиной лет тридцати пяти. Раскина – несомненно, это была она – оказалась чуть выше среднего роста, с нескладной, какой-то прямоугольной фигурой и лицом, которое скорее подошло бы мальчику-переростку: выдающиеся скулы, едва заметные усики, да и прическу Наталья Леонидовна носила почему-то сугубо мужскую. Если бы не высокая грудь, Раскину вполне можно было принять за мужчину, по известным причинам переодетого в женский рабочий костюм: обтягивающую блузку, вправленную в широкие, по последней женской моде, китайские джинсы.

– Наталья Леонидовна, если не ошибаюсь? – изобразив на лице любезную улыбку, спросил Аркадий.

– А что? – не приняв любезного тона, агрессивно сказала Раскина. – Вы кто такой?

– Давайте войдем, – предложил Аркадий. – Я детектив из частного агентства «Феникс» и хочу задать вам несколько вопросов.

– По какому поводу?

Если бы Аркадий не знал точно, что Раскина осведомлена о смерти Подольского, он непременно сделал бы вывод, что эта женщина действительно не догадывается, что нужно от нее неожиданному посетителю. На лице не было даже следа тревоги, не говоря уж о слезах, о которых упоминал в разговоре с ней Пастухов.

– Можно войти? – повторил Аркадий.

Раскина неохотно отступила в сторону, и Аркадий перешагнул порог.

– Только не сюда, – торопливо сказала Наталья Леонидовна, когда Аркадий направился к стоявшему у окна столу с раскиданными на нем бумагами. – Пожалуйста, садитесь на тот стул, он предназначен для всех, кто не связан с экспериментом, эта часть комнаты полностью безопасна.

– Безопасна для кого? – уточнил Аркадий, усаживаясь на стоявший в левом дальнем углу стул, одинокий, как сосна на голой вершине.

– Для посетителей, – объяснила Раскина, не вдаваясь в детали. Аркадий увидел стоявшее перед компьютером вертящееся кресло с высокой спинкой и перетащил его, несмотря на протесты Натальи Леонидовны, в угол, поближе к стулу.

– Садитесь сюда, – сказал он, – так будет удобнее.

– Послушайте, – сердито сказала Раскина, – что вы себе...

– Сегодня ночью умер ваш коллега Генрих Натанович Подольский, – сообщил Аркадий уже устаревшую новость, внимательно наблюдая за реакцией Натальи Леонидовны. Брови ее поднялись, но глаза остались внимательно-спокойными.

– Как? – сказала она. – Не может быть!

Играть она не умеет, – отметил Аркадий. В театр ее не взяли бы даже статисткой. Тем лучше, вопросы можно задавать в лоб, а правильные ответы читать на лице.

– Да вот так, – сказал он. – Сердечный приступ. Как вы понимаете, в таких случаях детективное агентство проводит формальное расследование.

– Зачем? – вырвалось у Раскиной. – Сердечный приступ, это же не в вашей компетенции!

– Сам приступ – нет, конечно. Но поскольку Подольский был в это время один, нужно точно разобраться в причинах, приведших к приступу и смерти. Он мог, например, перед этим крупно повздорить с кем-нибудь, и в результате... Или получил какое-то очень неприятное известие... Да мало ли...

– Ну и что? – нахмурилась Раскина. – Допустим, повздорил. Разве это повод для того, чтобы кого-то обвинять?

– А разве я обвиняю? Это вопрос чисто финансовый. Согласно юридической страховке (в вашей, кстати, сказано то же самое, прочитайте внимательно), часть расходов по похоронам, если имела место смерть, или лечению, если имело место поражение здоровья, несет лицо, по чьей прямой или косвенной вине произошла указанная выше...

– Вы можете говорить по-русски? – раздраженно сказала Раскина.

– Я просто объясняю...

– Я давно поняла. – Она помолчала. – Генрих ни с кем не ссорился, если вы это имели в виду. Он вообще человек... то есть, был...

У Раскиной неожиданно задрожали губы, и она прикрыла рот ладонью. Впрочем, женщина быстро справилась с волнением.

– Вы что-то скрываете, – сказала она решительно. – Даже если Генрих с кем-то сильно повздорил и это стало косвенной причиной приступа... К юридической страховке это не имеет никакого отношения. Придумайте другую версию.

– Зачем? – вздохнул Аркадий. – Наши отношения очень просты. Я задаю вопрос, вы отвечаете. Вы можете отказаться отвечать, можете вызвать своего адвоката, можете выставить меня из комнаты. Я все это зафиксирую. Разумеется, мои выводы никак не повлияют на ваше общественное и, тем более, научное положение. Официально, я имею в виду. Но вы же знаете, как это бывает. Одно слово, другое, по Москве начинают ползти слухи, с вами перестают здороваться... Порой не нужно доводить дело до суда, чтобы уничтожить человека, помните историю с Анастасией Росточкой?

Раскина помнила, это было видно по ее глазам. Конечно, Аркадий рисковал. Наталья Леонидовна могла замкнуться и отказаться вести разговор – даже в присутствии адвоката. Но могла поступить и иначе – в конце концов, трагедия с Росточкой действительно впечатляла, особенно людей не очень сильных, а Раскина, насколько Аркадию удалось понять, к сильным натурам все-таки не относилась.

– Что вы хотите знать? – сухо сказала Раскина.

– Ваши исследования имели практическое значение или были сугубо теоретическими? Брови Раскиной удивленно поползли вверх.

– Какое это имеет...

– Мы уже договорились, – покачал головой Аркадий, – что я задаю вопросы, а вы отвечаете.

– Практическое.

– Нельзя ли подробнее?

– Подробнее... Вы знаете, что такое квантовое биополе? Простите, я не должна задавать вопросы...

– На этот я могу ответить. Квантовое биополе – это такая штука, с помощью которой у некоторых людей получается передвигать предметы. Это еще называется телепортация.

Раскина поморщилась.

– Господи, это вы все в фантастике вычитали? Ни у кого и никогда не получалось передвигать предметы усилием мысли, если вы это имеете в виду. А то, что вы называете телепортацией, есть функция биополя. Попросту говоря, очень мощное биополе в лазерном режиме перестает быть непрерывным и квантуется – как всякое другое поле, скажем, электромагнитное. И давление квантов биополя действительно способно переместить материальный объект. Только для этого нужны усилители, своеобразные лазеры биополя. Генератор Уринсона не может создавать биополе самостоятельно, надеюсь, это вам известно, но он в миллионы раз усиливает биополе индуктора-человека. Усиливает до такой степени, что поле начинает квантоваться. Эти кванты улавливают и направляют на... скажем, вот на эту крошку на полу. И крошка начинает двигаться. Вы когда-нибудь видели генератор Уринсона? Впрочем, неважно, я задала риторический вопрос. Генератор, которым пользуемся мы, занимает всю соседнюю комнату. Понимаете? И с его помощью мы пока можем передвинуть... ну, не только эту крошку, конечно, но ничего тяжелее почтового конверта. Давление биополя больше светового, но все-таки... Короче, Генрих Натанович работал над усовершенствованием уринсоновских генераторов. Чисто практическая тема.

– А вы? – спросил Аркадий. – Вы тоже?

– Естественно, мы работали вместе. Уже пять лет. Вот в этой комнате. С утра до вечера.

Взгляд Раскиной стал будто стеклянным, она видела перед собой не Аркадия, а собственное прошлое, и нужно было быстро спасать положение, пока Наталья Леонидовна не перестала воспринимать настоящее.

– Я разговаривал с Пастуховым, – сказал Аркадий, – и он ничего не говорил об генераторах... э... Уринсона. По его словам, Подольский исследовал что-то, связанное с ноосферой, какая-то передача информации от мозга в биоинформационное пространство и обратно. Извините, я не очень понял, но все равно это ведь не то, о чем вы сейчас говорите.

– Почему не то? – удивилась Раскина и посмотрела на Аркадия, как профессор математики на великовозрастного дылду, не знающего, что дважды два, вообще говоря, равно четырем. – Именно то. Уринсоновские генераторы усиливают биоструктуры, излучаемые... Впрочем, вы действительно не специалист, а мы порой увлекаемся терминами... Генераторы Уринсона могут иметь в будущем множество применений. Конкретно Генриха Натановича интересовала так называемая метаинкарнационная гипотеза – перенос информации от одного живого существа к другому с задержкой в биоинформационном поле. Без генераторов Уринсона здесь делать нечего.

– Это очень интересная проблема? – сказал Аркадий. – Я имею в виду, что первая атомная бомба тоже была огромных размеров, а сейчас атомную мину такой же мощности можно унести в портфеле. И этот генератор... Сейчас он занимает комнату, а через год появится компактная модель, и телепортация станет популярной не меньше, чем сейчас биокомпьютеры.

– Да, вы правы, – согласилась Раскина. – В перспективе.

– Значит, – сделал следующий шаг Аркадий, – наверняка у вас есть много конкурентов. Создать первый карманный генератор – это ведь принесет изобретателям миллионы?

– Вы все о деньгах, – пробормотала Раскина. – Наверное. Впрочем, вы правы, конечно. Но от нашего генератора до карманного такая дистанция, что никто из нас и не думал о том, что при нашей жизни...

– Кто еще работал над такими генераторами? – спросил Аркадий. – В России, скажем. Может, даже в Москве.

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к... Простите. В Москве – никто. В России – институт «Биопром» в Санкт-Петербурге. Мы движемся примерно одинаково, но точно, конечно, никто не знает, потому что существует коммерческая тайна.

– Ну, мне-то вы рассказали...

– То, что я вам рассказала, и еще в десять раз больше, известно каждому сотруднику и здесь, и в Питере, и в Каролине, где тоже проводятся подобные опыты. Коммерческая тайна начинается на уровне конкретных блоков и идей.

– У Подольского были оригинальные идеи?

– Каждый считает, что его идеи оригинальны, Генрих Натанович не исключение.

– А по-вашему?

– Идеи Подольского безусловно оригинальны, – с вызовом сказала Раскина. – Так что конкурентов у нас достаточно, если я верно поняла вашу мысль.

– Разве я высказывал какую-то мысль? – удивился Аркадий. Ему действительно не казалось, что работа над генератором могла стоить Подольскому жизни, тем более, что до практического применения было, по словам Раскиной, еще очень далеко. Чтобы спалить на расстоянии кожу на лице жертвы, эти генераторы явно непригодны.

Аркадий встал и сделал несколько шагов к столу, стоявшему около окна. Он не собирался трогать на столе что бы то ни было, ему хотелось посмотреть в окно, увидеть, просматриваются ли отсюда эшелоны воздушно-транспортной сети. Но Раскина поняла движение Аркадия по своему.

– Эй, – резко сказала она, вставая на его пути, – вам придется предъявить ордер и пригласить понятых. Ничего здесь трогать нельзя, рассматривать тоже.

– Я и не собираюсь, – пожал плечами Аркадий. Он обошел женщину и прижался лбом к оконному стеклу. Отсюда видна была только центральная линия, по которой к городскому кольцу летели личные машины. Грузовики шли в третьем эшелоне почти над самым институтом и из окна видны не были.

Аркадий слышал за спиной движение, Раскина что-то делала у стола, скорее всего, прятала какой-то документ, небольшой по объему, поскольку куда она могла что-нибудь спрятать, если не в карман своего рабочего платья? Во всяком случае, не в ящик стола – у Аркадия был хороший слух, он бы услышал. А больше просто некуда.

Он не торопясь обернулся – Наталья Леонидовна стояла, сложив руки на груди, как оперная певица, собравшаяся петь трудную арию. Карман блузки чуть оттопыривался. Ну и ладно.

– Наталья Леонидовна, – сказал он, – что вы делаете сегодня вечером?

Раскина ожидала любого вопроса, но только не этого. Она покраснела, будто девушка, у которой спросили, не собирается ли она нынче ночью отправиться в бордель.

– Зачем вам знать? – спросила она.

– Хочу пригласить вас на ужин, – улыбнулся Аркадий. – В «Тамиллу», например.

– Не понимаю... – растерянно сказала Раскина.

– Объясню, – Аркадий перешел на деловитый тон. – Вы не замужем, живете одна. Не смотрите на меня так, все это есть в вашей служебной карте, естественно, я с ней ознакомился. С Подольским вы работаете несколько лет, и его смерть не может на вас не подействовать. Следовательно, быть одной вам сегодня не стоит. Не имеет смысла и оставаться на работе – у вас все будет валиться из рук. Значит, нужно отвлечься.

– И вы хотите... Спасибо, я найду другой способ.

– Послушайте, Наталья Леонидовна, – Аркадий подошел к ней и положил руки на плечи, женщина попыталась отстраниться, но Аркадий держал ее крепко, и она не стала сопротивляться. – Послушайте, я ведь тоже человек и вижу, что вам нехорошо. Вам хочется поговорить о Генрихе Натановиче, это естественное желание в такой момент. Почему бы...

– Нет, – сказала Раскина и наконец освободилась из объятий Аркадия. – Нет. Вы спросили, я ответила. Что вам нужно еще?

Аркадий пошел к двери, сказав на ходу:

– Ничего. Я хотел как лучше... Извините.

Выйдя из института, он быстрым шагом направился к стоянке. Аркадий знал, что его не видно из окон лаборатории, и мог бы не торопиться, но все-таки почти бежал. С Раскиной он еще поговорит. Вечером, когда они встретятся в «Тамилле».

Поднявшись в воздух, Аркадий перешел на автопилот, задал возвращение в офис и после этого вытащил из кармана маленькую коробочку. Ту, что Наталья Леонидовна Раскина старалась от него спрятать.

Это был аудиоклип, стандартный, производства фирмы «Сони», полтора рубля за штуку.

Глава шестая

– А как ты его вернешь? – спросил Виктор. – Ты же понимаешь, что никакой пользы...

– Понимаю, – Аркадий предвидел каждое слово, которое скажет Хрусталеv, и слушал вполуха, отвечая не столько на реплики начальства, сколько на собственные мысли, которые пока двигались параллельным курсом и не противоречили высказываниям Виктора. – Я верну клип сегодня вечером. Мы встретимся с Натальей Леонидовной в «Тамилле».

– Она же тебя отвергла! – возмущенно сказал Виктор.

– Отвергла, скажешь тоже... Она решила, что отвечать согласием сразу неприлично, вот и все. А я не настаивал. Уверяю тебя, ей не меньше моего нужна эта встреча, она хочет знать о Подольском все, что известно мне. Думаю, если бы я позвонил ей чуть позже и повторил приглашение, она не стала бы отказываться. А тут такой повод... Она позвонит сама, уверяю тебя.

– Допустим, – Виктор продолжал хмуриться. – И ты ей вернешь клип, признавшись в том, что стащил его?

– Ты действительно так думаешь? – с подозрением спросил Аркадий.

– Нет, конечно. Но постарайся проделать все аккуратно.

На этот выпад Аркадий отвечать не стал, Виктор по сути благословил его на проведение этой части операции, можно было перейти и к другим аспектам дела.

– Сейчас, – сказал Аркадий, – я поем и поеду в морг. Надеюсь, что при личном контакте мне удастся уломать Селунина, и он проведет вскрытие сегодня. Если получится, дождусь результата, а если нет, поеду на часок домой, ты не возражаешь?

Виктор поднял на Аркадия внимательный взгляд.

– Я обдумал твою семейную ситуацию, – медленно, подбирая слова, сказал он, – и думаю, что Алена могла получить некробиот не только потому...

Он замялся на мгновение.

– Не только потому, что спала с Метальниковым, – закончил Аркадий. – Говори, я через это уже прошел... Что могло быть еще? Нежная дружба?

– Нет, – буркнул Виктор. – Это глупо. Но есть еще, к примеру, одинаковые ментальные параметры. Редко, но бывают такие совпадения.

– Да, – согласился Аркадий. – Один на миллион или меньше. Не проходит. Ты прекрасно понимаешь, что мне известны параметры биополя собственной жены. А параметры Метальникова я знаю с тех пор, как вел дело Гремينا. Ничего общего. Ничего. Ничего!

Он понял, что кричит, и взял себя в руки. Виктор смотрел на него смущенно, ему все равно казалось, что Аркадий преувеличивает, и все в его семейной жизни образуется. Доказательств измены никаких. Да если бы и так? Господи, сколько раз женщины изменяли Виктору, и сколько раз он изменял им сам! Проще нужно относиться к таким вещам.

– В любом случае, – сказал Виктор, – ты должен быть в форме. Если завалишь дело Подольского...

– Я пошел, – прервал Аркадий Виктора, – и нечего читать мне нотации.

– Возьми мою машину! – крикнул вслед Виктор. – Я сегодня ночью у Светланы.

Это распоряжение осталось невыполненным. Аркадий не торопился, ему нужно было подумать, и потому не стоило вообще забираться в воздушные коридоры, по земле дольше, но спокойнее. Он спустился в гараж, где его двухместная «сибирь» стояла на зарядке, отключил двигатель от генераторов, забрался внутрь (в кабине было жарковато из-за перекачки энергии, и он включил кондиционер) и вывел машину по пандусу на уличную развязку.

Аркадий заложил в автопилот движение по кольцу и расслабился. Когда не нужно торопиться, езда – самый замечательный способ продувания мозгов. Тихий шелест колес, мель-

кание машин и перекрестков, легкое подрагивание на стыках электромагнитных дорожных кабелей... Именно то, что нужно. Аркадий читал в одном детективе – то ли Гарднера, то ли Леонова, в общем, что-то из прошлого века, – как герой любил ездить в автобусе, хотя имел свою машину. В автобусе его везли, он мог расслабиться и размышлять, зная, что в запасе у него точно отмеренное количество времени. Нет, наверное, это не Гарднер, адвокат Мейсон в автобусах не ездил. А может, и ездил, все забывается, сегодня читаешь детектив, а завтра не помнишь ничего, кроме одного или двух удачно найденных героем следственных аргументов.

Со следственными аргументами сейчас особенно худо. То, что оказалось записано на клипе Раскиной, к смерти Подольского относиться не могло. Это были медленно и внятно надиктованные мужским голосом (самого Подольского?) описания экспериментов в области биоинформационных пространств (что-то, связанное с переносом ментальных матриц в трансвременных туннелях – м-да...), из которых ни Аркадий, ни Виктор почти ничего не поняли. Слова вроде были в основе своей русские, но смысл ускользал. Чтобы разобраться, нужен был эксперт, а кто мог стать экспертом в этой области, кроме самой же Раскиной?

В самом конце был, впрочем, момент, когда мужчина неожиданно перестал насиловать свои голосовые связки и перешел на нормальную речь.

– А после этой процедуры, – сказал он, – я бы предпочел горячую ванну, но не для тела, а для мозгов. С температурой точки Кюри. А?

И голос Раскиной ответил:

– Любопытная идея. Только не делай этого сам. А лучше – вообще не делай.

Мужчина что-то пробормотал, и запись кончилась. Аркадий с Виктором прослушали эту часть раз десять, но только цифровая обработка позволила понять, что мужчина сказал: «Что я, идиот по-твоему?»

Почему Раскина не хотела, чтобы именно этот клип попал в руки следователя, занимающегося смертью Подольского?

На Самотечной площади во второй линии – со стороны Неглинной – возникла пробка, настолько плотная, что никто из водителей не мог развернуть крылья и подняться над землей. Полиции видно не было – видимо, в районе Цветного бульвара произошла авария, и патрульные с площади направились к месту происшествия. Аркадий, который вел машину на небольшой скорости, успел затормозить, прежде чем подошел к шедшему впереди «транзиту» на расстояние, запрещающие взлет. Он посмотрел в зеркало – машина, шедшая позади, повторила его маневр, там, видимо, сидел достаточно опытный водитель, и теперь между «сибирью» Аркадия и «транзитом» оказался достаточный зазор – можно было взлететь, что Аркадий и сделал.

Он взял на себя управление и вывел машину из потока в третий эшелон. Осмотрелся – он летел над домами Юго-Запада, огибая по широкой дуге Воробьевы горы. Если свернуть к развилке над метромостом, легко попасть в больницу Второго управления, в морге которой находилось сейчас тело Подольского.

Телефон тренькнул, когда Аркадий выполнял маневр разворота под бдительным взором патрульного из вертолета дорожной полиции. Руки у Аркадия были заняты, он не успел переключить аппарат на звуковое управление, и теперь приходилось ждать, пока он завершит маневр, сделает левый нижний разворот и ляжет на новый курс. Номер вызывавшего абонента был Аркадию не знаком. После пятого гудка включился автоответчик, и Аркадий услышал женский голос:

– Это Раскина. Вы хотели пригласить меня на какой-то вечер. Если не передумали, перезвоните мне на работу.

Аркадий вывернул на курс, включил автопилот и освободил руки, но Раскина уже закончила сообщение и отключила связь. Надо было поспорить с Виктором, – подумал Аркадий. Не так уж плохо он знает людей, как кажется начальству. Перезвонить сейчас или подождать?

Потом у него может не оказаться свободного времени – мало ли какой сюрприз ожидает его в больнице? Он надавил кнопку возврата разговора.

– Слушаю, – сказала Раскина после первого же гудка.

– Это Винокур, – сообщил Аркадий. – Семь часов вас устроят?

– Вы можете включить видеоканал? – спросила Раскина, помолчав.

– Я в воздухе, – объяснил Аркадий, – и в кабине у меня тесно, вдвоем с вашим изображением мы не поместимся.

– Зато у меня просторно... Ну хорошо. Да, семь часов меня устроят. Где?

– Ресторан «Тамилла», если вы не против.

– Никогда не была в «Тамилле», – голос женщины стал почему-то напряженным. – Хорошо.

Она прервала связь, не попрощавшись, и Аркадий, выждав несколько секунд, переключил аппарат на анализатор. На приборной панели высветились параметры, определенные полиграфом по модуляциям голоса Раскиной во время этого краткого разговора. Аркадий не ждал откровений, на слух он и сам определил, что Раскина взволнована. Числа, однако, его поразили: Раскина умудрилась солгать дважды – когда сказала, что у нее просторно, и когда заявила, что никогда не была в «Тамилле». Значит, говорила она не из лаборатории. Откуда? Раскина понимала, что ему ничего не стоит это выяснить – он знал номер телефона. Но все же солгала – может, чисто механически? Может, она имела в виду вовсе не физическое пространство, а пространство мысли или что-то еще? Анализировать это не имело смысла, да и к делу оговорка Раскиной, скорее всего, отношения не имела.

Впереди появился по курсу двадцатитрехэтажный корпус больницы Второго управления. Машина провалилась на эшелон вниз, Аркадия едва не вынесло из кресла, автоматика посадочной площадки в больнице была, скорее всего, не настроена на прием личного транспорта. Он перехватил управление и посадил свою «сибирь» в боксе приемного покоя. Отогнал на стоянку, вышел и запер дверь.

Отделение патологоанатомии, вотчина эксперта Селунина, располагалось в глубине больничного парка и с посадочного бокса не просматривалось. Аркадий подумал, что следовало бы предупредить о своем приезде – Селунин очень не любил, когда его отрывали от занятий. Занятия могли быть любыми – например, созерцание бабочек в больничном дворе.

Аркадий сказал в микрофон:

– Диспетчерская, дайте Селунина, бокс четыре один три.

Врач отозвался сразу и энергично:

– Я тебя ждал, Аркадий!

– Ждали? – изумился Аркадий. – Вы сказали, что не раньше вечера...

– И ты отправился меня уламывать, – рассмеялся Селунин, который был, судя по голосу, чем-то очень доволен. – Я хотел тебя вызвонить, но обнаружил по карте, что ты движешься в сторону больницы и, надеюсь, правильно понял твои намерения. Иди-ка сюда, я в кабинете у главврача, это в нижнем коридоре.

– Знаю, – буркнул Аркадий.

Он спустился на второй этаж, в холле перед кабинетом главного было пусто, только голографическое изображение трехметрового человеческого скелета вращалось на круглой подставке, и огромный череп скалился в ехидной улыбке. Говорили, что скелет был подарен больнице неким Андреем Осокиным, известным в двадцатые годы бандитом, возглавлявшим воронежскую группировку, наводившую ужас на жителей нечерноземной полосы. Муровский спецназ в те годы находился еще в зачаточном состоянии, а государственные структуры вообще пребывали в хаосе реорганизации, да и Кодекс только начинал разрабатываться, как и вся страховая система правосудия. Результатом был, естественно, беспредел – причем криминальный не в большей степени, чем правоохранительный. Осокин пользовался этим умело и осторожно

– во всяком случае, никто и никогда не мог обвинить его в каких-либо противосистемных действиях – ни система частного в те годы рэкета, ни система государственной все еще в те годы охраны правопорядка. А умер Осокин случайно: неподалеку от Воронежа его автомобиль наскочил на давно уже запрещенную международными конвенциями противотанковую мину, оставшуюся, видимо, еще после разборок первых лет века. Машину разнесло, а Осокин – вот удивительное везение! – отделался разрывом селезенки и осколками в легких. Ранение было не очень тяжелым, и Осокин мог выжить, но судьба распорядилась иначе: его пристрелил врач «скорой» по дороге в больницу – стрелял точно в сердце, чтобы не повредить скелета, давно уже по пьянке подаренного Осокиным местным органам здравоохранения.

– Заходи, не стой столбом, – услышал Аркадий голос Селунина, и ему показалось, что череп подмигнул пустой глазницей.

Аркадий сделал ручкой контрольной телекамере, помещенной в глазнице, и прошел в кабинет.

Патологоанатом сидел в кресле главного врача перед пультом компьютера, а сам главный устроился у круглого стола в углу комнаты.

– Экспертное заключение, – сказал Селунин без преамбулы, – я отослал по твоему адресу, ты его потом считаешь. Виктору скажи, что за ним должок. А случай замечательный. Клиент ваш умер от острой сердечной недостаточности между тремя и половиной четвертого ночи.

– Другие повреждения... – начал Аркадий.

– Не торопись! – поднял руку Селунин. – Если бы не твой Виктор, я бы этим заключением и ограничился, поскольку никакой иной аномалии не обнаружил. Но Хрусталеv сказал, что могло иметь место лучевое воздействие. Не знаю, что он имел в виду, но никаких следов такого воздействия я не обнаружил. Подольский мирно лежал в своей постели, у него начался сердечный приступ, он испугался – естественно! – попытался встать, не удержался на ногах, упал и умер. В любом другом случае я бы этим ограничился. Но Виктора я знаю не первый год: если он утверждает, что могло быть лучевое воздействие, значит, у него есть основания для того, чтобы так говорить, и мне нужно дать обоснованное отрицание... Короче говоря, я решил провести посмертное ментоскопирование.

– Но это... – сказал Аркадий и осекся. Посмертное ментоскопирование введено было в криминологию несколько лет назад и стоило очень дорого, а потому стандартной страховкой не предусматривалось. Эксперт не имел права начинать такое исследование, не получив согласие страховой компании, наследников умершего и следственного отдела МУРа.

– Да-да, – нетерпеливо сказал Селунин, – я это лучше тебя знаю. Я связался с Виктором и выяснил, что соответствующей страховки у Подольского нет. На мой взгляд, вопрос был исчерпан, но несколько минут спустя Виктор позвонил и сказал, что переслал мне распоряжение Прокурора Москвы. Такое распоряжение действительно поступило, и я провел ментоскопирование немедленно, поскольку время уже поджимало – после смерти прошло больше двенадцати часов.

И кто же, черт возьми, за все это будет платить? – подумал Аркадий. Ясно, что не страховая компания. Кого смог задействовать Виктор и почему, собственно, он так засуетился? Неужели узнал что-то, пока Аркадий был в институте и вытягивал информацию из Пастухова с Раскиной? Если так, то почему ничего не сказал?

– Это я к тому, – сказал Селунин, потирая подбородок, – что результат экспертизы может быть опротестован в суде. Во-первых, потому что экспертиза проведена в обход страховой компании и, во-вторых, потому что доверительный интервал результата не превышает двух сигма, то есть гарантировать достоверность я могу не больше, чем на шестьдесят три процента. Ясно?

– Ясно, – пожал плечами Аркадий.

– Теперь слушай внимательно, – сказал Селунин и почему-то покосился на главврача, сидевшего с отсутствующим видом. – Я начал анализ с лобных долей, но признаки аномалии

обнаружил только в височной части. Опишу подробности. Вот хронометраж личных ощущений Подольского за десять минут, предшествовавших смерти. Даю обратный отсчет. Десятая минута: состояние стабильного беспокойства сменяется состоянием усиливающегося страха...

– Он не спал? – прервал Аркадий патологоанатома. – Время ведь было позднее, если он умер в три часа.

– Не спал. Скорее всего, он проснулся посреди ночи и лежал. Этого в ментозаписи нет, но я сужу по физическим результатам – в момент, когда начался приступ, тело находилось в горизонтальном положении. За девять минут до смерти у Подольского возникло ощущение, что он в комнате не один.

– Зрительные впечатления...

– Очень неопределенные, расшифровке не поддаются.

– Понимаю, – с сожалением сказал Аркадий.

– Восьмая минута до смерти, – продолжал Селунин. – Подольский пытается встать, но не может. Физически он полностью в норме, заметь. Но не в состоянии пошевелиться. О мышечном или церебральном параличе и речи нет. Страх усиливается. В комнате темно – это, впрочем, не объективный показатель, а субъективное ощущение Подольского, и в темноте приближается нечто ужасное. Возникла мысль, которую даже удалось прочитать, поскольку она повторялась до самого конца. Мысль вот такая: «Не нарушать закон я пришел, но исполнить его».

– Это же из Библии, – недоуменно сказал Аркадий.

– Да, – согласился патологоанатом. – Мысль имела от шести до двенадцати обертонов, по которым, возможно, удалось бы даже установить истинный смысл, но... В отличие от потенциальных физических впечатлений, допустим, зрительных, ход мысли теряется сразу после прочтения. Та запись, что идет в память компьютера, обертонов не содержит.

– Знаю, – поморщился Аркадий. Сама мысль, вертевшаяся в голове Подольского, скорее всего, смысла не имела – смысл имели лепестковые частоты, всего лишь обернутые в эту, возможно, чисто ассоциативную оболочку.

– Две минуты до смерти, – сказал Селунин, еще раз бросив взгляд на застывшего в кресле главного врача. – Подольский получает возможность двигаться, точнее – может пошевелить рукой и ногой. Он делает попытку встать и не может. Ему кажется, что перед ним стена, о которую он бьется лбом. Он действительно начинает биться лбом о преграду, которой в комнате, естественно, нет. При этом ему кажется, что тот, второй, кто пришел к нему, протянул руку... Этот образ протянутой руки вместе со словами «Не нарушать закон я пришел» сохранился до самой смерти, включая некробиотический сигнал, чрезвычайно мощный, но узко направленный.

– Вот как? – заинтересованно сказал Аркадий. – Вы можете указать направление?

– Терпение. За десять секунд до смерти Подольский начал контролировать свои передвижения. Именно тогда он попытался встать с кровати. Но когда он спустил на пол ноги... Пять секунд до смерти – он ощущает невыносимый жар, ему кажется, что на его лицо опускается раскаленная ладонь. Он падает на колени. Две секунды до смерти – сердце не выдерживает напряжения, происходит разрыв аорты (длиной шесть сантиметров, как показало вскрытие). Сердце останавливается одновременно с потерей сознания. Проходит некробиотический сигнал. Угасание функций мозга в стандартном режиме, кроме одной особенности – состояние клинической смерти продолжается не семь-восемь минут, как обычно, а всего двадцать четыре секунды. То есть Подольский был необратимо мертв, как только прошел некробиотический сигнал... Все.

– Раскаленная ладонь... – сказал Аркадий. – Вы видели оперативную запись номер один?

– Да, мне ее показали после того, как я представил свои соображения, – кивнул патологоанатом. – Именно это обстоятельство делает данный случай уникальным. Несомненно, что

Подольский получил сильнейший ожоговый удар, ставший катализатором сердечной атаки. Однако лицо трупа следов такого удара не содержит. Абсолютно чистая кожа.

– Если бы не видеосъемка муровского оперативника, – медленно сказал Аркадий, – можно было бы сделать вывод о том, что лучевое поражение было ощущением субъективным, верно? Безотчетный страх, обычно предшествующий сердечному приступу.

– Ерунда, – резко сказал Селунин. – Страх является следствием начавшегося уже процесса, просто больной еще не осознает происходящих физических изменений. В случае Подольского этого не было – сердечный приступ начался за пять секунд до смерти, а ощущение страха возникло много раньше.

– И как вы это объясняете?

Селунин повернулся в сторону главврача, и тот впервые подал голос:

– Коллега никак это не объясняет. Точнее, объяснение выходит за рамки его компетенции. Именно в связи с этим я счел необходимым изъять из экспертного заключения его результативную часть, оставив только описательную. Прошу считать это моим официальным решением и не предпринимать по этому поводу никаких апелляционных действий. Видите ли, – добавил он нормальным голосом с каким-то даже извиняющимися интонациями, – лично Валентин Сергеевич может сказать вам что угодно, но официально я вынужден... Вы уж не обижайтесь... А то, знаете, некоторые ваши коллеги, если недовольны экспертизой, начинают жаловаться в инстанции. Я хочу предупредить – если вы это сделаете, дело у вас попросту заберут.

– Вот как, – пробормотал Аркадий. Интересно, к какому выводу пришел Селунин. Впрочем, догадаться можно: он обвинил оперативника МУРа в фальсификации осмотра – что другое он мог сказать, хотя и это было, вообще говоря, глупо: в таком случае оперативник должен был знать о предсмертном ужасе Подольского. И следовательно... Ага, понятно: патологоанатом решил, что именно действия оперативного отдела... Гм, но тогда МУР ни за что не выпустил бы дело из своих рук, не передал частной детективной фирме, это ясно. Или неясно? В МУРе почему-то хотели от смерти Подольского отмежеваться и полагали, что до экспертизы второй степени дело не дойдет, но не подозревали, что Виктор сумеет по своим каналам... Слишком сложно.

Аркадий обнаружил, что держит в руке дискету с официальной печаткой отдела судебно-медицинской экспертизы, Селунин о чем-то задумался и не смотрит в его сторону, а главврач (как же его зовут, черт возьми?) стоит уже у двери и произносит:

– Всего вам хорошего, и надеюсь, что это недоразумение улажено.

Когда дверь за главным закрылась, Селунин поднял на Аркадия усталый взгляд и сказал, желая предупредить возможные вопросы:

– Не спрашивай, что я там написал, все равно не скажу.

– Да что там... – усмехнулся Аркадий. – Я тоже могу сложить два и два. Мне другое интересно – как Виктору удалось добиться повышения уровня экспертизы. Ему должны были отказать, вам не кажется?

Патологоанатом пожал плечами.

– Дорогой мой, – сказал он, – при том уровне бардака...

– Вы думаете? – усомнился Аркадий. – Впрочем, это уже домыслы. Всего хорошего.

Глава седьмая

Пообедал Аркадий на заправке, куда свернул с Кутузовского, увидев рекламу пиццерии «Милано». Он уже убедился в том, что за ним следят – конечно, это был всего лишь контроль-автомат дорожной полиции, станут они ради какого-то частного детектива использовать службу наружного наблюдения! Аркадий знал, что такие малогабаритные контролеры очень эффективны в простых отслеживаниях перемещений – в крайнем случае, если объект взбунтуется и попытается напасть на аппарат слежения, тот, не вступая в пререкания, отступит, а слежку продолжит аппаратура более высокого уровня, которую не отследит даже куда более опытный в таких делах человек, нежели Аркадий. Уходить тоже смысла не имело – на дорогах у МУРа достаточно глаз. Значит, придется работать под колпаком. Вопрос теперь в том, на какой стадии следственных действий муровцы решат, что пора вмешаться.

У Аркадия было объяснение тому, что происходило, и оно ему не нравилось. Некто, к кому он пока не подобрался, придумал новую технологию убийства и испытал ее на Подольском. Мотив преступления, скорее всего, уголовный, и потому формально МУР в расследовании не заинтересован. Но, поскольку использована новинка, оперативники МУРа, естественно, заинтересовались. Именно поэтому и позволили Виктору увеличить степень экспертной оценки. Именно поэтому за Аркадием установили слежку. Ждут результата. Если нужно будет, вмешаются и заберут дело. В результате никаких денег агентство не получит, и жаловаться на произвол государственной правоохранительной структуры будет, конечно, некому.

Работать на дядю из МУРа у Аркадия не было никакого желания. Проглотив последний кусок пиццы и выбросив пустую бутылку из-под пива в мусоропровод, Аркадий выехал на проспект и задумался. До встречи с Раскиной оставалось три часа двенадцать минут. Дома Аркадия, скорее всего, никто не ждал: если бы дочь хотела его видеть, то оставила бы, как обычно, записку на пейджере. А говорить сейчас с Аленой он не хотел сам.

Аркадий вывернул руль и свернул вправо. Подумал: прежде, чем являться в синагогу, нужно бы сначала поинтересоваться, на месте ли раввин Чухновский. Он притормозил у платной стоянки – до синагоги оставалось два квартала, но, скорее всего, там негде было бы поставить машину. Аркадий заплатил за час стоянки кредитной карточкой и пошел вдоль витрин. Скопил глаза – контролер, конечно, висел сзади, он и не собирался скрываться, зачем муровцам конспирация, они прекрасно знают, что уйти он не только не сможет, но и не подумает. Себе дороже.

Аркадий вошел во двор синагоги и направился к большим резным воротам, чуть приоткрытым, чтобы пройти мог один человек, да и то боком. Во дворе стояло несколько евреев, и Аркадий отметил, что никто из них не был похож на тех религиозных, которых он видел недавно на израильской выставке в Новых Сокольниках. Нормальные москвичи и москвички собрались будто перед входом в театр и обсуждали последние сплетни из мира богемы.

Он протиснулся в дверь и оказался в небольшом коридорчике, который вел в длинный и высокий молельный зал – сюда без проблем могло поместиться до тысячи человек.

– Вы кого-то ищите, господин? – к Аркадию быстрым шагом подошел молодой человек в черном костюме, на голове его была ермолка, только это отличило бы его в толпе москвичей, спешивших на работу. Наверняка на улице он свой головной убор снимал и прятал в портфель или карман. Интересно, как относится еврейский Бог к таким странным проявлениям религиозности? Или Богу все равно – главное, как говорится, не форма, а содержание?

– Вы знаете раввина Чухновского? – спросил Аркадий и взял протянутую ему картонную шапочку. – Это нужно надеть?

– Конечно, – твердо сказал еврей. – Вы в синагоге.

Сказано это было примерно таким же тоном, каким портье в пятизвездочном отеле говорит: «Вы куда, господин хороший? Здесь у нас иностранцы!»

Аркадий приладил ермолку на макушку и понял, что ее придется придерживать рукой, иначе картонка будут ежеминутно падать.

– Мне нужен раввин Чухновский, – повторил он.

– Вы... – сказал молодой человек с вопросительной интонацией.

– А вы... – сказал с такой же интонацией Аркадий.

– Что делаю здесь я, мне известно, – неожиданно резко заявил еврей, – а что собираетесь делать вы, я не знаю. Во всяком случае, не молиться.

– Это точно, – пробормотал Аркадий. – Хорошо, я понял, что вы из охраны. Я частный детектив, агентство «Феникс». Вот мой идентификатор.

– Идемте, я вас провожу, – сказал охранник. – Зачем вам Пинхас Рувимович, если не секрет?

– У вас когда-нибудь бывает так, чтобы не хватало мест? – сказал Аркадий, игнорируя вопрос.

– Подождите до семи часов и увидите, – усмехнулся охранник. – Вот сюда, идите за мной.

Пройдя по коридору, освещенному почему-то не панельными светильниками, а старыми лампами накаливания, они подошли к двери, на которой Аркадий увидел нечитаемую надпись. На идиш или на иврите – этого он, конечно, сказать не мог.

Дверь открылась, на пороге стоял старик – седая борода, морщины, лысый череп, покрытый черной ермолкой, сутулость, свойственная возрасту. На вид – лет семьдесят пять, не меньше. Это было странно, Аркадий помнил биографические данные Чухновского, ему недавно исполнилось пятьдесят шесть.

– Пинхас Рувимович, – сказал охранник, – это частный детектив, он хочет с вами поговорить. Скорее всего о смерти Генриха Натановича.

Аркадий посмотрел на охранника с новым интересом. Он знал о том, что случилось в «Рябине»? Интересно – откуда?

– Вы знали Подольского? – спросил Аркадий.

– Я не знал Подольского, – спокойно сказал охранник. – Сюда приходят тысячи человек, я не могу знать всех.

– Но вы только что назвали...

– Я вам все объясню, входите, – сказал Чухновский неожиданно сильным и звонким голосом. Такой голос физически не мог принадлежать согбенному старику. Контраст был настолько разительным, что Аркадий попытался заглянуть Чухновскому за спину – может быть, там стоит настоящий раввин, а старик только его секретарь? Нет, раввин был в комнате один.

– Садитесь, – густым баритоном, отражавшимся от стен, сказал Чухновский и показал на большое кресло, стоявшее у книжного стеллажа: три полки книг, скорее всего религиозных, в тисненых переплетах с еврейскими надписями. – Садитесь и скажите на милость, почему страховая компания не разрешает похоронить Генриха Натановича.

– Разве? – вяло удивился Аркадий. Естественно, страховая компания не могла дать такого разрешения до окончания расследования.

– Представьте себе, – сказал Чухновский. – У нас положено хоронить в день после смерти до захода солнца.

– У кого это – у нас?

– Поскольку вы пришли именно сюда, – сухо сказал Чухновский, – то прекрасно понимаете, что я имею в виду.

– Интересно, – заявил Аркадий, – почему российские евреи так не любят называть себя евреями? «У нас», «пришли сюда»... Скажите прямо: иудаизм требует. Я пойму.

– Конечно, поймете, – пробормотал Чухновский. – Вам прекрасно известно, что, согласно закону тридцать третьего года, в России запрещено упоминание национальности человека в официальных документах.

– Так я же не о национальности – я о религиозной идентификации, – удивился Аркадий. – А Подольский, насколько мне известно, религиозным человеком не был, хотя и ходил в синагогу.

– В синагогу, – вздохнул Чухновский, – приходят евреи, поскольку иудей и еврей – одно и то же.

– Нет, – сказал Аркадий, – этого я никогда не пойму. Я русский атеист. То, есть, если уж нарушать закон тридцать третьего года... Отец у меня был евреем, мать – русская. Я могу при желании назвать себя евреем, но иудеем – ни в коем случае. Хотя Ветхий завет я кое-как знаю. Мы его проходили в школе.

– Могу себе представить!

– Тем не менее, – улыбнулся Аркадий, – по истории религий я всегда получал девяносто. А Генрих Натанович, – это я в его документах видел, – никогда не имел больше шестидесяти. Религией не интересовался. Но сюда приходил регулярно – правда, не во время молитв.

– Он приходил ко мне, и вы прекрасно это знаете, – Чухновский выставил вперед бороду и стал похож на Энгельса, каким его изображали в прошлом веке на известных барельефах. – Вчера, кстати говоря, мы договаривались с ним на девять вечера, и он не пришел.

– Вот как? – заинтересованно спросил Аркадий и тронул воротничок рубашки, где находился микрофон, проверяя, идет ли запись. Чухновский заметил этот жест и усмехнулся. – Что вы хотели обсудить?

– Собирались, как делали всегда, выпить чаю и порассуждать о жизни. Генрих был очень одиноким человеком, вы даже не представляете себе, каким одиноким.

– Почему же? У него был друг – вы. Он играл в шпайк с коллегами, и они к нему хорошо относились. У него была работа, наконец. У многих сейчас нет и этого. Похоже, что была и женщина...

– Друг... – пробормотал Чухновский. – Хороший знакомый – пожалуй. А друг... Друзей у него не было. Мы знакомы с Генрихом больше десяти лет... Я просто предвижу вас вопрос и потому отвечаю заранее. Да, больше десяти. Точнее, одиннадцать лет и семь месяцев. И с тех пор время от времени беседуем на философские темы.

– Интересный контраст, – усмехнулся Аркадий. – Доктор наук в области самой современной бионетики беседует на философские темы с раввином.

– Вам это кажется странным? Он хотел понять, особенно в последнее время, как можно соотнести материальное с духовным в нашем мире. О материальном он знал почти все. А я знаю Тору и Каббалу, я учился Каббале у раввина Шойхата. Впрочем, это имя вам ни о чем не говорит, я прав?

Аркадий кивнул.

– Мы спорили, – продолжал Чухновский. – Нам было очень интересно друг с другом, вот что я вам скажу... Когда мы с Генрихом познакомились, он жил в институтском общежитии, это был еще тот проходной двор. А я вообще не имел в Москве своего угла. И дочь тогда жила на Ближнем Востоке...

– В Израиле?

– На Ближнем Востоке, – повторил Чухновский. – В Палестине, если быть точным. Впрочем, это неважно, я все время забываю, что вас не интересуют старые дела.

– Почему? – удивился Аркадий. – Это очень интересно. Лишний раз убеждаешься, что все, казалось бы, самые странные поступки имеют обычно очень простое объяснение.

– Все действительно очень просто в этом мире, – сказал Чухновский. – Сложности придумываем мы сами. Генрих Натанович умер. А вы создаете из этого очередную сложность только потому, что никто не видел, как именно это происходило.

– Никто, – согласился Аркадий, – вот потому я и хотел спросить у вас: когда Подольский не пришел на встречу, вы поинтересовались, что произошло?

– Я? Нет, он позвонил сам. Это было... м-м... я понимаю, вы хотите знать точное время... Так вот, когда он позвонил, было девять часов тридцать четыре минуты. Я ждал его, читал сидур...

– Что читали, простите?

– Сидур. Молитвенник. Потом отложил книгу и посмотрел на часы. И тут как раз позвонил Генрих.

– Очень удачно, – сказал Аркадий. – Часто вы смотрите на часы и даже запоминаете время?

– Нет, это произошло случайно, – сухо ответил Чухновский.

– Подольский объяснил причину своего отсутствия?

– Нет, почему он должен был что-то объяснять? Просто извинился и сказал, что прийти не может, дела. Мы договорились, что он придет сегодня в обычное время.

– Он был взволнован?

– Нет. Выглядел как всегда.

– Он говорил из дома?

– Не думаю. Я помню обстановку в его комнате в «Рябине», он часто мне оттуда звонил. Это был другой интерьер.

– Какой?

– Пожалуй, он звонил из... гм... Кафе? Нет, какая-то комната. Стена, на фоне которой... Больше ничего.

– А обычно, – сказал Аркадий, – Подольский приходил на ваши встречи вовремя? Я имею в виду, вы с ним договаривались заранее или он являлся, когда ему хотелось?

– Наши беседы не были регулярными, – раввин бросил на Аркадия задумчивый взгляд. – Генрих Натанович приходил после работы, и у нас были час-полтора до начала молитвы.

– Он оставался молиться?

– Иногда оставался, иногда нет. Вы задаете нелепые вопросы, молодой человек. Какое все это имеет отношение к смерти Генриха Натановича?

– Никакого, – согласился Аркадий. – С вашей точки зрения.

– А с вашей может иметь? – удивился Чухновский.

– Ну... – Аркадий говорил медленно, растягивая слова, и внимательно следил за реакцией собеседника. – Например... Вы говорили о Боге и разуме, о жизни и смерти, о религии и науке... Подольского волновали какие-то принципиально важные вопросы, связанные с мирозданием и человеком, иначе он пошел бы в библиотеку, а не в синагогу. Он что-то хотел решить для себя – с вашей помощью. И если он, скажем, задумал покончить с собой...

– Любая религия отрицательно относится к самоубийству. – сухо сказал Чухновский.

– Чего же он хотел от вас?

– Конкретно? – раввин задумался, стараясь дать наиболее точную формулировку. – Его интересовало, например, отношение религии к возмездию.

– Интересно! – вскинулся Аркадий. – Он хотел кому-то мстить? Или кто-то хотел мстить ему?

– Что это вы так взволновались? – раввин покачал головой. – Мы говорили о религиозном аспекте возмездия. И только.

– Религиозный аспект возмездия? – нахмурился Аркадий. – Не понимаю.

– Объясняю на примере. Некто в прошлом совершил богопротивный поступок. Поступок при жизни остался не наказанным. Вопрос: можно ли сейчас вознести к Творцу молитву и просить Его наказать душу этого человека, где бы она ни пребывала?

– Вы это серьезно? – удивился Аркадий. – Посмертное наказание души? И вы хотите сказать, что Подольский обсуждал эту... э... как реальную проблему?

– Именно как реальную, – сухо сказал раввин. – Молитва суть обращение к Творцу, все остальное – Его воля. Кто может знать, каким будет Его решение?

– Только не я, – буркнул Аркадий. – Оставим теологию. Если Подольского интересовали проблемы возмездия, значит, у него были враги, так ведь?

– К чему вы клоните? – подозрительно сощурился Чухновский. – Вы думаете, Генриха кто-то довел до приступа и смерти? Так я вам скажу сразу, что это нелепая идея. Он был человеком очень уравновешенным. Да он даже с нашими хамами-чиновниками разговаривал таким тоном, что беситься начинали они, а он оставался спокойным.

– И при этом мог кипеть внутри, – возразил Аркадий. – А накопление внутреннего напряжения...

– Нет-нет, он действительно был спокоен! По-моему, встречаясь с хамством, он включал в себе какой-то автопилот... Думал о другом, а с хамом разговаривал как бы на уровне подкорки. Согласитесь, что в большинстве случаев этого бывает достаточно, все это вполне примитивно... Правда, я так не могу, – заключил Чухновский, – сразу начинаю нервничать. Если кто и умрет от хамства, так это я.

– Что вы думаете о Наталье Леонидовне Раскиной? – спросил Аркадий, решив резко изменить тему.

Чухновский, видимо, не умел сразу перестраиваться с одной темы на другую – он застыл, раскачиваясь, будто получил подножку. Подумал.

– Раскина? – переспросил он. – Слышал об этой женщине. Она работает с Генрихом Натановичем. Никогда ее не видел, но помню, что Генрих отзывался о ней, как о хорошем работнике.

– А о других своих коллегах – Пастухове, например, – Подольский тоже рассказывал?

– Он мало говорил со мной о своих проблемах на работе, – покачал головой Чухновский. – Мы все больше о духовном... Послушайте, я понимаю, почему вы во всем этом копаетесь. Страховая компания хочет сохранить деньги, вот и ищет, как бы не заплатить, но, уверяю вас, к Генриху Натановичу это никакого отношения иметь не может.

– О чем вы? – удивился Аркадий. – Какая страховая компания?

– Но это же очевидно! Наверняка Генрих Натанович застраховал свою жизнь на случай тех или иных видов смерти. В том числе и от смерти в результате сердечного приступа. А теперь страховая компания наняла вас, чтобы доказать: смерть наступила из-за причины, которая не входит в страховой полис. Я прав? Не вижу, какая иная причина могла бы заставить похоронное управление отказать в погребении по еврейским обычаям.

Аркадий решил не спорить.

– А что вам говорят фамилии Хойзингера и Азизова? – спросил он, давая Чухновскому понять, что он, может быть, и прав в своем предположении о вмешательстве страховой компании. Хотя, конечно, если бы раввин дал себе труд подумать, то вспомнил бы, что частные детективные агентства не занимаются расследованием страховых дел, у компаний есть собственные следственные отделы.

– Об Азизове знаю только то, что он играл с Генрихом Натановичем в шрайк, – сухо сказал Чухновский. – Я лично эту игру не одобряю, но у всех есть свои слабости... А фамилию Хойзингера слышу впервые. Еще есть вопросы?

Он демонстративно посмотрел на часы. Аркадий встал – он и сам собирался уже уходить, разговор навел его на кое-какие мысли, хотя, конечно, дал куда меньше информации, чем он ожидал.

– Вы сами, – сказал он, – может, вспомните, с кем еще встречался в свободное время Генрих Натанович? Были ли у него родственники? Уверяю вас, это очень важно. И не для каких-то там страховых компаний. Для истины.

Это прозвучало фальшиво, и Аркадий увидел, как поморщился Чухновский.

– Родственники, – пренебрежительно отмахнулся раввин. – Был один... Лев его зовут. То ли кузен, то ли еще дальше. В свое время он... Впрочем, это неважно. Генрих не встречался с кузеном и, по-моему, даже не знал, где тот сейчас находится.

– В свое время... Что – в свое время?

– Лев – врач. В пятьдесят шестом он определил у родителей Генриха СПИД-б. Если бы не этот диагноз, они, возможно, были бы живы и сейчас.

– Не понял, – поднял брови Аркадий. Конечно же, он знал, что имел в виду Чухновский, но хотел, чтобы тот высказался более определенно. Мнение о том, что СПИД-б – болезнь скорее психическая, нежели физическая, было достаточно распространено, особенно почему-то в среде интеллигенции. Конечно, все знали о существовании вируса, с этим никто не спорил. Но в ходу была идея о том, что на самом деле вирус СПИДа-б разрушает иммунную систему не организма, а мозга, ослабляя его способности к анализу окружающего мира, заставляя без всякой критики воспринимать чужое влияние. И тогда достаточно было человеку сказать, что он заражен страшной болезнью, как у него действительно – при полном физическом здоровье! – появлялись все типичные симптомы иммунодефицита. Если врач не успевал разобраться в том, что симптомы эти фантомны, человек погибал, и только вскрытие показывало, что умирал он практически здоровым. Идея эта, имевшая широкое хождение, на самом деле была вздорной и очень мешала медикам бороться с эпидемией. Но ведь вздорные идеи часто бывают убедительнее реальных.

– Прекрасно вы все поняли, – с досадой сказал Чухновский. – Извините, мне пора, в шесть начинается вечерняя молитва.

– Спасибо за разговор, – откланялся Аркадий.

– Пойдите, – сказал Чухновский, когда Аркадий уже собирался закрывать за собой дверь. – Вы думаете, что Генрих умер, как его родители – от этой болезни? Но ведь эпидемия закончилась десять лет назад!

– Всего хорошего, – улыбнулся Аркадий и закрыл дверь. Господи, что за фантазии! Ну да ладно, пусть остается при этом мнении. Кстати, идея не такая нелепая, какой выглядит на первый взгляд. Подольскому кто-то говорит о том, что вирус СПИДа-б в его организме на протяжении всех этих лет сохранялся в латентной фазе, а теперь начал себя проявлять. Он понимает, что ему осталось недолго – помнит, как умирали родители...

Глупости. Идея хорошо только с точки зрения Чухновского – если принять на самом деле, что вирус разрушает иммунную систему мозга, чего на самом деле нет и никогда не было. Подольский, будучи профессионалом в области бионетики, не мог этого не знать – в отличие от Чухновского, который был специалистом лишь в области теологии.

Выйдя из синагоги, Аркадий остановился на верхней ступени лестницы, которая вела к проезжей части улицы. Начало темнеть, западные башни застили свет солнца, и потому казалось, что сейчас намного позднее, чем было на самом деле. Шесть часов восемь минут. Потерянный день. Ничего он не узнал, если не считать невнятных рассуждений раввина о смысле жизни, а впереди еще вечер с Раскиной, который, скорее всего, тоже даст нуль информации.

Аркадий спустился к стоянке, сел в водительское кресло и проверил записи на автоответчике. Звонил Виктор, сообщал, что сматывается по делу об аварии на Электрокомпе (это еще что за дело? – удивился Аркадий. – Поступило в течение дня, наверное). Звонила Алена,

ничего не сказала, только подышала в трубку, но аппарат зафиксировал номер. Б еще одно сообщение, которого Аркадий не ждал. Высокий мужской голос – чуть ли не контратенор, сначала Аркадий подумал, что говорит женщина, – сказал напряженно:

– Это Подольский Лев Николаевич. Я узнал, что вы занимаетесь делом о смерти брата. Мне нужно с вами поговорить. Очень срочно. Желательно до того, как вы будете общаться с неким Чухновским. Если вы, конечно, вообще собираетесь с ним общаться.

Так. Откуда Льву Николаевичу стало известно о том, что смертью Генриха занимается агентство «Феникс»? И откуда он узнал номер телефона Аркадия? И почему, наконец, нужно было связываться с Подольским до разговора с раввином?

Впрочем, можно было предположить, что Лев по каким-то причинам не любил Чухновского, а тот платил взаимностью, достаточно вспомнить идею о психическом СПИДе.

Судя по номеру, Лев Николаевич звонил из Москвы, район Юго-Востока, Кунцево. Что он здесь делает, если, как сказано в его досье, работает в Туле, а живет в Протвино? С Львом нужно, конечно, пообщаться. Разговор с Раскиной не перенести, а значит... Почему, собственно, и нет? Иногда такой ход выявляет совершенно неожиданные обстоятельства, можно попробовать.

Аркадий набрал номер, запуская одновременно двигатель и перестраиваясь в нижний эшелон. Лев Подольский не отвечал. После пятого гудка автоответчик предложил оставить сообщение, и Аркадий сказал:

– Это детектив Винокур из агентства «Феникс». Я буду занят весь вечер, но, если хотите, приходите к восьми часам в ресторан «Тамилла». Если вы не знаете, то это на проспекте Китаева за Пушкинским. Спросите обо мне у метрдотеля.

Глава восьмая

В аварию Аркадий попал не по своей вине, но зато по собственной глупости потерял полчаса и появился в зале «Тамиллы» лишь в четверть девятого. Если у Раскиной было чувство собственного достоинства, ждать она, конечно, не стала.

Минут через пять после вылета со стоянки у синагоги Аркадий перестраивался в верхний эшелон при полном зеленом наборе на всех уровнях, когда грузовик «мандиаль» пересек ему траекторию. Такое не могло случиться даже теоретически, это любой водитель намертво усваивал еще в школе вождения, и потому навыков на подобные случаи в обучении не предусматривалось. Оставалось положиться на интуицию, мгновенно просчитавшую варианты и пришедшую к выводу, что лучше всего бросить руль и попрощаться с жизнью. Именно так Аркадий и поступил, совершенно не помня, что делает, потому что единственным его ощущением в тот момент было ощущение незаслуженного конца. «О Господи! – билась не мысль даже, а какой-то ее замученный осколок. – О Господи! Неужели все?»

Машина Аркадия врезалась в бок грузовика на крейсерской скорости сто тридцать километров в час. Должен был последовать чудовищный удар, дробящий кости и выбивающий мозги, а потом, может, и взрыв. Но ничего не происходило, даже боли в раздавленном теле Аркадий не ощутил. Он открыл глаза, которые зажмурил в последний момент перед ударом, и понял, во-первых, что жив, и во-вторых, что даже не ранен.

Невероятность столкновения совпала с другой невероятностью: передний бампер машины Аркадия с ювелирной точностью вошел в жерло бортового воздухозаборника грузовика и, естественно, прошел его насквозь. «Сибирь» Аркадия вывалилась с противоположной стороны и остановилась лишь потому, что жвалы воздухозаборника растянулись, подобно резиновым нитям системы безопасности. Машина висела в этом своеобразном коконе, а грузовик, потеряв летучесть, планировал на закрылках и должен был шмякнуться о землю в районе площади Гагарина. Хорошо, если о землю, а если удар придется по крыше здания?

Машины, шедшие в нижних эшелонах, бросались врассыпную, как тараканы. Должно быть, произошло немало скользких столкновений, и хорошо, если без серьезных последствий. Сделать Аркадий ничего не мог, но и водитель грузовика, судя по полному отсутствию разумных движений, находился в ступоре или вовсе в отключке. Осталось одно – сгруппироваться и принять удар, как учили в колледже. Авось, сломает только ноги. А может, и вовсе пронесет, если...

Пронесло.

«Мондиаль» упал на зеленый газон между площадью и Москвой-рекой, пропахал метров десять, взрыхлив мягкую почву, и застыл. Все это время «сибирь» тащила за грузовиком, зажатая коконом воздухозаборника, да так и осталась висеть в нитях на высоте двух с половиной метров от земли. Нити пружинили, и машина дрожала как в лихорадке, Аркадию казалось, что он скачет на дикой лошади, которая сейчас выбросит его из седла на потеху возбужденной публике.

Вой сирен раздался почти сразу – дорожная полиция свое дело знала, патрульные всегда появлялись раньше авиеток «скорой помощи». Через минуту, когда приехавшие патрульные ходили вокруг, соображая, как им добраться до водителей обоих транспортных средств, Аркадий пришел в себя настолько, чтобы вспомнить устройство бортовых воздухозаборников, устанавливаемых на грузовиках международного класса. Амортизаторы там, конечно, были мощными, почти такими же, как на межпланетных лайнерах, один из таких амортизаторов типа «паук» спас сейчас Аркадию жизнь. Убить такой амортизатор было достаточно легко – это предусматривалось его конструкцией, поскольку после аварии в межпланетном пространстве первое, что должен был сделать оказавшийся в беде навигатор, – это схлопнуть сети, иначе из

одной беды он немедленно попал бы в другую, оказавшись в критический момент лишенным свободы движений. Аркадий переключил бортовой излучатель на стандартную волну – одну из тех, что в школе водителей вдалбливают в подсознание вместе с основными правилами дорожного движения, – и державшие машину нити начали медленно сворачиваться. В полуметре от почвы нити наконец не выдержали тяжести, и автомобиль упал на колеса, ударив хозяина по пяткам. Не больно и не страшно. Господи, пронесло...

Следующие полчаса Аркадий провел в салоне «транзита» дорожной полиции, не столько отвечая на вопросы, сколько дожидаясь результата медицинского экспресс-анализа. Майор-автоинспектор не скрывал изумления – авария не привела к жертвам. В грузовике водителя не оказалось, это был автоматический перегонщик, опустившийся в нижний эшелон по причине, которую предстояло выяснить представителям власти.

Аркадий предъявил свое служебное удостоверение и сказал:

– Ребята, нельзя ли быстрее? Я при исполнении, у меня в восемь встреча с информатором.

– У тебя своя работа, у нас своя, – бросил майор, не отрывая взгляда от экрана ноутбука. – Тебя можно в цирке показывать, парень. Такой случай бывает раз в тысячу лет – умудриться попасть точно в центр воздухозаборника... А то бы тебя сейчас со стенок соскабливали.

Аркадий содрогнулся, представив эту картину.

– А как, черт возьми, – возмутился он, – эта сволочь, да еще автомат, могла оказаться перед моим носом?

– Разберемся, – философски обронил майор. – Хотя что тут разбираться, между нами говоря. Скорее всего, сбой в диспетчере на Пресне. Раз в тысячу лет случается всякое...

– Ну знаешь, – сказал Аркадий, потирая шею, которую он едва не свернул, когда пытался, вылезая из машины, заглянуть под днище, чтобы не свалиться в густоту сети, – раз в тысячу лет взбрыкнул компьютер, раз в тысячу лет машина врезалась в воздухозаборник на полном ходу... Слишком много редчайших случайностей на душу населения.

– Душа населения – это, конечно, ты, – констатировал майор, переписав на биодиск протокол осмотра и протянув коробочку Аркадию. – А случайности всегда с кем-нибудь случаются. Поставь в церкви свечку.

– Вы что, – спросил Аркадий, – не будете возбуждать дело?

– Против кого? – удивился майор. – Против компьютера-регулирующего? Естественно, его подвергнут профилактике. А ты поставь свечку, говорю тебе.

– Послушайте, майор, – заявил Аркадий, чувствуя, что сейчас взорвется, и тогда будет потеряно не только вечер, – вам не кажется, что здесь мог иметь место саботаж?

Мысль эта в голову майора, ясное дело, не приходила. Он испытующе посмотрел на Аркадия и, судя по жесту, собрался было покрутить пальцем у виска.

– Вы намерены подать апелляцию? – неприязненно спросил он.

– Нет, – буркнул Аркадий. Он намерен был как можно скорее покинуть район аварии и надеялся, что в его машине нет повреждений, которые могли бы помешать этому.

– Ну и правильно, – облегченно вздохнул майор. – Скажу тебе как коллеге: каждая пятнадцатая авария случается из-за сбоев в компьютерных сетях, и никто за это не отвечает. Многим везет куда меньше, чем тебе. Сегодня в тринадцать сорок на Пригородном столкнулись две «мазды» – меняли эшелоны, и сеть направила их на встречные линии. Можешь себе представить. Оба водителя – в блин... Впрочем, если хочешь, давай по всем правилам: поедем сейчас в Склиф, сделаем тебе полное обследование на три дня, компьютеры – в резервный режим, трое суток бардака на линиях, потому что городской резерв на этот случай минимальный, а тебя еще потом и по судам инспекция затаскает, потому что юридическое и физическое лицо в данном случае...

– Да понял я, понял, успокойся, – с досадой сказал Аркадий, взял диск, сунул в карман и поднялся. Ноги еще дрожали. – Пока, майор.

– Если твой мотор не в порядке, – предложил патрульный, – я скажу, тебя доставят.

– Сейчас проверю, – пробормотал Аркадий, выбираясь ногами вперед из салона «транзита».

У его машины стояли двое полицейских в форме экспертов-дорожников и рассматривали вмятины в переднем бампере.

– Господин Винокур, – официальным тоном сказал один из экспертов, – машина в рабочем состоянии, но для дальнейшего расследования ДТП вам надлежит явиться в дорожный парк Института Эминова завтра в девять ноль-ноль. Машина будет подвергнута экспертизе.

Аркадий опустил в водительское кресло и бегло осмотрел пульт – приборы показывали полную готовность. Аркадий захлопнул дверцу и рванул сразу во второй эшелон.

Бред собачий. Конечно, это было подстроено. Конечно, они врут все – майор, эксперты, а завтра будут врать даже генералы. Он никогда не был везунчиком, ни разу не выиграл в лотерею. Если им так нравится, пусть добавляют еще одно совпадение: почему столкновение произошло именно сейчас, когда он направлялся на свидание со свидетелем по делу Подольского?

Значит, МУР заинтересован в том, чтобы дело раскрыто не было. Но и это нелепо. Для чего тогда расследование отдали в частные руки? Сами бы и прикрыли, как они умеют. Или, может, сначала предполагалось, что в смерти Подольского действительно ничего нет, а потом, когда дело было уже у «Феникса»... Скорее всего, так и есть.

И что? Нужно было гробить дорогую технику, устраивая показательные игрища только для того, чтобы напугать его до смерти? Да они бы поступили гораздо проще – звонок Виктору, и тот немедленно отозвал бы своего работника и приказал ему молчать в тряпочку.

Нет, что-то здесь не клеится. А если это все-таки не МУР? Если это – убийцы? Истинные убийцы Подольского? Те, кто сумели на расстоянии сжечь ему лицо и – опять же на расстоянии – восстановить уничтоженную кожу? Если они умеют такое, то почему бы и это ДТП не могло быть делом их рук?

Господи, какие сложности... И для чего? Кто он такой, в конце концов, – этот Подольский Генрих Натанович?

Судя по сведениям, которые удалось получить, – середнячок, не успевший или не сумевший сделать ничего путного ни в науке, ни в жизни. Врагов нет, связей с официальной мафией нет.

А может... Аркадий знал, конечно, о случаях внезапного самовозгорания людей. В детстве он любил эту рубрику в электронной версии «Тайн века». Став взрослее, а особенно после того, как начал работать и получил доступ к архивной документации, он понял, что истины в этих будораживших фантазию сообщениях было ровно на полтора гроша. Грош – цена собственно информации и еще полгроша – интуитивное ощущение того, что нечто подобное, в принципе, возможно, поскольку не противоречит известным (кому? Аркадию?) законам природы.

Запомнился ему почему-то один такой случай, описанный, видимо, с особой авторской дотошностью. Некто Х. ехал домой в своем автомобиле, вдруг машину занесло, и автопилот, естественно, немедленно вывел машину из потока и остановил на обочине. Через минуту подошел патруль, и полицейские не поверили своим глазам: на месте водителя сидел обуглившийся труп. Самое странное, что всегда отличало подобные случаи, – костюм не пострадал совершенно, будто и не было никакого жара, сжегшего тело человека. А ведь это очень непросто. Некоторое время спустя Аркадий узнал о том, как сложно сжечь тело мертвеца в крематории, какие нужны температуры, и как не хочет гореть плоть.

Никто, впрочем, не писал о том, что сгоревшее в пламени странного внутреннего пожара тело способно восстанавливаться до прежней кондиции.

Почему я вспомнил о сгоревших трупах именно сейчас? – подумал Аркадий. – Эта идиотская авария навела на подобную мысль? Нелепость громоздится на нелепость, здравый смысл отказывает, верный признак того, что я удаляюсь от истины. Не громоздить версии нужно, а отбрасывать.

На подлете к веерной части Москвы движение в воздушных эшелонах, казалось, застопорилось окончательно. Занято было и сверху, и снизу, Аркадий начал с беспокойством посматривать на часы – оставалось пятнадцать минут до назначенного времени, авария украла у него почти час. Он начал пологое планирование, перешел, заметив просвет и опередив шедшую ниже «хонду», в первый эшелон, а потом и вовсе опустил на бетонку улицы Копелева метрах в тридцати до съезда в туннель. Под землей, возможно, просторнее. А возможно, и нет – проверить можно только на практике. Один из выходов транспортной туннельной сети находился в пределах стоянки ресторана «Тамилла» – имело смысл рискнуть.

Ездить в туннеле на ручном управлении было запрещено категорически, и Аркадий задал координаты, предоставив автопилоту свободу маневра. Свет перекрытий слился в дрожащее пятно, и Аркадий привычно вцепился пальцами в подлокотники – не то, чтобы он страдал клаустрофобией, но все же езда на скорости сто пятьдесят километров в час в туннеле шириной в семь метров была не тем видом спорта, к каким он испытывал пристрастие.

Аркадий склонился над пультом, чтобы не видеть мелькания опор, и вызвал адрес муровского архива неопознанных и неклассифицированных случаев. По кодовому слову «самовозгорание» не удалось найти ничего. Аркадий немного изменил позицию и попросил данные о «расплавлении живой ткани в результате высоких температур после смерти или непосредственно перед ней». Должно быть, формулировка оказалась слишком сложной, и компьютер потребовал уточнений. Аркадий уточнил, сославшись на читанные в юности статьи. Тогда компьютер пожелал, чтобы Аркадий представил свой допуск. Пришлось набрать еще один десятизначный номер и приложить к опознавателю большой палец. После этого на экране возникло сообщение, заставившее Аркадия истерично захохотать. Естественно, он тут же оборвал смех, даже наедине с собой Аркадий не хотел выглядеть идиотом.

Сообщение гласило: «Зафиксированное количество случаев: 1. Классификация: вызванное пользователем. Идентификация: Подольский Генрих Натанович. Время: 17 октября 2074 года».

Смерть Подольского оказалась единственной в своем роде.

Размышляя о природе уникальности и ее отличии от природы просто очень редких явлений – вроде «удачного» столкновения «сибири» с грузовиком-автоматом, – Аркадий пропустил момент, когда нужно было переключить автопилот на подлетную трассу ресторана «Тамилла». Конечно, его занесло в очередной туннель кольцевой трассы, проходившей под Москвой на уровне бывшего Бульварного кольца. Это был один из самых старых туннелей в городе, автоматика здесь не то чтобы оставляла желать лучшего, но соответствовала своими возможностями второму десятилетию XXI века. Реконструировать трассу собирались еще два десятилетия назад, но так и не собрались – у муниципалитета всегда находились более насущные проекты. В результате крейсерская скорость в туннеле была самой низкой в Москве, перестройки из ряда в ряд отнимали массу времени и вызывали у водителей приступы раздражительности, переходившие в эпизоды неоправданной агрессии. Никто не любил проходить по туннелю больше одного сегмента, а тот, кто по каким-то причинам вынужден был обойти кольцо целиком, мог считать себя кандидатом на занесение в «Российского Гиннеса».

Между тем Аркадию предстояло либо действительно сделать полный оборот – сорок минут кружения, способного вызвать приступ клаустрофобии! – либо развернуться на первом же сечении и все равно потерять почти полчаса времени на пробки, которые, казалось, возникли у каждого такого перекрестка еще в первый день пуска туннеля, да так до сих пор и не рассосались.

Аркадий предпочел постоять в пробке и развернуть машину. Расслабившись в кресле, он заглянул в ноутбук, нашел там идентификаторы дорожного инспектора, с которым говорил полчаса назад, и сделал вызов.

Майор ответил мгновенно и сразу узнал недавнего «клиента».

– Проблемы? – спросил он.

– Процедура, – сказал Аркадий, – для страховой компании. Данные грузовика у меня есть, но на мой запрос компьютер фирмы не ответит, я не дорожник. Хочу знать фамилию программиста, выпускавшего машину, данные о заказе груза...

– Эй, – прервал патрульный, помахав перед носом Аркадия толстым пальцем, – ты слишком многого хочешь.

– Фамилия программиста – это много? – удивился Аркадий.

– Это много. Это тянет на...

– Дача взятки при исполнении, – хмыкнул Аркадий. – Я не о тебе говорю, а о себе. При исполнении я, и мне это с рук не сойдет.

– Так, да? – прищурился патрульный. – Ну, как знаешь. Ты в розыске не первый год, верно? Правила тебе известны. Звони.

Он потянулся к поясу, и Аркадий сказал быстро:

– Ну хорошо, ваши правила, вам и играть. Сколько?

– По стандарту. Один круглый.

Сотня, значит. И Виктор ни за что не захочет платить, потому что страховой компании этот «взнос» никаким образом не объяснить. Своей сотни у Аркадия не было, а если бы и была, в конце концов, ему что, больше Виктора нужно в этом деле?

– Нет, – с сожалением сказал Аркадий. – Извини.

Патрульный пожал плечами и отключил линию.

Машина за время разговора успела, наконец, выехать на противоположную сторону трассы и понеслась ко входному зеву туннеля. Оставив на время посторонние мысли, Аркадий сосредоточился на том, чтобы не пропустить момент очередного переключения, и на этот раз сделал все ювелирно – выкатился на стоянку перед «Тамиллой» с такой точностью, что ведущему-дрифтеру оставалось только загнать машину в бокс и наклеить электронную фишку.

Аркадий опаздывал на четверть часа и надеялся на то, что Раскина опоздает еще больше.

Поднимаясь в лифте на сороковой этаж, где располагался ресторан, Аркадий думал о том, что в действиях дорожного программиста инспекторы, несомненно, обнаружили либо криминал, либо, как минимум, служебную оплошность. Иначе майор потребовал бы за сведения не больше десятки. Он же сказал – стандарт. А сотенный стандарт – это серьезно. И если кто-то намеренно занимался перепрограммированием грузового компьютера, то...

Нет, чепуха. Замена одной исчезающей вероятности на другую, еще более нелепую. Кто мог, программируя трассу автомата, с точностью до миллиметра (!) предвидеть пересечение траекторий грузовика с «сибирью»? Ведь любое смещение – бортовое или по оси – привело бы к последствиям, которые...

Аркадий на мгновение представил себе: сплюснутая в блин «сибирь», собственное тело, в котором не осталось ни одной не раздробленной кости, и мозг, серыми каплями разлетевшийся по задней стенке салона... У него опять начали дрожать ноги, и в зал ресторана Аркадий вошел, ощущая себя настолько уставшим и постаревшим (а может – родившимся заново?), что опустил на стул за ближайшим к двери столиком, пережидая слабость.

За столиком уже сидел клиент, поднявший на Аркадия недоуменный взгляд – вообще говоря, в приличных заведениях принято спрашивать разрешения.

– Простите, – сказал Аркадий. – Я не буду вам мешать, просто ноги... Сейчас я уйду...

– Да, конечно, – кивнул мужчина, продолжая рассматривать меню-голограмму и пальцем меняя угол расположения граней.

К столу уже спешил один из метрдотелей, заметив непорядок. Это был Лукьяненко, работавший в «Тамилле» четверть века и знавший всех, кто приходил в этот зал больше трех раз. Аркадий одно время бывал здесь довольно часто с Аленой, когда в их отношениях еще не было трещин.

– Добрый вечер, Аркадий, – сладким голосом сказал метрдотель, – вы заказывали столик, и я подготовил вам у окна, как вы хотели.

– Спасибо, – улыбнулся Аркадий, поднимаясь. – Что-то у меня в ногу стрельнуло, вот и...

– Что-нибудь не в порядке? – мгновенно обеспокоился Лукьяненко, изобразив на лице готовность к самопожертвованию ради блага клиента.

– Нет, все уже хорошо, – сказал Аркадий, двигаясь за метрдотелем в сторону огромного, во всю стену, окна с видом на вечернюю Москву.

– Женщина, которую вы пригласили, еще не появилась, – сообщил Лукьяненко, не обращаясь. – Ее немедленно проведут к вашему столику, если, конечно...

Он начал отодвигать для Аркадия стул, не закончив фразу.

– Если, конечно... – повторил Аркадий. – Что-то неверно в заказе?

– Нет, – торопливо сказал метр. – В заказе все в порядке... Вашу гостью зовут Наталья Раскина?

– Вам же это известно, – удивился Аркадий.

– Да... Просто сейчас уточняют...

– Что? – резко спросил Аркадий, опускаясь на стул и чувствуя, как новая волна слабости проходит от ног к затылку.

– Вы поднимались сюда от главного входа? – спросил Лукьяненко.

– Нет, на лифте со стоянки нижнего уровня.

– Ага... – задумчиво сказал метр, хмурясь. – Понимаете, на стоянке упала авиетка, женщина, водитель машины, погибла... несколько минут назад... Я имею в виду – на стоянке перед главным входом. Сейчас уточняют личность, при ней был только членский билет «гольф-клуба». Но похоже...

Телефон в его нагрудном кармане пискнул два раза, и Лукьяненко ловким движением поднес аппарат к уху. Слушал он недолго и, вернув телефон на место, сказал Аркадию с профессиональным участием:

– Это действительно Раскина Наталья Леонидовна. К сожалению, она умерла.

Аркадий вскочил, едва не опрокинув стол. Первым желанием было – немедленно вниз, нужно увидеть, нужно осмотреть место происшествия. Аркадий взял себя в руки: на месте происшествия ему делать было сейчас решительно нечего. Более того, появление частного детектива будет воспринято официальным оперативником МУРа, как попытка влезть в чужую епархию, и отмечено в рапорте, а потом иди знай, какотреагирует муровское начальство... Если оперативник решит, что убийство Раскиной (убийство, что же еще!) не связано с делом Подольского, то Аркадий информации не получит никогда. Конечно, ясно даже без очков, что Раскину убил тот же, кто убил Подольского и покушался на Аркадия, но это ясно ему, а что подумает оперативник, для которого погибшая женщина всего лишь объект съемки и не более того?

– Из окон второго этажа виден подъезд? – спросил Аркадий метрдотеля. – Я имею в виду, могу ли я...

– Лучше не нужно, – сказал над ухом чей-то голос, и Аркадий обернулся. Это был мужчина, за столик которого Аркадий опустил, когда вошел в зал ресторана. Теперь он рассмотрел внимательнее: около пятидесяти лет, выше среднего роста, пышная черная шевелюра, но с двумя залысинами, глаза синие, нос горбинкой... на кого он был похож? Ну конечно, если бы Аркадий сразу обратил внимание на этого посетителя... Непростительная небрежность, за такое Виктор обычно увольняет агента-филера сразу и без выходного пособия.

– Я Подольский Лев Николаевич, – неприятно высоким голосом сказал мужчина, протягивая Аркадию руку. – Простите, что не представился сразу, но я не знал, что это были именно вы. Я слышал, как господин... – он скосил глаза в сторону Лукьяненко.

Он прав, – подумал Аркадий. – Пока работает МУР, лучше не появляться даже в окне второго этажа.

– Садитесь, Лев Николаевич, – предложил Аркадий. Метрдотель спросил у Подольского, нужно ли перенести его столовый прибор, и получив согласие, включил меню-голограмму и удалился.

Аркадий отодвинул свое меню в сторону, чтобы видеть сидевшего напротив Льва Николаевича, и сказал:

– Учтите, все, о чем мы будем с вами говорить, является частью проводимого мной расследования по делу о смерти вашего родственника, Генриха Натановича Подольского.

Эта фраза была необходима для того, чтобы разговор имел официальный статус и при необходимости мог быть приобщен к делу в качестве улики, доказательства или свидетельского показания. Подольский тоже сдвинул меню и сказал:

– Понимаю. Вопросы будете задавать вы, или я тоже могу спрашивать?

– Смотря о чем, – пожал плечами Аркадий. – Естественно, мы не в прокуратуре и не в суде...

– Надеюсь, вы еще не говорили с раввином Чухновским? – Подольский наклонился вперед, наполовину погрузившись в меню, будто в большую ватную подушку.

– Говорил, – сухо сказал Аркадий. – Почему вас это волнует?

– Черт, – пробормотал Подольский. – Я же вас предупреждал по телефону.

– А яснее нельзя? – потребовал Аркадий. – Давайте сначала. Как вы узнали о том, что я веду дело о смерти вашего родственника?

– Ага, – задумчиво сказал Подольский, вылезая из меню, – значит, мне отвечать. А может, сначала закажем? Не знаю, как вы, а я с утра не ел.

– Вы живете в Туле, – сказал Аркадий, глядя, как Подольский, изучая меню, сразу показывает позиции блюд.

– Я живу в Туле, – согласился Подольский, не прерывая занятия. – О смерти Генриха узнал в половине четвертого ночи.

– Как? – воскликнул Аркадий. – Вы приняли некробиот и не сообщили об этом?

Подольский закончил, наконец, выбор и затолкал меню в столешницу, из скатерти остался торчать лишь верхний кончик. Лев Николаевич повертел головой, удивляясь тому, что заказанное до сих пор не несут, и лишь убедившись, что от кухни к столику движется тележка, накрытая колпаком, на котором стоял номер заказа, обернулся к Аркадию и сказал:

– Я принял некробиот, верно. А почему я должен был кому-то сообщать? Насколько мне известно, дело это, можно сказать, интимное, я даже на официальном следствии не обязан... поэтому цените, что я...

Интимное, верно, он прав. Вот и Алена так интимно... Стоп, – подумал Аркадий.

– Извините, – сказал он, – вы правы, если имела место естественная смерть. Вы ведь должны были это понять – как он умер...

– Конечно, – пропищал Подольский. – У него схватило сердце, я это ощутил и успел классифицировать, пока шла агония. Острая сердечная недостаточность на фоне неоправданного страха, типичного для таких приступов. Экспертиза это показала?

– Да, – подтвердил Аркадий. – Но было кое-что еще...

– Еще? Нет, ничего больше.

– Послушайте, Лев Николаевич, – медленно сказал Аркадий. – Давайте начистоту. Вы сами напросились на разговор. Если только для того, чтобы убедить меня в том, чего не было

на самом деле, то не будем терять времени. Поедем в агентство, я посажу вас под полиграф и задам вопросы, которые имею право задать. Хорошо?

Подъехала тележка, и на стол перед Подольским выкатились заказанные блюда – тарелки с салатами, харчо, накрытая крышкой посуда со вторым... Подольский придвинул салат, ото-слал механизм подачи и ответил:

– Хорошо, вы правы. Если бы Генриха свалил приступ, я не стал бы ехать в Москву. Не очень-то мы друг друга любили. Послушайте, Аркадий Валериевич, я действительно с утра не ел. Потом я объясню причину, а пока... Кстати, почему вы не заказали?

Поняв, что от голодного Подольского толка не добиться, Аркадий тоже сделал заказ, удовлетворившись рагу из баранины по-сыртански. Он никогда не ел этого блюда, но и голодным себя не чувствовал, поэтому можно было рискнуть – если не понравится, можно оставить на тарелке. Баранина оказалась со специями, и это было, пожалуй, ее единственное отличие от нормального земного продукта. Не так плохо, как Аркадий ожидал. Он принялся есть, изредка поднимая взгляд на Подольского. Тот тоже время от времени поглядывал на Аркадия, и когда их взгляды встречались, Аркадию казалось, что Подольский хочет внушить ему какую-то мысль – всверлить ее в чужой мозг, – но это ему никак не удавалось, взгляд Аркадия отталкивал чужое, и если бы в зале находился какой-нибудь сильный импат, он, возможно, даже увидел бы, как сталкиваются, стараясь проникнуть друг в друга, две ауры...

– Кофе? – спросил Аркадий. – Без кофе, согласитесь, обед не полон.

– Согласен, – кивнул Подольский.

Кофе в ресторане почему-то во все времена располагал к более непринужденной беседе, нежели, скажем, вино или более крепкие напитки. Впрочем, судить Аркадий мог только по себе, возможно, на других расслабляюще действовала именно водка. Подольский, однако, принадлежал к той же категории любителей кофе, что и Аркадий, – он поднес чашечку к носу, вдохнул аромат и произнес, полужакрыв глаза:

– Хороший кофе, не ожидал. В забегаловках обычно дают растворимый.

Жаль, что Лукьяненко не слышал, как его вотчину обозвали забегаловкой, – подумал Аркадий, – могла бы получиться прелестная сцена. Кофе действительно был неплох, хотя месяц назад, когда Аркадий разговаривал здесь с Мухой (дело о контрольном пакете), кофе был, пожалуй, лучше.

– Давайте будем откровенны друг с другом, – сказал Аркадий. – Начну первый: смерть вашего родственника не могла быть естественной. Более того, никто не смог ее объяснить. И второе: на мой взгляд, о многом могла рассказать Наталья Леонидовна Раскина, которую полчаса назад сбила машина. Вы знаете нечто о Раскиной, поскольку предостерегали меня от того, чтобы я спустился вниз и посмотрел, что происходит. Для свидетеля вы знаете слишком много.

– Вы думаете, что это я и убил Генриха? – спросил Лев Николаевич, когда Аркадий замолчал.

– Если вы способны к пирокинезу, находясь на расстоянии двухсот километров от жертвы... – пожал плечами Аркадий.

– Пирокинезу? – искренне удивился Подольский. – О чем вы?

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Аркадий нашел в своем блокноте нужную метку и передал аппарат Подольскому. Тот положил его перед собой и наклонился, чтобы изображение не просматривалось с соседних столиков. Рапорт муровского оперативника Аркадий сократил, просмотр занял не больше минуты. Подольский поднял на Аркадия глаза, ставшие вдруг по-детски беззащитными. Ужаса, который ожидал увидеть Аркадий, в них не было – только безграничное удивление.

– Господи, – сказал Подольский таким высоким фальцетом, что, казалось, достиг области ультразвука. – Господи! Творец всесильный!

– Вы знали своего родственника, – сказал Аркадий. – И знали его окружение. Кто хотел его смерти – такой смерти? И кто имел физическую возможность это сделать? Этот кто-то достаточно опытен, чтобы убить Раскину, которая, видимо, что-то знала, и попытаться убить меня.

– Вас? – прищурился Подольский. – А что... Ну да, значит, вас тоже... Нет, врагов у Генриха не было. В том смысле, который вы имеете в виду. А бедная Наташа вообще ни при чем. Действительно... Хотя... Нет, пожалуй, ни при чем.

– Лев Николаевич, сейчас мы поедем с вами в офис и закончим разговор там, – решительно сказал Аркадий, придя к выводу, что вежливое обращение расслабляет умственные способности Льва Николаевича. Кофе он выпил, момент искренности миновал, не начавшись, можно теперь и власть употребить.

– Я... – сказал Подольский, – лучше здесь, хотя... А если не здесь и не в офисе? Лучше всего, если мы поедем в «Рябину», у вас наверняка есть ключ от комнаты Генриха?

Идея была, пожалуй, неплоха. Правда, нужно сначала найти Виктора и заручиться его согласием – прогулка с важным свидетелем на место преступления становится следственным действием, пригодным для судебного доказательства, и это нужно оформить официально.

– Минуту, – сказал Аркадий, – мне нужно получить разрешение.

Он вытащил телефон и вызвонил Виктора по всем его номерам, понятия не имея о том, где Хрусталеv может сейчас находиться. Ответил полевой номер – не мобильного аппарата, а компьютерного ввода. Аркадий сказал пароль, подождал несколько секунд, не дождался ответа и назвал кодовое слово экстренной связи, которое Виктор просил не использовать вообще, поскольку в этом случае он вынужден будет ответить, даже если находится в ванне или, того хуже, в постели с любовницей, а это даже при крайней важности дела не очень соответствует правилам хорошего тона... Ничего, перебьется.

– Ну! – сказал Виктор. – Аркадий, это ты?

Судя по голосу, Хрусталеv вовсе не нежился в постели. Возникло лицо шефа, промелькнуло перед экраном на мгновение для того только, чтобы прошел сигнал распознавания образа, но и этого мгновения для профессионального взгляда Аркадия оказалось достаточно, чтобы узнать интерьер.

– Это я, – сказал Аркадий, продолжая обдумывать информацию. – Если ты останешься на месте еще полчаса, то мы с Львом Николаевичем Подольским присоединимся к тебе. Есть о чем поговорить.

– Присоединитесь ко мне...

– Виктор, не будем пререкаться, – раздраженно сказал Аркадий. – Лев Николаевич слушает... Ты знаешь, что погибла Раскина?

– Да, – мгновенно ответил Виктор и добавил после небольшой паузы: – Тебе удалось что-нибудь узнать?

– В технических деталях я не разбирался, – сказал Аркадий. – А в мотивах... Думаю, да. Виктор хмыкнул.

– Приезжайте, – разрешил он и отключил линию.

– Поехали, – сказал Аркадий Льву Николаевичу и, вставив магнитную карту в боковую прорезь стола, оплатил счет.

Через несколько минут они спускались на стоянку, в лифте никого, кроме них, не было, Подольский смотрел куда-то поверх головы Аркадия и думал о чем-то – вполне вероятно, о том, какую часть информации лучше утаить от детектива, воображающего, будто он разобрался в причине смерти Генриха Натановича.

– Вы верите в Бога? – неожиданно спросил Аркадий.

– Что? – не сразу сообразил Подольский и почему-то испугался. – В Бога? Н-не очень. А при чем здесь...

– Это к слову, – улыбнулся Аркадий. – В Бога я тоже не верю, поэтому и задачу эту решил не сразу. Почти целый день понадобился, и вот... смерть Раскиной. Если бы я был умнее, она осталась бы жива.

– Нет, – вздохнул Подольский. – Не осталась бы. После того, как умер Генрих... Что-нибудь все равно бы случилось. Не это, так другое.

Они вышли на стоянку, и Подольский направился к своей машине – неуклюжему «ареану». Аркадий последовал за ним, думая о том, что за своей машиной ему придется либо возвращаться на такси, либо просить знакомых из полиции, чтобы перегнали транспорт на домашнюю стоянку, либо... Нет, на метро он из-за этого ездить не станет.

Подольский молча вывел «ареан» из гаража и сразу рванул в третий эшелон, не собираясь передавать управление автопилоту. Аркадий смотрел в правое окно на проносившиеся во встречном потоке грузовики. Здесь, в верхнем эшелоне, личных машин практически не было, и, по идее, автоинспекция должна была засечь «ареан» и примерно наказать водителя. Подольский хочет сэкономить время, так он его потеряет.

Никто, однако, их не остановил до самого поворота к Юго-Западу, а здесь идти поверху смысла уже не было, и Подольский нырнул, пересекая по гласседе все окружные трассы. Вот тогда-то и запищали сразу несколько предупредительных сигналов, а на штрафном дисплее замелькали, увеличиваясь, числа. Доведя сумму штрафа до тысячи рублей, Подольский вывел наконец машину в положенный эшелон и начал тормозить – «Рябина» возвышалась впереди, и над крышей хостеля, будто белая «тарелка» телеразделителя, висел тонкий серп Луны.

– Круто, – сказал Аркадий, расслабляясь. – Дешевле было взять такси.

– Да? – удивился Подольский. – Ваш хозяин заплатит или договорится...

– С чего это он должен оплачивать ваши штрафы? – поинтересовался Аркадий, выбираясь из кабины.

– С того, – объяснил Подольский, – что по его вине мы мчались, как на пожар. Не нужно было ему самому входить в комнату Генриха.

– Откуда вы... – начал Аркадий, но, посмотрев в глаза Подольскому, оборвал фразу. Лев Николаевич знал, что в «Рябине» их ждет Виктор. Возможно, понял по выражению лица Аркадия, когда тот разговаривал с Хрустальевым. Возможно, высчитал. Возможно... Скорее всего, именно последнее, хотя обозначить это последнее каким-то привычным словом Аркадий не смог бы. Не интуиция. Не расчет. Просто знание.

В холле «Рябины» было многолюдно – похоже, что все обитатели хостеля именно сейчас возвращались то ли с работы, то ли с вечерних увеселений. Все лифты оказались заняты, и Подольский нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он готов был побежать вверх по лестнице, но Аркадий не собирался заниматься физическими упражнениями. Подошел крайний лифт, Аркадий с Подольским втиснулись в кабину последними, и их прижали к двери два грузных старика, громко споривших о достоинствах метода Шварцера по сравнению с методом реверсивных реформаций.

На тринадцатом Аркадий и Лев Николаевич вывалились в коридор, и старики выкатились из лифта вслед за ними.

– Пусть они уйдут, – почему-то трагическим шепотом сказал Подольский, и Аркадию пришлось ждать, пока два жестикулировавших спорщика скрылись за углом коридора.

На двери комнаты Генриха Подольского висела табличка: «Не звонить. Не стучать. Не входить». Аркадий толкнул дверь и вошел, не постучав и не позвонив.

Виктор сидел в кресле напротив двери и держал в правой руке направленный на Аркадия пистолет. Лев Николаевич взвизгнул за спиной Аркадия и, видимо, нырнул в сторону.

– Господи, Виктор, – сказал Аркадий. – Что за дешевые эффекты?

Виктор опустил оружие и сказал:

– Посмотрел бы я на тебя... Входи. И Подольского позови, пусть не прячется.

– Здравствуйте, Аркадий Валериевич, – произнес густой бас, и Аркадий увидел выходящего из-за книжного шкафа господина Чухновского, раввина хоральной синагоги.

– Здравствуйте, – кивнул Аркадий. – С вашей стороны было нехорошо скрыть информацию от меня и побежать к моему шефу. Теперь я лишусь премии.

Подольский, услышав знакомый голос, вошел в комнату и остановился между дверью и креслом, в котором сидел Виктор. Что-то будто мешало ему пройти дальше, Лев Николаевич напоминал дьявола, оказавшегося внутри пентаграммы и способного лишь на мелкие движения внутри отведенного ему пространства. Он делал шаг, наталкивался на невидимую преграду, отступал, делал шаг в сторону, отдергивал ногу и снова пытался пройти куда-то. Чухновский, остановившийся за спиной у Виктора, сказал:

– Да ладно, Лева, ты-то здесь при чем?

И только после этих слов Подольский решился наконец преодолеть пространство между дверью и столом. Лев Николаевич опустил на стул, издав странный вздох облегчения.

– Виктор, – сказал Аркадий, – ну что, в самом деле, я же веду это...

Виктор потер пальцами виски и вздохнул:

– Если ты думаешь, что мне очень хотелось влезать, – сказал он, – то ты ошибаешься. Не знаю, как ты, но я объяснениям господина Чухновского не поверил ни на грош. Вздор все это.

– Наталья Леонидовна умерла! – сказал Чухновский. – И вы не верите?

– Аркадий, на минуту, – бросил Виктор, поднялся и прошел в угол комнаты, за книжный шкаф, к западному окну. Аркадий последовал за ним.

– Вот что, – тихо сказал Виктор, чтобы не слышали Чухновский с Подольским, наблюдая в то же время за их передвижениями по комнате. Впрочем, оба стояли молча и смотрели друг на друга. – Вот что. На лице Раскиной, когда ее подобрали, была та же маска, что на лице Подольского. Сожженная кожа, будто след ладони.

– Сожженная...

– Да. Она шла вдоль края тротуара, и вдруг закричала – это показывают все свидетели, – а потом бросилась на проезжую часть, где ее и сбила машина. Водитель не виноват. Дело передали нам, поскольку в МУРе, естественно, сложили два и два...

– Где она сейчас? Я имею в виду тело.

– У Селунина. Но это было уже потом, кодописис от Бадаева я получил на блокнот, когда ехал сюда, так что больше ничего не знаю.

– А сюда ты почему направился? – с подозрением спросил Аркадий.

– В восемнадцать тридцать две мне позвонил этот раввин...

– Как только я от него вышел, значит, – пробормотал Аркадий.

– Именно. Он сказал, что ответил на все твои вопросы, но ты ничего не понял.

– Почему же? Я все понял, но в тот момент не сопоставил кое-каких фактов...

– Не перебивай. Он заявил, что дело не терпит отлагательств, процесс вышел из-под контроля, и ему нужно срочно быть в квартире Подольского, чтобы проверить кое-какие соображения. Какие именно соображения – отвечать отказался, но заявил, что все расскажет, как только посмотрит на то место, где лежал Подольский. Ему повезло, что он застал меня в офисе. Мы приехали, он посмотрел – только посмотрел со стороны, не более того, – после чего мы сели, и он мне выложил историю с молитвой. Если ты, как утверждаешь, все понял, то пересказывать не буду. Бред, ты согласен?

– М-м... – протянул Аркадий. – Не знаю. Может, и не бред. Давай послушаем Подольского. И обоих вместе. И все запишем. Не забывай: Раскина погибла, и это дело, видимо, распутывать тоже нам.

– Да, – согласился Виктор. – Надеюсь, у нее страховка побольше, чем у Подольского.

– Господа, – подал голос Чухновский, – не лучше ли нам сесть? Я должен наконец убедить вас в том, во что вы не хотите верить.

– В том, что вы не убивали Подольского? – спросил Аркадий, ожидая, какой будет ответная реплика.

– В том, что Творец наказывает исключительно по воле своей! – отрезал Чухновский, а Подольский кивнул, подтверждая сказанное.

Глава девятая

– Надеюсь, вы поняли, что смерть Генриха – расплата за его так называемую научную деятельность, – полуутвердительно сказал раввин, когда все четверо расселись вокруг стола, сдвинутого по просьбе Подольского в угол комнаты. Кровать отсюда была не видна. Вероятно, этого Подольский и добивался.

– Это вы так утверждаете, – пожал плечами Виктор.

– Вам нужны пояснения, – вступил в разговор Лев Николаевич, – или...

– Я забрал из компьютера института рабочую тетрадь Раскиной, – сказал Аркадий, кашлянув. – Я даже прочитал ее по дороге.

– Могу представить, что вы в ней поняли, – пробормотал Подольский.

– Значит, Раскина погибла по вашей вине, – вскинулся Чухновский. – Если бы вы сказали мне об этой тетради, я бы просто не выпустил вас из своей комнаты.

– Привязали бы к стулу? – поднял брови Аркадий. – Или опять обратились к высшим силам?

– Что вы знаете о высших силах? – вздохнул раввин.

– Только то, – сказал Аркадий, – что их не существует. Люди в течение тысяч лет убивают друг друга, и до сих пор ни одно преступление не было объяснено с помощью потусторонних сил. Все преступления реальны.

– Так ли? – усомнился Чухновский. – Я, знаете ли, не специалист, но что вы скажете о рабби Гидеоне Залмане Шнейдере, убитом никем иным, как ангелом, в 1866 году в Гоштадте? Об этом есть запись в...

– Ерунда, – отмел Аркадий. – Наверняка вашего раввина убил кто-нибудь из прихожан и был достаточно ловок, чтобы скрыть следы.

– А смерть Иоханана Зайделя в прошлом году? Я имею в виду дело Английского души-теля. Вы же не станете спорить, что убийцу так и не нашли, а показания свидетелей...

– Свидетелям в таких случаях никто не верит, – сказал Аркадий. – Ночь, гроза, нулевая видимость, что-то появляется, что-то исчезает... Чепуха.

– Тогда, – раввин наклонился к Аркадию через стол, – объясните мне, почему вы позволили Леве привести вас сюда.

– Видимо по той же причине, по какой вы привели сюда Виктора Николаевича, – вежливо сказал Аркадий. – Вы хотели что-то увидеть на месте преступления. И я тоже. Может, мы даже хотели увидеть один и тот же предмет. Но к этому мы вернемся. Сначала я хочу выслушать рассказ Льва Николаевича о сути работы его шурина. Только не говорите, уважаемый Лев Николаевич, что вы ничего об этом не знаете.

– Да... – растерянно проговорил Подольский. Похоже, что его больше всего смущало присутствие раввина. Лев Николаевич вертелся на стуле, стараясь расположиться таким образом, чтобы от прямого взгляда Чухновского его скрывала голова Аркадия.

– Ну хорошо, – сказал Виктор, – вы этак долго будете препираться. Давайте начну я. Все, что обнаружил следователь Винокур, мне известно, поскольку наши блокноты составляют сеть. Кое-что я узнал и сам. В нескольких словах так: Подольский и Раскина работали над так называемыми уринсоновскими генераторами. В открытой печати это – системы для усиления давления биополя. Второе применение генераторов – биополевое усиление мозговых трансмутаций. Как я понял, это означает, что Подольский с Раскиной занимались, попросту говоря, попытками определить, действительно ли человеческое «я» включает опыт не только, так сказать, носителя данного разума, но и всех прочих его родственников не знаю уж до какого колена.

– Память предков, – подсказал Подольский, заметно приободрившись.

– Память предков, – с некоторым сомнением повторил Виктор. – Опыты проходили довольно успешно, на мозг то Раскиной, то самого Подольского действовали с помощью генераторов Уринсона, усиливавших биополя, способные, видимо, активизировать генную память... А потом Генрих Натанович почему-то шел в синагогу и разговаривал с господином Чухновским на философские и религиозные темы. Почти каждый день. Несколько лет. Теперь посмотрите сюда...

Хрусталеv вытащил проектор блокнота, и над столом возникло изображение небольшой комнаты – снимок был сделан во время беседы Аркадия с раввином несколько часов назад, Чухновского видно не было, Аркадий специально встал так, чтобы загородить глазок камеры, в кадр попало окно, из которого лился розовый предвечерний свет.

– Узнаете? – спросил Чухновского Виктор. Раввин кивнул и нахмурился, не понимая. – Это комната в синагоге, где сегодня беседовали Винокур и Чухновский, – пояснил Виктор Подольскому. – Если смотреть в окно, то виден отражатель полицейского локатора, висящего на втором эшелоне Загородного шоссе. Видите?

– Ну, – сказал Лев Николаевич.

– А теперь взгляните в это окно, за моей спиной.

– Ну... – протянул Лев Николаевич, бросив в окно взгляд и тут же отвернувшись, – это отражатель дорожного локатора, если вы имеете в виду именно его. Там еще дома, линия эстакады, ретранслятор...

– У вас прекрасная зрительная память, – восхитился Виктор. – Один взгляд, а столько подробностей. Или вы уже были здесь и смотрели в это окно?

– Я... Был когда-то, несколько лет назад, что тут такого?

– Ничего! Отражатель дорожного локатора, да-да, тот самый, который виден и из окна синагоги. А также из лаборатории, где Подольский работал. Такое вот совпадение. Если провести луч из этой комнаты, то, отразившись от поверхности локатора, он попадет в комнату раввина Чухновского. И наоборот – если кто-то направит луч оттуда...

– Какой луч, о чем вы говорите? – вскинулся Подольский.

– Господа детективы – материалисты, – улыбнулся Чухновский. – Даже увидев то, что они увидели, они не поняли того, что должны были понять.

– Заковыристая фраза, – хмыкнул Виктор. – Но моя мысль, надеюсь, достаточно понятна.

– Понятна, понятна, – закивал раввин. – Бедного Генриха убили лучом. Из синагоги. Вообще-то это чепуха, но для вашего сведения: вчера я в это время был...

– Знаю я, где вы были, – поморщился Виктор. – И где был Лев Николаевич знаю тоже. И где была Раскина.

– Я пришел сюда, – сказал Чухновский, – чтобы объяснить вам, как я понимаю смерть Генриха. А вы, вместо того, чтобы выслушать, рассказываете мне о каких-то геометрических конструкциях, которые к смерти Подольского не имеют никакого отношения.

– Да? – Виктор наклонился и посмотрел раввину в глаза. – Тогда слушаю вас. Вы хотите сделать признание?

– В чем? В убийстве? Вы же знаете, что нет!

– Тогда в чем?

– Виктор, – сказал Аркадий, – видишь ли, господин Чухновский все-таки духовное лицо. С его точки зрения он прав. Генрих Натанович Подольский занимался, по его мнению, деятельностью, которая могла нанести непоправимый вред еврейской нации. Он сам мне это сказал. И ты это знаешь, потому что видел мои записи. У него лично не было никаких причин ненавидеть Подольского. Но деятельность Генриха Натановича следовало прекратить. Какой единственный способ мог использовать для этого раввин?

– Такой же, как все и всегда, – бросил Виктор.

– Да, такой же, как все духовные деятели, – согласился Аркадий, – только говорим мы о разных вещах. Он молился.

– Ну и что? – спросил Виктор.

– Истинно так! – сказал Чухновский. – Истинно так. А что мне оставалось делать?

– Вам – ничего, – кивнул Аркадий и пояснил Виктору. – Видишь ли, по его мнению, ему не нужен был какой-то там луч. Он попросту обратился к Богу с просьбой наказать этого... э... нечестивца. Я уж не знаю, в каких выражениях...

– И Бог, естественно, наказал, – насмешливо сказал Виктор. – С помощью теплового луча, направленного из комнаты в синагоге.

– Тепловой луч мог сжечь кожу, – согласился Аркадий. – Но восстановить ее? И еще – как ты тогда объяснишь предсмертные ощущения Подольского? Геометрия – да, но физика? В лаборатории попросту нет никаких генераторов, способных...

– Это нужно было проверить, – резко сказал Виктор, – и я надеялся, что ты это сделал, как только обнаружил зеркало.

– Естественно, я это сделал, – обиженно сказал Аркадий. – Ничего там нет. И не было. Послушай, Виктор, ты сам привел сюда Чухновского, так пусть он скажет то, что хочет, а потом сделаем свои выводы.

– Свой вывод я уже сделал, – пожал плечами Виктор. – С тобой, Аркадий, мы все обсудим в офисе... Ну хорошо, давайте послушаем.

Раввин бросил на Аркадия благодарный взгляд, а Подольский чуть отодвинулся на своем стуле. Чухновский закрыл глаза и начал, раскачиваясь, произносить какие-то слова. «Барух ата адонай, – услышал Аркадий, – элохейну мелех аолам»...

– Господи, – вздохнул Виктор, но Аркадий сделал предупреждающий жест, и Хрусталеv лишь возвел очи горе и сложил руки на груди.

Чухновский молился около минуты, произнес «амен», перестал раскачиваться и сказал:

– Запишите: Подольский заслуживал наказания, потому что посягнул на прерогативу Творца.

– Так и запишем, – любезно согласился Виктор, и Аркадий недовольно поморщился. Лучше бы Виктору помолчать, иногда он – из лучших побуждений, конечно, – всеми силами мешает расследованию. У Аркадия была своя версия, и молитва Чухновского ее не нарушала, не нужно Виктору суетиться, но ведь начальству не прикажешь, можно только посмотреть осуждающе...

– Я уже говорил вот... Аркадию Валентиновичу, что Подольский начал ходить в синагогу семь лет назад, – продолжал раввин. – Как-то он подошел ко мне и сказал, что хочет посоветоваться. Я не мог отказать, это очевидно. Он сказал, что разговор должен остаться между нами. Я ответил, что умею хранить молчание. И тогда Генрих Натанович рассказал о целях своей научной деятельности. Это был странный разговор. Я понял, что в глубине души Подольский оставался атеистом, его вера была лишь попыткой что-то понять в собственной душе. Творец для него – лишь некий символ, обращаясь к которому он пытался углубить свои сугубо атеистические представления о человеке и его сущи. Вы понимаете?

– Нет, – сказал Виктор, и Аркадий опять ощутил глухое раздражение. Если Хрусталеv своими репликами заставит Чухновского замолчать – а это вполне может произойти, – тайну смерти Подольского они никогда не раскроют.

– Нет? Ну...

– Продолжайте, – кивнул Аркадий. – О чем вы говорили с Подольским тогда и о чем – впоследствии?

– И тогда, и впоследствии – об одном и том же. О душе человеческой. О том, сколько у каждого человека может быть духовных сущностей. Его интересовало, как религия – ясно, речь шла только об иудаизме – относится к возможности замены души у конкретного человека.

Сначала речь шла о... как бы это сказать... спонтанном явлении, что ли. Вдруг вы теряете свою душу и приобретаете чужую. Становитесь другим человеком? Или остаетесь собой, но только изменяете прежним целям и принципам?

– В христианстве, – пояснил Подольский, впервые перебив раввина, – это называется одержимостью дьяволом. Но в иудаизме нет такого понятия – Дьявола не существует по определению.

– Совершенно верно, – сказал Чухновский. – Сначала я не понимал истинной цели таких разговоров. Я думал, что Генрих Натанович искренне хочет приобщиться к вечным ценностям... Я рассказывал ему о ТАНАХе, о Синайском откровении, показывал отрывки, где Творец говорит с Моисеем именно о том, что интересовало Подольского... Я подарил ему Тору – двуязычную, на русском и иврите, в наши дни это редкость, сейчас вообще мало книг на бумаге, а мы не признаем компьютерных версий... Потом я начал понимать, что Генрих Натанович... нет, не то чтобы он обманывал меня, он был искренним, когда интересовался религией, но интерес был сугубо научным. Его почему-то интересовало, что произойдет с человеком, если вынуть из него одну душу и заменить другой.

– Электронное клонирование? – спросил Виктор. – Что тут нового? Страшнов занимался этим полвека назад.

– Нет-нет, – сказал Подольский. – Это совсем другое.

– Совсем другое, – повторил Чухновский. – Генрих Натанович как-то признался мне, что намерен провести опыт по проверке основных положений монотеизма. Потому и интересуется всеми этими деталями. Я сначала не понял, что он имел в виду. Он пояснил. Он хотел проверить, действительно ли существуют ангелы и архангелы. Действительно ли есть демоны и наконец...

Чухновский замолчал, Аркадию показалось, что его передернуло от воспоминания.

– Ну? – спросил Виктор.

– Действительно ли есть Бог, – торжественно, но с легкой иронией в голосе, произнес Подольский. – Он и ко мне приезжал с этой идеей.

Чухновский опять дернулся, но промолчал и теперь, ожидая, видимо, наводящих вопросов.

– М-да, – сказал Виктор. – Ну и что? Есть Бог, нет Бога – теологические диспуты меня не интересуют. Мне нужен мотив.

– Мотив... чего? – пробормотал Чухновский.

– Мотив преступления, – отрезал Виктор. – Поймите, уважаемый Пинхас Рувимович, у нашего агентства есть достаточное количество улик для того, чтобы я подписал решение о вашем временном задержании. Конечно, в деле много неясного, но это технические детали.

– Задержании? Меня? – удивился Чухновский. – Я прихожу сюда, я говорю вам то, что мог бы и не говорить, я хочу, чтобы вы правильно поняли, что сделал я, что сделал он, и что сделал Творец, а вы опять все сводите к каким-то техническим деталям, о которых я не имею никакого представления.

– Виктор, – не выдержал Аркадий, – давай дослушаем.

– Что дослушаем? – взорвался Чухновский. – Зачем дослушаем, если можно арестовать? И зачем я все это буду... Если все равно вы не верите ни одному слову!

Виктор удовлетворенно улыбнулся и откинулся на спинку стула. Аркадий понял, что Хрусталеv намеренно выводил раввина из себя. Надеялся, что тот скажет лишнее? Нужно было раньше, до начала беседы продумать и обговорить общую линию разговора, теперь же получалось, что Виктор действовал по одному ему понятному сценарию, а Аркадий этого сценария не знал. Неужели Виктор воображает, что раввин держит в синагоге какое-то новейшее оборудование по сожжению живой материи на расстоянии?

Чухновский встал и принялся ходить по комнате от окна до двери и обратно. Он старался не проходить мимо кровати, и потому путь его напоминал дугу, будто грузное и массивное светило двигалось по небу от горизонта до горизонта.

– А меня вы тоже хотите арестовать? – спросил Лев Николаевич. – Учтите, если у вас есть такое намерение, вы должны сказать об этом сразу, чтобы я мог вызвать своего адвоката. У меня есть дополнительная юридическая страховка, предусматривающая...

– Знаю, – бросил Виктор. – Кстати, зачем вы ее оформили? Предполагали, что она может понадобиться? Вы ведь сделали это совсем недавно... – он бросил взгляд на экран блокнота, – семнадцатого июля, всего три месяца назад.

– Имею право, – сказал Подольский и отвернулся от Виктора. Он предпочитал смотреть на Аркадия, хотя тот вряд ли смог бы помочь в случае, если Хрусталеv действительно решит сейчас провести задержание.

– Послушайте, – сказал Чухновский. – Время идет, вы не желаете ничего понимать, вас все время сносит на частности.

– Меня не сносит на частности, – возразил Виктор. – Аркадий Винокур собрал достаточно материала для того, чтобы я ответил на главный вопрос: кому это нужно? Смерть Подольского и смерть Раскиной.

– Кому же? – равнодушно спросил раввин.

– Только вам, дорогой, только вам. Вы слишком самоуверенны. Вы считаете себя чуть ли не наместником вашего Бога в пределах Московского кольца. Вы фанатик, а религиозный фанатизм часто становился причиной криминальных действий, в том числе и убийств. Подольский по наивности рассказывал вам о своих исследованиях, полагая, видимо, что может услышать от вас дельные идеи, не знаю уж, какие именно. Вы наверняка сделали все возможное, чтобы отговорить его от экспериментов. Вы вступались за Бога! И не сумев предотвратить опыты, – убили. Мы еще разберемся, как вы это сделали. И Раскину вы убили тоже, потому что узнали, что она для вас опасна. Она хотела встретиться с Аркадием, а он, не продумав последствий, сообщил об этом вам, и в результате Раскина не доехала до места встречи.

– Вы полагаете, что это я ее сбил? – удивленно спросил Чухновский.

– Нет, конечно! Но духовное лицо, которое держит в психологической блокаде десятки, если не сотни своих прихожан («В синагоге нет прихожан, – вставил раввин, – это вам не церковь»), ну неважно, называйте как хотите... Вы попросту «заказали» этих людей! И знаете почему МУР позволил нам заняться этими убийствами, несмотря на то, что они не носят бытового характера? – Виктор наклонился к раввину через стол. – Им и в голову не пришло, что имел место «заказ», исходивший от духовного лица.

– А вам, значит, это пришло в голову, – задумчиво сказал раввин. – Знаете, уважаемый Виктор Николаевич, вы даже не подозреваете, насколько близко подошли к разгадке и насколько в то же время далеко от нее находитесь. Вы должны сделать последний шаг, но никогда его не сделаете, потому что это вне сферы вашего представления о мироздании. Да и о религии нашей тоже. Вы действительно думаете, что раввин может нанять киллера, чтобы убить человека, даже оскорбившего религию и Творца? Вы воображаете, что иудаизм, о котором вы не имеете ни малейшего представления, допускает такое?

– Ах оставьте, – усмехнулся Виктор. – Только не говорите мне, что ни один раввин за тысячи лет существования вашей религии, ни разу не убил или не подстрекал к убийству.

– Господи, – сказал Аркадий, – о чем вы говорите? Виктор, тебя занесло.

– Помолчи, – резко сказал Виктор. – Ты собрал весь материал, но анализировать ты не умеешь. Лев Николаевич, – он обернулся в сторону Подольского, стоявшего посреди комнаты с потеряннvм видом, – вы тоже думаете, что раввин Чухновский невиновен, как дитя?

– Да, – неожиданно хриплым голосом сказал Подольский и закашлялся. Он кашлял натужно и, казалось, никогда не остановится. Аркадий подошел и хлопнул Подольского по

спине, тот закашлялся еще сильнее и неожиданно успокоился. – Да, – повторил он, – конечно. Это глупость – обвинять Пинхаса Рувимовича. Глупость! И я не понимаю, зачем вы это делаете. Вы же прекрасно знаете, что Генриха убил я!

В наступившей тишине слышно было, как где-то в квартире тикают часы. Чухновский с откровенным изумлением смотрел на Подольского, Аркадий подошел и стал позади него, преградив путь к двери, а Виктор смотрел на Льва Николаевича с любопытством дилетанта, забежавшего в картинную галерею и увидевшего на одном из полотен знакомое с детства изображение.

– Ну, приехали, – произнес Виктор, растягивая слова. – Вам-то это зачем?

– Видите ли, – сказал Подольский. – У меня была причина убить Генриха, и я хотел рассказать об этом вашему сотруднику в ресторане... Не успел, просто не решился... Я закурю, можно?

– Да, пожалуйста, – разрешил Виктор. Подольский вытащил из кармана пачку «Джентли», зажигалку, закурил с третьей попытки.

– Мы с Генрихом никогда не ладили, – глухо сказал Подольский, сделав несколько затяжек. – А после смерти родителей... Он считал, что я в этом виновен, потому что вовремя не установил диагноз. Глупо. Я сделал что мог. Но было поздно. Он не хотел этого понять. Мы перестали встречаться. Он сошелся с этой женщиной... Раскиной. Раввин Чухновский прав в том отношении, что... То есть, Генрих поступал как ученый, но с точки зрения религии... Кошунство, да. Он хотел вытащить из мозга все реинкарнации. Все. Вы знаете, что такое реинкарнации?

– Мы знаем, что такое реинкарнации, – проскрипел Виктор. – Мы даже знаем, что современная наука доказала, что ничего подобного в природе не существует. Всей этой чепухой занимаются институты паранаучных направлений. В Москве их достаточно. С этой публикой мы как-то разбирались, и кто там работает – знаем. Подольский не из таких, а его институт – классического академического направления, никакого отношения к паранаучным изысканиям не имеет и иметь не может. При чем здесь генераторы Уринсона? Подольский на добился бы и рубля финансирования, если бы заявил подобную тему. Не нужно вешать нам на уши лапшу, тем более, что эта информация легко проверяется.

– Черта с два эта информация проверяется! – неожиданно воскликнул Подольский высоким фальцетом. – Как-то в прошлом году... Зима была, февраль. Холод, если вы помните, лютый, госинспекция запретила личному транспорту подниматься в воздух, авиетки падали, как птицы, а птицы дохли на деревьях. В Туле было минус сорок два, такого никто не припомнит...

– Мы о морозе говорим или о Подольском? – прервал Виктор излияния Льва Николаевича.

– А? О Подольском, конечно, о ком же еще? Да, был мороз, и я удивился, когда он приехал ко мне. Я просто не мог себе этого представить и сначала даже не открыл ему дверь.

– Генриху Натановичу? – уточнил Виктор. – Вы же утверждали, что не виделись с ним несколько лет.

– Послушайте, – опять вскипел Подольский. – Мне и так трудно, а вы все время... Я... Мне не нравится ваш метод. Пусть ваш сотрудник сядет за этот стол, у него... у него другой взгляд. Тогда я продолжу.

Виктор собрался было разразиться язвительной тирадой, но встретил взгляд Аркадия и встал.

– Валяйте, – сказал он. – Первый раз слышу, что мой взгляд не нравится клиентам фирмы.

Аркадий обогнул стол и сел в кресло. Точнее, стол обогнуло его тело, и в кресло, теплое после Виктора, село именно тело, без подсказки со стороны мозга. Это было неожиданное,

удивительное, необъяснимое ощущение – Аркадию казалось, будто он даже не пытался сдвинуться с места, и часть его сознания продолжала видеть комнату с той точки, где он стоял: окно напротив, Чухновский – вполоборота – у книжных полок, Виктор, выйдя из-за стола, становится так, чтобы быть неподалеку от Подольского, но вне его поля зрения. И в то же время другой частью сознания он понимал, что сидит в кресле, смотрит Подольскому в глаза, и комната, которую он видит с двух точек сразу, будто плывет и раздваивается, но нужно сохранять ясность сознания, и еще – нужно сказать Виктору, чтобы... Что?

Мысль не додумывалась, да и времени не было ее додумывать, потому что Подольский сказал:

– Так вы записываете? Генрих позвонил в дверь, и я сказал через интерком, чтобы он отваливал, говорить нам не о чем. Тогда он произнес такую фразу: «Не кинжалом он действовал, но ядом, и потому – не пойман».

– Что это означает? – спросил Аркадий. Голос прозвучал вне зависимости от его сознания, и на какое-то мгновение Аркадий испугался самого себя, но это ощущение миг прошло, и все вернулось на свои места – он владел собой, он был собой, и что же с ним сейчас происходило? Не было времени думать об этом.

– Объясню, – сказал Подольский. – Видите ли, прапрадед – наш общий с Генрихом предок – был польским евреем. Он – Абрамом его звали – погиб при странных обстоятельствах... Дело было в Умани, это городок такой, где... Ну, неважно... Он умер в тысяча восемьсот девяносто третьем, почти два века назад. Как-то утром его обнаружили в собственной кровати заколотым. Комната была заперта изнутри на ключ, тело обнаружил его секретарь, предок наш был богатым человеком, владел двумя фабриками... Секретарь – его звали Яковом – пришел, как всегда, в девять, в доме в это время никого не было, жена Абрама, Фейга, ушла с детьми в сад, а Абрам, вернувшись домой после утренней молитвы, пошел отдохнуть, он ночью поздно работал... Обычно Яков будил хозяина, если тот спал, и они просматривали утреннюю почту...

– Послушайте, – не выдержал Виктор, – что вы нам...

– Виктор, помолчи! – резко сказал Аркадий, сам не ожидая от себя такой вспышки. Он понимал, что Подольскому нужно хотя бы сейчас дать выговориться, его нельзя прерывать, какую бы чушь он ни нес, а потом, прослушивая запись, попробовать отсеять лишнюю информацию. В ресторане Подольский так и не решился заговорить, видимо, гибель Раскиной подействовала на него, как запирающий ключ, а сейчас он начал, по-видимому, издалека или даже вовсе не о том, но ведь он все равно дойдет до сути...

Выпада со стороны Аркадия Виктор не потерпел бы, но Чухновский тоже сделал шаг вперед и выкрикнул:

– Послушайте, как вас там! Не мешайте ему говорить!

Виктор пожал плечами.

– А... – протянул Подольский и провел рукой по лицу. – О чем это... Да, они просматривали почту. А в тот день Абрам не ответил на стук, и дверь оказалась против обыкновения заперта изнутри. Секретарь начал звать Абрама, но тот не отвечал, и это было очень странно... В общем, Яков взломал дверь, не став дожидаться возвращения Фейги с детьми. И обнаружил хозяина в постели с ножом в груди. Э... Так, во всяком случае, сказал секретарь. Но полиция не поверила, знаете ли. Якова арестовали по обвинению в убийстве...

– Почему? – быстро вставил Аркадий.

– Ну... – протянул Подольский. – Его слова о том, что комната была заперта, показались неубедительными. То есть, она действительно была заперта и замок действительно был взломан, но полиция не поверила тому, что нож уже торчал в груди Абрама, когда Яков вошел в спальню. Видите ли, если дверь действительно была заперта, в комнату никто не мог ни войти, ни выйти. Никто и никак. Слишком крепкие стены, слишком высокие окна, запертые, к тому

же, изнутри. И дверь... Секретаря сразу заподозрили в том, что он убил, а потом взломал дверь, чтобы отвести от себя подозрения.

Виктор, стоя в нескольких шагах от Подольского, начал опять проявлять признаки нетерпения, и Аркадий понял, что, если Льва Николаевича прервут еще раз, нить будет потеряна, пожалуй, надолго. Он передвинул на середину стола коробочку компьютера, наклонился вперед и, чтобы Виктору было хорошо слышно, сказал:

– Официальный допрос ведет детектив Винокур Аркадий Валентинович, личный номер семнадцать двадцать три.

С этой минуты рассказ Подольского приобретал характер официального протокольного признания, которое могло быть использовано и в суде, Аркадий становился единственным человеком, официально имевшим право задавать вопросы, а Виктор с Чухновским – свидетелями, которым также могло быть в суде предоставлено слово, но только для того, чтобы удостоверить, что допрос проводился без отклонения от стандартной процедуры. Виктор, конечно, взъесться, с ним еще придется выяснять отношения, но сейчас он будет вынужден принять условия игры.

Взгляд Виктора ничего хорошего не сулил. Но и возразить Хрусталева не мог, а потому сложил руки на груди, пожал плечами и отошел в сторону.

Подольский не обратил внимания на игру нервов, продолжавшуюся несколько секунд и закончившуюся временной победой Аркадия. Он продолжал говорить:

– Якова арестовали. У него были, как выяснилось, причины для того, чтобы ненавидеть собственного хозяина. Давняя история... В молодости он любил одну девушку. Они ведь были с Абрамом из одного местечка, и возраст почти одинаковый... Яков хотел на ней жениться, а Абрам девушку отбил. Не потому, что был в нее влюблен, а просто... Чтобы насолить Якову. То ли на спор, то ли... В общем, никто не знает. И никто не знает, что было потом. Как бы то ни было, девушка... э... покончила с собой. И Яков... Ну, это понятно. Через много лет он приехал в Умань, явился к Абраму, сказал, что, мол, кто старое помянет... И все такое... У него было очень сложное положение, жена умерла, детей нет, работу потерял... И Абрам то ли пожалел Якова, то ли действительно чувствовал свою вину перед ним. Он взял Якова к себе секретарем, снял ему комнату неподалеку от своего дома. Понимаете? Полиция решила, что Яков специально ждал случая, и вот...

Подольский развел руками.

– Наверно, – продолжал он, – если бы все это происходило на сто лет раньше, Якова действительно засудили бы. Про отпечатки пальцев, впрочем, и в конце девятнадцатого века не знали, во всяком случае, в Умани. Но судебно-медицинская служба уже кое-что понимала... В общем, врач утверждал, что удар ножом нанесли, когда Абрам был уже мертв. Понимаете? Он умер рано утром от разрыва сердца, как тогда говорили. Обширный инфаркт, как сказали бы потом. А ножом ударили в мертвое тело. И никто, к тому же, не смог доказать, что Яков не взламывал дверь. В общем, в деле были только косвенные улики, но главное – то, что умер Абрам от инфаркта. Вот...

Подольский замолчал. Он смотрел почему-то не на Аркадия, а на раввина, Чухновский же в это время занимался странным делом – снимал с полок книги, перелистывал и ставил на место.

– Какое отношение, – спросил Аркадий, – имеет эта давняя история к гибели Генриха Натановича Подольского и к его появлению в вашей квартире год назад?

– А? – непонимающе спросил Лев Николаевич, думая о своем. – Ну да, появление... Он произнес эту фразу и вошел в комнату, хотя я стоял на пороге и вовсе не собирался его впускать... Вошел и сказал: «Я раскопал это. Нашего прапрадеда казнили. И я знаю – кто».

У раввина упала книга, но он не стал ее поднимать, так и застыл с протянутой рукой.

– Понимаете, эта история с прадедом... Она была вроде как наша семейная тайна. Ну, как английские аристократы передают из поколения в поколение какие-нибудь родовые неразгаданные тайны, так и Абрам был... Мы с Генрихом, когда еще были дружны, много раз обсуждали – ударил Яков ножом или нет? И почему Абрама вдруг хватил инфаркт – он же был крепким и здоровым мужчиной... Много еще лет назад у нас возникла версия о том, что Абрама могли отравить – сейчас-то всем известно, что существуют яды, действие которых по симптомам аналогично инфаркту, и, если не знать наверняка, что человека отравили, вполне можно перепутать. А в те времена и говорить нечего... И тогда история становится еще таинственнее, ведь появляется новый претендент на роль убийцы: тот, кто пришел с Абрамом в дом, когда он возвращался с утренней молитвы, дал ему яд и ушел, оставив прапрадеда умирать. Кто? И почему? Вы понимаете, что пищи для воображения здесь было более чем достаточно, а для того, чтобы открыть истину... Не эксгумировать же на самом деле труп Абрама! В общем, когда Генрих сказал о яде, я понял о чем именно идет речь. Я подумал: может, он нашел какие-то документы... открылись какие-то обстоятельства. Я впустил его из любопытства, а оказалось...

Подольский опять замолчал, и раввин только теперь заметил, что уронил книгу. Он нагнулся, поднял том, аккуратно поставил на полку и взял следующий, продолжив свое бессмысленное занятие, начавшее действовать Аркадию на нервы.

– Что же оказалось? – спросил Аркадий.

– А?.. Вот в том-то и дело... Я все время к этому подхожу, но... Вы не поверите, потому что... Ну, не знаю... Для вас смерть Генриха – это просто уголовное дело, а на самом деле... Нет, на самом деле это, конечно, уголовное дело, кто спорит, но только... Как бы это сказать...

– Дело, которое не находится в вашей компетенции, – подсказал Чухновский, не оборачиваясь.

– Вот-вот... – обрадовался Подольский. – Именно так! По сути, Генрих убил себя сам... То есть, не сам, это не самоубийство, если быть точным, его убил тот же человек, что убил Абрама, но руками самого Генриха, точнее... м-м... точнее даже не руками, а... Нет, вы все равно...

Подольский окончательно сбился и замолчал.

– Я ничего не понял, – искренне сказал Аркадий. – Давайте я буду задавать вам конкретные вопросы, а вы отвечайте по возможности короче. Свидетелей, – Аркадий посмотрел на Виктора и Чухновского, – попрошу на время перекрестного допроса воздержаться от комментариев и дополнений.

Виктор демонстративно пожал плечами, а раввин, достав очередную книгу, начал ее внимательно читать с первой страницы.

– Вы утверждаете, что смерть вашего родственника каким-то образом связана со смертью Генриха Натановича Подольского?

– Да, – кивнул Лев Николаевич.

– Вы утверждаете, что Генриха Натановича убил потомок того, кто в свое время убил Абрама Подольского?

– Что?.. Нет, конечно! – Лев Николаевич округлил глаза. – Не потомок, я разве сказал – потомок? Он же и убил. Не своими руками... Хотя... Это как посмотреть, может, и своими...

– Минуту. Уточните. Вы утверждаете, что Генриха Натановича Подольского убил тот же человек, который двести лет назад убил вашего предка Абрама Подольского?

– Мм... Ну, если хотите, именно так.

– Что значит – если хотите? Вы это утверждаете или нет?

– Ну... Да, утверждаю.

– Вы понимаете, конечно, что Абрама Подольского убили двести лет назад, и никто не мог прожить столько времени...

– Конечно! Именно в этом вся проблема! Именно поэтому и погибла Наталья Леонидовна! Это как круги на воде – если бросаешь камень, круги все равно появляются, как бы ты ни старался быть аккуратным...

– Стоп, – сказал Аркадий, – к Раскиной мы еще вернемся. Если я правильно вас понимаю, смерть Генриха Натановича непосредственно связана с его деятельностью в институте? Я имею в виду то, что вы называли исследованием реинкарнаций.

– Да! Господи, я это уже три часа пытаюсь объяснить! – с неожиданным жаром воскликнул Подольский. – То есть, у меня нет, конечно, никаких доказательств, но все, что я знаю, начиная с характера некробиота, убеждает меня именно в этом! Я не понимал только, как это произошло с маской... Ну, я имею в виду эту ужасную... И то, что она исчезла... Вы знаете, о чем я...

– Да, – сказал Аркадий. – Вы хотите сказать, что сейчас понимаете и это?

– Конечно! Здесь не обошлось без потусторонних сил, это очевидно!

Аркадий шумно вздохнул и поднял глаза к потолку. Он уже сложил в уме определенную мозаику, в ней было место и для обоих Подольских, и для Раскиной, и для раввина, и даже для религии. Но не для потусторонних сил, в конце-то концов! Если этот Лев Николаевич намерен городить новые глупости вместо того, чтобы разобраться в старых...

Виктор хихикнул и бросил на помощника иронический взгляд, говоривший: ну что, попробовал сам, убедился, что тебя водят за нос, почему бы не освободить место для более квалифицированного специалиста?

– Видите ли, – раздумчиво сказал Аркадий, – легче всего объяснить появление и исчезновение ожога на лице Подольского действием потусторонних сил. И еще Рас...

Он встретил яростный взгляд Виктора, запнулся на полуслове и продолжил:

– Я знаю в Москве сотню человек, которые так бы и поступили. В Кармическом институте этот случай вызвал бы восторг... Почему вы пришли с этим объяснением ко мне?

– А куда я должен был идти? – удивился Лев Николаевич. – Расследованием занимаетесь вы, я и пошел к вам. Тем более, что вы меня все равно нашли бы.

– Тогда не нужно говорить глупости.

– Почему глупости? – вздохнул Подольский. – Знаете, я тоже человек рациональный, но есть рация более широкая... С философом я бы это обсудил в категориях мистического, а с вами нужна конкретика, так я ее и придерживаюсь. Вот, скажем, не была ли похожа эта, как вы говорите, маска на лице Генриха... не была ли она похожа на... э-э... след человеческой ладони?

– Откуда вы об этом знаете? – насторожился Аркадий. Вряд ли Подольский мог ознакомиться с материалами дела, тем более, с результатами судмедэкспертизы, секретными, как и все, что находится в пределах следственного дознания. Значит, кто-то сказал. Виктор? Раввин? Но раввин и сам не мог знать о такой детали... Кто?

– Оттуда! – огрызнулся Подольский. – Если бы ваш кругозор был более широк, вы бы не спрашивали.

– Ладонь смерти, – подал голос Чухновский, – это жаркая ладонь демона, которой он помечает тех, кто нарушил заповеди небесные, без соблюдения коих...

– Стоп, – сказал Аркадий. – Давайте останемся в рамках здравого смысла. Я спросил, откуда вам стало известно, какой именно формы было ожоговое пятно на лице Подольского?

– То есть, вы подтверждаете, что оно имело форму ладони? – уточнил Лев Николаевич, а Чухновский даже сделал два шага к столу, чтобы не пропустить ни слова.

– Вопросы задаю я, – недовольно сказал Аркадий, чувствуя, что процедура допроса уже потеряла смысл, но еще не поняв, когда именно он упустил из рук инициативу. – Мне спросить в третий раз или вы ответите сразу?

– Отвечу сразу. Если вы читали труды профессора Джейкобса, я имею в виду хотя бы его «Нейропсихологию инкарнаций»... Там сказано...

– Я не читал Джейкобса, он не имеет отношения к этому делу. Я спрашиваю...

– Так ведь Лев Николаевич и пытается вам ответить! – неожиданно вступил раввин. – А вы не слушаете его, как не хотели два часа назад слушать меня.

– Я вас внимательно слушал.

– Но не слышали, – с горечью сказал Чухновский. – Поймите наконец: Подольский узнал причину гибели своего предка и потому погиб. К сожалению, в некоторой степени я стал его оружием, поскольку совершил по его просьбе обряд пульса де нура.

– Что совершили? – переспросил Аркадий.

– Обряд обращения к Всевышнему с просьбой наказать еврея, порвавшего связи со своим народом. Творец откликнулся незамедлительно...

Аркадий услышал хриплый смех – Виктор присел на стул в голове кровати и откровенно развлекался, ему доставляло удовольствие видеть, как два важных свидетеля, один из которых вполне мог оказаться убийцей, морочат голову следователю.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сухо сказал Аркадий. – Как официальный свидетель по делу вы несете ответственность...

– Я ответил! – вскипел Подольский, а раввин закивал головой и сделал еще один шаг вперед.

– ...И потому, – продолжал Аркадий, – согласно уголовно-процессуальному кодексу, статья семьдесят три-бис, вы можете быть подвергнуты задержанию в административном порядке на срок до сорока восьми часов. В течение этого времени вы будете содержаться в КПЗ с предоставлением всех положенных условий и обдумывать...

– Вы с ума сошли? – изумился Подольский. – Я все время стараюсь объяснить вам суть произошедшего... конечно, как я ее понимаю... а вы не слушаете.

– Лев Николаевич, – мягко сказал Аркадий, – меня не интересуют ваши интерпретации. Меня не интересует, как вы тут что понимаете. Меня интересуют конкретные ответы на конкретные вопросы. В частности, откуда вам стало известно об ожоговом следе в форме...

– Так я же сказал вам! Это описано в книге Джейкобса!

– Что описано? – вскричал Аркадий. – Гибель вашего родственника?

– Генриха? Это частный случай...

– Может быть, не будете спорить впустую? – вмешался Чухновский. – Если позволите, я зачитаю вам...

Он поднес к глазам книгу, которую он держал в руке – видимо нашел-таки на полке после долгих поисков именно то, что искал. Книга была из старых, в картонном, а не пластиковом переплете, издание, скорее всего, до тридцатого года, когда всю книжную промышленность перевели на новый тип производства.

– Вот... – сказал раввин. – «Если Творец отмечает кого-то из людей недостойных или преступивших, или в будущем способных принести в мир преступные и богопротивные идеи, Он делает это одним из множества способов, желая показать людям, что...» Погодите, это не совсем... Ага, вот... «Дьявольская ладонь. Ожог на теле, имеющий форму беспалой ладони. Возникает при использовании колдовства или иных форм воздействия на материальную сущность живого. Обычно наблюдается на животе или спине, но встречаются и более экзотические случаи, как, например, наказание графа Сиднея Мюррея в 1736 году, отмеченного дьявольской ладонью в области затылка, в результате чего Мюррею были нанесены непоправимые повреждения мозга, которые привели к смерти. Граф был наказан за то, что...» Это тоже неважно, граф был христианином, тут совсем другое... Вот еще. «Иудейская религия не содержит понятия Дьявола как антитезы Богу и потому в рамках иудаизма я не могу дать определения дьявольской ладони. Отмечено всего три случая появления этого эффекта в качестве

наказания. Первый: печать на спине бывшего раввина Иегуды Хареля, перешедшего в ислам. Второй: печать на груди торговца из Кастилии Моше Герреро, выдавшего инквизиции семь своих соплеменников, облыжно обвиненных в сотрудничестве с дьяволом. И третий: печать на левой щеке Зосимы Бугендольфа, наказанного за убийство раввина Зальцмана в Кракове...» Ну, тут приведены и числа, если хотите... Кстати, этот Бугендольф умер в присутствии многочисленной родни и врача, который его пользовал. Именно врач впоследствии и описал этот случай, так что Джейкобс ссылается на вполне конкретный источник.

– Дайте, – Аркадий протянул руку, и раввин передал ему открытую книгу. Аркадий посмотрел на обложку: это действительно было довольно старое издание, 2026 год, издательство «Агриппас». Издательство, насколько помнил Аркадий, солидное, но время от времени все же вынужденное для поправки финансовых дел издавать и оккультную литературу. Автор – Арнольд Джейкобс. Что там про него написано на обложке? Профессор. Ясное дело – все они профессора. Ректор Института Откровения, Филадельфия. Название подходящее. Все у них так: Институт Откровения, Институт Сущности Человека, Тантрический институт, в одной Москве таких штук пятьдесят, и все кормятся на извечной человеческой страсти объяснять необъясненное необъяснимым. Вполне возможно, что истории с этим графом и остальными действительно происходили, невозможно же упомнить все странные криминалистические ситуации. Объяснения, конечно, чушь. Божественное наказание, м-да... Но случай с Полонским не единственный в своем роде. Что ж, хорошо хоть это. Есть прецедент. Значит, и объяснение должно быть. И, ясное дело, без привлечения технических новинок, эту интерпретацию можно опустить, сразу сужается поле обзора гипотез. Если уж двести лет назад преступники умудрялись проделывать такие штучки...

Кстати, когда умер этот Зосима? Аркадий открыл книгу на странице, заложенной Чухновским. 1736 год. Давно. Но если это не первый случай в криминалистике, почему компьютер МУРа не выдал на его запрос всей этой информации, которую раввин Чухновский без проблем и по памяти вытащил из книги, изданной, кстати, уже тогда, когда база данных МУРа находилась далеко не в стадии накопления? Объяснение, пожалуй, одно: все эти случаи при анализе не были признаны криминальными. Загадочными – возможно. Но не криминальными.

Зазвонил телефон. Звонок доносился из внутреннего кармана, и Аркадий в первое мгновение не понял, что, собственно, произошло – он точно знал, что блокировал связь перед началом допроса. Если звонок все-таки раздался, значит, аппарат принял сигнал, отменяющий все режимы отключения, и тогда...

– Допрос прерван в связи с возникновением дополнительных обстоятельств, – сказал Аркадий. В комнате все сразу задвигалось, зашумело, Виктор производил больше шума, чем Чухновский с Подольским, но Аркадию сейчас было не до них, потому что перед глазами возникло лицо дочери. Белое, искаженное ужасом.

– Папа... – сказала Марина, с трудом шевеля губами, – папа... Мама...

Она разрыдалась, изображение начало расплываться, дочь билась перед аппаратом в истерику, и камера не могла держать фокус.

– Спокойно, пожалуйста, – сказал Аркадий. – Ты можешь сказать, что случилось?

– Мама... умерла, – шепот дочери был слышен на противоположном конце комнаты, и все повернулись к Аркадию. Никто не видел, конечно, того, что видел он, но звук не фокусировался в его ушах, как изображение на сетчатке его глаз. Виктор неожиданно оказался рядом, положил руки ему на плечи и сдавил их.

– Как? Когда? О чем ты? – вопросы были банальны, в иных обстоятельствах Аркадий не стал задавать именно такие вопросы, это было непрофессионально, но все вылетело у него из головы, сейчас он ощущал себя таким же обывателем, как Подольский или любой другой из десятка миллионов москвичей.

– Не знаю... Я вернулась только что, а мама... лежит...

– Покази, – резко сказал Аркадий, взяв наконец себя в руки. – Поверни камеру и покажи. И не плачь.

Изображение в его глазах дернулось, мелькнул потолок, это была гостиная, свет горел вполне, и видно было плохо. Руки у девочки дрожали, фокус размывался, женщина, лежавшая на полу, не была Аленой, не могла ею быть, Аркадий увидел чужое лицо, открытые безумные глаза, неподвижный взгляд, жена безусловно была мертва, нужно вызвать скорую, хотя это не имеет смысла, но все равно нужно вызвать, а он должен лететь, но как там Марина будет все это время одна – наедине с...

– Выйди, – четко сказал Аркадий, – выйди из квартиры, запри дверь, пойдешь к Безугловым и побудь у них, пока я не приеду. Я буду через полчаса, может, быстрее. Выйди немедленно и ничего не трогай.

Это его недомогание полчаса назад... Он не понял, что с ним произошло, а это был некробиот, ослабленный, потому что связь между ним и Аленой в последнее время была, как перетершийся шпатель... Значит, она умерла полчаса назад, и все это время он вел допрос, так и не поняв...

Но – почему?!

– Дай! – жестко сказал Виктор и протянул руку за аппаратом. Аркадий передал Хрусталеvu телефон и встал.

– Сиди, – сказал Виктор. Подольский и раввин смотрели непонимающе, у них были свои проблемы. Виктор переключил аппарат на повтор разговора, изображение видел только он, Аркадий не хотел, чтобы Марина говорила кому-то еще о смерти матери, но и забрать аппарат у Хрусталева не было сил. Или желания? Или еще чего-то?

– Поезжай, – сказал Виктор, закончив просмотр. Судя по жестам, он остановил кадры с мертвой Аленой, рассматривая тело. – Поезжай, я свяжусь с МУРом сам, они будут там раньше тебя, так надо. Скорую тоже вызову.

– А что... – начал Подольский.

– Я задерживаю вас обоих в административном порядке для проведения допросов по делу, – сказал Виктор. – Мы будем здесь до прибытия конвоя. КПЗ на Фонтанной вас устроит? Там вполне сносные условия.

– Я должен молиться! – воскликнул раввин. – У меня должна быть кошерная пища! Я не могу...

Виктор сказал что-то в ответ, Аркадий не расслышал, он шел к выходу, как призрак по замку – натыкаясь на стены и, кажется, даже проходя сквозь них. Во всяком случае, когда минуту спустя он обнаружил, что сидит в машине и дает полный газ, Аркадий не помнил, как спустился вниз. Просто был в комнате Подольского, а очутился здесь.

Машина взмыла в ночное небо – сразу во второй эшелон.

Глава десятая

«Я должен был»... Мысль кружилась в голове по стационарной орбите и была единственной, которую он осознавал, все остальное не вмещалось в памяти и существовало как бы отдельно от его личной вселенной. «Я должен был, я должен был»... Что – должен? Вернуться домой посреди дня, чтобы успокоить впавшую в транс жену? Успокоить женщину, изменявшую ему не первый месяц? Ну погиб твой Метальников, так ведь работа такая, не бери в голову... Бред. Если бы он вернулся домой вовремя, сейчас они с Аленой занимались бы выяснением отношений и наверняка довыяснялись бы до бросания посуды и оскорблений, переходящих в рукоприкладство. И все это – при дочери, которая заперлась бы в своей комнате и вздрагивала при каждом резком звуке... Да, но Алена осталась бы жива! Она осталась бы жива, а все остальное не имеет значения, не играет роли и вообще не в счет. А он носился по Москве и вспоминал о жене только тогда, когда никаких мыслей по поводу нелепой истории с Подольским не приходило в голову...

И теперь она мертва.

Он виноват.

Машина приземлилась слишком резко, и рессоры взвизгнули так, будто обругали неадекватного водителя всеми нецензурными словами великого и могучего русского языка. Подлетая к дому, Аркадий видел, что оперативники и медики уже на месте: мигалки двух типов мерно мерцали на подъездной дороге.

На этаже, когда Аркадий вышел из лифта, его встретил, однако, не дежурный патрульный эксперт, а репортер – знакомое лицо, знакомый голос, но кто именно? Аркадий не расслышал вопроса, отодвинул представителя прессы (почему он вообще здесь оказался, неужели в МУРе решили, что о смерти Алены можно писать в газеты?) и ворвался в собственную квартиру, как в осажденную крепость.

Алена лежала на диване в гостиной, телевизор все еще был включен, и между стеной и круглым столом расхаживали бесплотные герои вечернего сериала, угрожая друг другу пистолетами времен то ли ВЧК, то ли вообще Крымской кампании. Над Аленой склонились два врача, муровский оперативник, как положено, вел съемку, а понятия – двое соседей, лица которых Аркадий помнил, но имен не знал, – стояли поодаль, у окна, и о чем-то переговаривались.

Профессионализм взял, наконец, верх над чувствами, и к дивану Аркадий приблизился на твердых ногах, отмечая все детали. Дочери в комнате нет, с ней наверняка в ее комнате кто-то из муровских сотрудниц. Глаза у Алены уже закрыты, правая рука вытянута вдоль тела, левая свешивается до пола. Лицо спокойное. Пулевых ранений нет. Крови нет. Следов асфиксии нет. Приняла таблетки? Скорее всего. Типично женский способ покончить с жизнью. Можно было спасти, если бы Марина вернулась раньше...

– Таблетки? – спросил Аркадий в пустоту, уже зная, каким будет ответ: он заметил на шее, там, где начинался вырез платья, темное пятно с неровным краем, уходившее куда-то вниз. Не обращая внимания на предупреждающий возглас эксперта, Аркадий рванул воротник платья, и грудь обнажилась – запекшаяся, как мясо, которое долго продержали на сковороде. Пятно было темным по краям и совершенно черным в центре, на уровне сердца. И не нужно было иметь никакого воображения, чтобы увидеть: в грудь Алены будто уперлась раскаленная ладонь, с шипением сжегшая кожу, вот след основания большого пальца, а средний с указательным обозначились до второй фаланги. Правая ладонь.

Аркадий ощупал ткань платья, хотя и так было ясно, что материя не повреждена. Если бы это был луч – как в случае с Подольским, – то ткань вспыхнула бы, как свечка. Не было никакого луча. Не было вообще ничего, что появилось бы снаружи и уперлось в грудь, и жгло, жгло...

Огонь шел изнутри и ограничился кожей.

– Послушайте... – сказал Аркадий. – Что это?

– Ожог первой степени, – деловито ответил один из медиков; он наверняка знал Аркадия, потому что не старался ни скрыть информацию, ни хотя бы смягчить ее, полагая, что профессионал обязан знать все, – но непосредственная причина смерти, скорее всего, остановка сердца. Ожог возник позднее – может, на минуту-две. Поскольку следов температурного воздействия на платье нет, женщина, видимо, была одета уже потом... В момент смерти она была обнажена.

Что значит – обнажена? На Алене было ее домашнее платье, не платье даже, а что-то вроде вечернего халата, она любила ходить в нем, и под платьем у нее обычно ничего не было, она сбрасывала это платье-халат и спала нагишом, в комнате всегда было натоплено, а под одеялом и вовсе жарко... И она никогда не ходила голой по квартире. Конечно, она была в платье, смотрела телевизор, дожидаясь Марину. Наверняка думала о Метальникове и хотела отвлечься.

Но если так... Когда собираешься покончить с собой, не смотришь телевизор, дожидаясь дочь и, возможно, мужа. Дочь – чтобы обругать за позднее возвращение, а мужа – чтобы объявить, что между ними все кончено. Она не собиралась уходить из жизни, это совершенно ясно.

И значит...

– Нежная моя, – пробормотал Аркадий, – сорока, ты в клюве несешь...

Это были их слова, их с Аленой – в дни, когда между ними все было хорошо. Только эти слова и приходили сейчас в голову, только их Аркадий и мог произносить вслух, понимая, насколько нелепо они звучат над телом покойной и в присутствии экспертов, оперативника и понятых.

– Смерть наступила около часа назад, – продолжал врач, – примерно в двадцать двадцать два десять...

Именно тогда, когда раввин Чухновский говорил о возмездии и смотрел неистовым взглядом. А сам Аркадий стоял там, где утром лежало тело Генриха Натановича, и неожиданно ощутил слабость, причины которой не понял.

Некробиотический сигнал? Или?.. Что было причиной, что следствием, и существовала ли вообще связь между тем, что происходило в «Рябине», и тем, что в это время видела, слышала и ощущала Алена, сидевшая в одиночестве перед телевизором и страдавшая из-за гибели любовника?

Ладонь дьявола.

Окна салона выходили на юг, Аркадий сам подбирал в свое время расположение квартиры таким образом, чтобы ничто не заслоняло вид на ильинские леса, единственный зеленый массив в этой части города. Он понимал, конечно, что со временем и их выкорчуют, но пока... Ему не нужно было всматриваться в темноту за окном, чтобы удостовериться: не было там никаких автотрасс, отражающих зеркал дорожной инспекции и вообще ничего, кроме неба и звезд, а сейчас и звезд наверняка не было, потому что с заходом солнца на город напоздзли мрачные тучи, в которых рассеивался свет окраин – багровый, будто пожар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.